

Альберт Норден

Некоронованные
Владимители

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Albert Norden

**HERRSCHER
OHNE KRONE**

**DIETZ VERLAG
BERLIN,
1976**

Альберт Норден

Некоронованные Владимели

Перевод с немецкого В. П. Гренкова

Москва
Издательство „ПРОГРЕСС“
1978

Книга посвящена одной из наиболее актуальных тем истории Германии — становлению германского капитализма, раскрытию присущих ему особенностей. На примере истории династии Фуггеров, которая прослеживается на протяжении почти 500 лет, автор разоблачает существование германского капитализма и империализма в прошлом и сейчас.

Редакция литературы по истории

© Перевод на русский язык, «Прогресс», 1978

Н $\frac{10605-616}{006(01)-78}$ 78-78

К СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ.

Эта книга задумана как очерки по актуальным вопросам социологии эксплуататорских классов Германии в прошлом и в нынешней ФРГ. В качестве примера были избраны Фуггеры — семейная династия, входившая в XV и XVI вв. в число самых могущественных торговых, финансовых капиталистов и горнопромышленников мира, потомки которой в Федеративной Республике Германии ныне снова играют ультрапрекционную роль.

Первое издание книги вышло в свет накануне 450-й годовщины Великой немецкой крестьянской революции 1525 г.; это не случайное совпадение — здесь существует прямая связь. В этом величайшем классовом противоборстве в период перехода к новой эпохе Фуггеры олицетворяли самые темные силы реакции. Они в значительной мере способствовали поражению крестьян. Для ведения войны требуются деньги, много денег, — и Фуггеры давали их. Они финансировали армии ландскнехтов, реками проливавших крестьянскую кровь. Став крупными землевладельцами, они в те годы, как и в последующие столетия, участвовали в расправах с крестьянами в «своих» деревнях.

Описание истории этой семейной династии дало возможность перекинуть мост от раннего капитализма к господствующим ныне в ФРГ классам. От Фуггеров позднего средневековья прямая дорога ведет к тому самому князю Фуггеру, который, будучи выразителем интересов империалистических сил, сыграл немаловажную роль как в первой мировой войне, так и в период гитлеровского фашизма, а после 1945 г. стал одним из основателей баварского Христианско-

социального союза, избравшего его своим казначеем и третьим председателем партии.

У автора не было намерения написать семейную хронику. Думается, однако, что облик эксплуататорских классов и их идеология могут быть показаны более выпукло и доходчиво, если общее историческое исследование будет опираться на конкретные примеры.

Для немецкого автора-коммуниста отрадно, когда его книги предлагаются советскому читателю на русском языке. Я принадлежу к поколению тех, кто в юности стал свидетелем Великой Октябрьской социалистической революции, дело которой с тех пор было и остается и моим кровным делом. Я был воспитан на идеях Маркса, Энгельса, Ленина, а братская связь с Советским Союзом всегда была и является определяющим в моей жизни. Характерно, что первая написанная мною статья, опубликованная в начале 1922 г. под заглавием «Помогите Советской России!», призывала к оказанию помощи голодающему населению Поволжья.

Прошло шесть десятилетий, в течение которых силы империализма путем военных авантюр, с помощью самой подлой клеветы не раз пытались ликвидировать или ослабить первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян.

Но все оказалось тщетным. Победу одержал советский народ — авангард человечества в строительстве нового мира. Победу одержало прежде всего осознание того, что любовь к Советскому Союзу и верность ему равнозначны любви и верности к социализму.

Я имел в виду это, я имел в виду молодое поколение как в ГДР, так и в СССР, которое, к счастью, благодаря политике мира, проводимой СССР, ГДР и многими другими государствами, знает войну только понаслышке.

Предлагаемая книга ставит цель оживить прошлое, раскрыть его связь с нашими днями и показать настоящее с тем, чтобы извлечь урок на будущее. Пусть она послужит оружием в борьбе идей нашего времени, которое принадлежит прогрессу и коммунизму.

A. Норден

I. ПУТЬ К ВЛАСТИ

НА ЗАРЕ РАННЕГО КАПИТАЛИЗМА

1500-й год был не только началом нового столетия — он стал началом новой эпохи. Открытие Америки и морского пути в Индию широко раздвинуло известные дотоле тысячелетние границы мира. Несметные богатства недр, невиданные возможности развития торговли открылись для господствующих феодальных и городских слоев. Старые, строго ограниченные католическими догмами представления о мире рассыпались в прах, когда отважные европейцы завладели обширными, неизвестными ранее частями света, когда ученые вначале тайно, а затем открыто стали утверждать и доказали, что учение церкви о вращении Солнца вокруг Земли — заблуждение и что Земля — планета среди других планет. Реформация и вызванные ею последствия покончили с длившимся в течение веков духовным единовластием католической церкви. Социально-революционные движения и восстания крестьян, мелких ремесленников и плебеев, все еще носившие религиозную окраску, приняли столь широкий размах, что Фридрих Энгельс охарактеризовал их в 1850 г. как самую величественную революционную попытку немецкого народа¹.

В Европе, от которой тогда исходили мощные импульсы развития, процветало искусство. Никогда ранее не жили и не творили одновременно столь много великих художников и скульпторов; Леонардо да Винчи, Микеланджело, Тициан, Рафаэль, Джорджоне,

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2 е, т. 7, с. 432.

Синьорелли, Перуджино, Ботичелли, Браманте, Сансовино, Альбрехт Дюрер, Тильман Рименшнейдер, Маттиас Грюневальд, Лукас Кранах, Альбрехт Альдорфер — вот имена некоторых бесспорно крупнейших художников только лишь из Италии и Германии. Все они — выходцы из городских слоев, никто из них не принадлежал к феодальному дворянству. Их гуманистические взгляды порождали новое содержание и новые формы, отражали критическое отношение к действительности. Эти люди открыли новый мир: земного человека в его телесном воплощении, с его мыслями и чувствами, охватывавшими все многообразие жизни. Их важной заслугой было открытие мира пейзажа, который они освободили от искусственности, не считавшейся дотоле большим недостатком, и отразили природу в ее реальности.

В XIV в. удалось освоить производство бумаги и в Нюрнберге начала действовать бумажная мануфактура. С изобретением книгопечатания в середине XV в. (1454 г.) появились первые печатные книги, начался расцвет университетов. В стенах университетов и за их пределами силы гуманизма вели борьбу против мракобесия, инквизиции и мистики. Новые открытия в области естественных наук привели к усовершенствованию компаса и сектанта, к созданию более быстроходных кораблей, оснащенных парусами большей площади. На этих более надежных судах в 1492 г. Христофор Колумб отважился отправиться на Запад в поисках Индии и открыл Америку. Васко да Гама в 1497—1498 гг. проложил морской путь в Индию вокруг Америки, опровергнув тем самым ограниченную птолемееву систему мироздания¹.

Значительный прогресс был достигнут в использовании механических устройств. В горном деле и в металлургии стали применяться черпачные колеса и

¹ Средневековая система мироздания основывалась на учении греческого географа, астронома и математика Клавдия Птолемея (П л н э). Он считал, что в центре Вселенной находится неподвижная Земля; вокруг нее врачаются Солнце и планеты. Птолемей допускал, что Земля имеет форму шара. Однако он еще не знал, что суши омываются связанными друг с другом скеанами. Он исключал возможность попасть в Индийский океан морским путем через Атлантику, ибо предполагал, что восточная часть Африки связана перешейком с Юго-Восточной Азией.

подъемники, толчей для размельчения руды, медные и железные молоты, кузнечные мехи и различные приводные системы. При их помощи стало возможным проникать в глубь недр и увеличивать добычу. В ткацком ремесле колесо прядки стало приводиться в движение не рукой, а ножным приводом, и усовершенствованный горизонтальный ткацкий станок постепенно вытеснил примитивный вертикальный станок.

Развивалось и военное дело. Технический прогресс металлургии привел к возникновению артиллерии, способной разрушать даже крепости мелких феодалов. Все более широкое применение огнестрельного оружия привело к постепенной замене пехотой обремененной тяжелыми доспехами и поэтому малоподвижной рыцарской конницы. Рыцари стали ненужными как воинство, а в сфере экономики они играли лишь отрицательную роль, занимаясь грабежом и разбоем на больших дорогах, выжимая последние соки из оставшихся у них крепостных крестьян. Большинство из них, лишившись независимости, став придворной челядью князей, которые кормили их, давали им кров и громкие титулы, превратилось в подлинный сброд.

Новые идеи и открытия пробивали себе дорогу с большим трудом, в жестоком противоборстве со светскими и церковными князьями. Но даже пытки, сожжение еретиков и ведьм, отлучение от церкви и принуждение к отречению того или иного ученого уже не могли сдержать распространения идей нового времени. Со всем этим пришлось столкнуться прежде всего купцу, который способствовал этому прогрессу.

Стремясь получить прибыль, он меньше всего мог опираться на традиционные предрассудки. Он мог с пренебрежением относиться к туркам, считая их язычниками; но если он хотел вести заморскую торговлю, он должен был посещать и пересекать вдоль и поперек необъятную феодальную Османскую империю, в состав которой входило почти все Средиземноморье, кроме Италии, Франции и Испании. Независимо от своего мировоззрения в своей практической деятельности купец прежде всего должен был обладать способностью к восприятию нового. Источником

сго знаний были не Библия, не катехизис или молитвенник, а самые разнообразные сведения, которые всегда можно было проверить, сопоставив их с действительностью. И поэтому не случайно, что Мартин Бехайм (1459—1507 гг.), подаривший в 1492 г. своему родному городу Нюрнбергу собственноручно изготовленный глобус, был не только астрономом, но и прежде всего купцом. Также и Колумб был выходцем из купечества. И не энтузиазм первооткрывателя, а просто страсть к обогащению совпала у него с интересами королевской династии Испании, стремившейся к захватыванию новых стран и торговых путей.

Короче говоря, тысячелетняя феодальная система уже давно прошла свой зенит. В ее недрах взошли первые ростки раннего капитализма. Город с вышедшей за пределы его стен торговлей, с его товарно-денежными отношениями, многочисленными величественными дворцами патрициев, произведениями архитектуры все более становился центром общественной жизни.

Однако прогресс, который ранний капитализм противопоставил разлагавшемуся феодализму, носил в высшей степени противоречивый характер. Подрыв тесных рамок феодализма и простого товарного производства, большая свобода личности и подъем общественного производства оборачивались дорогой ценой для народных масс. Им приходилось платить за это подчинением диктату капитала, еще большей эксплуатации вплоть до полной экспроприации. «...История этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня»¹. Уже в начале перехода от феодализма к капитализму, в период так называемого первоначального накопления капитала, на сцену истории вышел новый эксплуататор, который «источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»².

СКУПЩИКИ ПРОДУКЦИИ ТКАЦКОГО РЕМЕСЛА

В эту картину органично вписывается деятельность семейства, которое, подобно комете, быстро

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд 2-е, т 23, с. 727.

² Там же, с. 770.

поднялось на небосводе экономики и политики, стяжав несметные богатства. Имя Фуггеров окружено легендой, наиболее широкое распространение которой не случайно совпадает с началом империалистического периода борьбы Германии за мировое господство. Биографы Фуггеров — Якоба (1459—1525 гг.) и Альтона (1493—1566 гг.) — стремятся доказать, что эти семьи, являющиеся, так сказать, родоначальниками нынешних монополистов, сумели на какое-то время захватить господствующие позиции в мировом хозяйстве, честно начав свой путь простыми ремесленниками, что используется как доказательство законности захватнических устремлений Германии XX в.

Необходимо развенчать эту легенду, которая оказалась столь же живучей, как и миф об американцах Рокфеллере и Вандербильте, предки которых, жившие в прошлом веке, сумели превратиться из чистильщиков сапог в миллиардеров. Как же происходило возвышение Фуггеров?

Достоверно известно, что в 1367 г. ткач Ханс Фуггер (умер в 1409 г.), выделявшийся бумазею, переселился из села Грабен в находившийся неподалеку Аугсбург. Даже домашний биограф семьи Фуггеров пишет, что, когда Ханс Фуггер прибыл к городским воротам Аугсбурга, он не был бедняком¹. Там он сразу же открыл торговлю шерстью и шерстяными тканями. Другой буржуазный историограф, Янсен, считает, что, появившись в Аугсбурге, Ханс Фуггер занялся сбытом ткацкой продукции, которую он получал из родного села. Таким образом, уже Ханс Фуггер был купцом.

Ткач Фуггер вряд ли решился бы тогда переселиться в Аугсбург. Этим ремеслом занимался каждый третий житель города, и конкуренция была велика. В Аугсбурге господствовала немногочисленная пролойка богатых патрициев, к ней принадлежали семьи Гервартов, Гофмайров, Ильсунгов, Лангенмантелей, Манлихов, Равенсбургов, Релингеров и Вельзеров. Представители мужской линии этих родов, 122

¹ См.: Götz Freiherr von Pölnitz (далее: Pölnitz). Jakob Fugger Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutschen Renaissance. Tübingen, 1949, S. 7.

человека, были связаны друг с другом постоянно во-
зобновлявшимися узами семейного родства. Посколь-
ку в каждом из этих восьми родов господствовала
строгая иерархия, лишь немногие из их членов счита-
лись полновластными отцами города. Они входили в
состав «малого», узкого совета.

Когда Ханс Фуггер прибыл в Аугсбург, в городе
было неспокойно. Противоречия между ткачами и
патрициями обострялись; не прожив там и года,
купец стал свидетелем серьезных волнений среди тка-
чей. Вооруженная толпа под предводительством
некоего Гейнца Вайса, «старости ткацкого», направи-
лась к ратуше. Возмущенные ткачи протестовали
против социального и политического гнета богатых
семей, в особенности против налога «*Ungeld*»¹ и дру-
гих особых налогов, которые постоянно росли и ста-
новились все более невыносимыми. Они требовали
создания своего цеха «в добром мире», дабы никто
не опасался впредь за жизнь и добро свое. Они тре-
бовали выдачи им знаков городской власти — город-
ского реестра, «городскую грамоту», а также ключи
от набатного колокола.

Цеховая корпорация ткачей была создана. Одна-
ко власть по-прежнемуочно держали в своих ру-
ках патриции, и беспорядки в городе продолжались.
Ханс Фуггер в борьбе ткачей не участвовал, хотя и
был членом их цеха. Интересы ткачей не были его
интересами. И то, чего он не смог выжать из ткачей
при помощи коммерции, он получил другим путем.
Ловкий купец женился на дочери цехового мастера,
который по своему положению входил в состав сове-
та города и который сразу же добился для своего
зятя членства в цеховой корпорации, а также прав
горожанина. То, чего другим удавалось достичь лишь
тяжелым трудом, Фуггер получил в приданое. Его
жена вскоре умерла, он вновь женился, на этот раз
на дочери ткача, ставшего впоследствии новым цехо-
вым мастером.

¹ «*Ungeld*» взимался дополнительно к обычным налогам в
связи со всевозможными чрезвычайными обстоятельствами: для
выплаты военных долгов, устранения последствий стихийных бед-
ствий или для проведения в городе крупных строительных работ.

К этому времени в цеховую корпорацию ткачей входили не только ремесленники; примерно с конца XIV в. ее членами становились также торговцы бу-мазеей и полотном и так называемые скupщики, то есть люди, которые уже не сидели за ткацким станком, а давали заказы ткачам и сбывали их готовую продукцию. Таким образом, они, не занимаясь ремеслом, клали в свой карман прибыль, возникавшую на пути товара от производителя к потребителю. В дальнейшем оптовые купцы стали независимыми и от поставщиков сырья, перейдя к прямой закупке хлопка и других сырьевых товаров в Италии и забрав в конце концов в свои руки всю цепь — от снабжения сырьем до продажи готовых изделий.

Здесь мы имеем дело с разложением вековых обычаяев и традиций, согласно которым мастера и подмастерья в соответствии с цеховыми правилами сами производили и сбывали свою продукцию. Речь идет о так называемом простом товарном производстве, которое характеризуется личной собственностью производителя на средства производства и на произведенный при их помощи продукт, предназначавшийся либо для продажи на рынке, либо для собственного потребления или для обмена на другие изделия. Купец выступал при этом лишь в качестве посредника; он все еще находился в значительной зависимости от ограниченного производства товаров мелкими ремесленниками, которые передавали свое ремесло от отца к сыну и внуку.

В этот хотя и неустойчивый, но остававшийся неизменным мир простого производства вместе с растущей интернационализацией торговли, с ростом численности населения, освоением новых рынков сбыта и расширением производства вторгся купец. Теперь сбыт регулировался уже не цехом — купец подчинил себе ремесленников, а затем и целые цеховые корпорации и взял на себя сбыт их продукции. Он поставил в зависимость от себя подавляющее большинство членов цеха, стал их эксплуататором, довел их до крайней бедности, а сам нажил богатство.

Так обстояло дело и с Фуггерами. Уже упомянутый выше пришелец занял среди 2390 налогоплательщиков Аугсбурга 41-е место. Он владел несколькими

домами и земельными участками, принадлежал к цеховому руководству и даже сумел стать членом муниципалитета города (для простого ткача было просто немыслимо столь быстро стать владельцем такого сравнительно крупного состояния). Он быстро достиг положения одного из тех скупщиков, которые «мучают своих рабочих и ремесленников», как сетовал в своем «Диалоге о скопости» (1524 г.) знамени-тый сапожник и поэт Ганс Сакс.

Характерной особенностью политической структуры крупных имперских городов того времени была та, что Фуггеры, уже в конце XIV в., не будучи ткачами, тем не менее остались официальными представителями ткачей в городской администрации и продолжали эксплуатировать их.

После смерти в 1409 г. основателя династии следующие поколения значительно увеличили основной капитал Фуггеров путем посреднических сделок с бумагозаводами мануфактурами в Аугсбурге и его округе и торговли самыми различными товарами. К середине XV в. Фуггеры развернули заморскую торговлю, которая прежде всего охватывала импорт шерсти из стран Востока, а также английских и итальянских тканей. Через столетие после смерти первого аугсбургского Фуггера его потомки уже были большой силой в городе. А кто обретал силу в Аугсбурге, тот располагал сильными позициями и за его пределами. Ибо через Аугсбург проходили торговые пути от итальянских центров раннего капитализма во Фландрию с ее высокоразвитым ремесленным производством в городах, а также в прибалтийские страны вплоть до глубин России. Выгодному положению Аугсбурга на перекрестке международных торговых путей, связывавших Италию с Северным и Балтийским морями, обязаны крупные коммерсанты Аугсбурга своим богатством и исключительно большим влиянием, которым они пользовались с конца XV в. в течение определенного времени.

Таким образом, не особая гениальность этих торговцев превратила их вдруг в богов коммерции и финансов, а объективное развитие, экономический процесс вывели на авансцену таких предпринимателей эпохи раннего капитализма, как Фуггеры, Вельзеры,

Гохштеттеры, Паумгартнеры, которые со своей стороны сумели распознать тенденции развития и без угрызений совести использовали их в целях наживы. Они превратились в беспощадных эксплуататоров цеховых ремесленников, на этой основе стали крупными коммерсантами и более того. Очевидным фактом, свидетельствованным критиками общественных устоев того времени, является тот, что большинство ремесленников Аугсбурга и Нюрнберга к началу XVI в. уже утратили свою самостоятельность и попали в зависимость от купцов-капиталистов, что означало переворот в отношениях, который разрушил целый мир понятий и который не мог не вызвать бунтарских движений.

Так оптовый купец подчинил себе производство. Карл Маркс, исследуя исторические основы торгового капитала, в особенности в III томе «Капитала», показал, как купец из посредника, скупавшего товары у производителей, первоначально от него не зависевших, превратился в хозяина производства и производителей. Тем самым он объективно содействовал переходу от феодализма к капитализму. Но Маркс также указал и на то, что «этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку... Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей... и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства»¹.

Основоположник научного коммунизма приводит в качестве убедительного примера французскую шелковую промышленность и английскую чулочную и кружевную промышленность; но это целиком и полностью относится и к южногерманскому производству холста и бумаги. Классическое тому подтверждение — деятельность Фуггеров. Проследим же их карьеру.

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 25, ч. I, с. 367—368.

Источником, питавшим их выросшее до размеров крупного международного предприятия дело, первоначально была так называемая скупка («Verlagswesen»), массовая эксплуатация швабских ткачей. Аугсбург был прежде всего центром производства бумаги. Между XIV и XVI веками значение ткацкого ремесла сильно возросло. К 1480 г. 6000 ткачей Аугсбурга ежегодно производили около 70 000 штук холста и 35 000 штук бумаги. Эта ворсованная с одной стороны ткань вырабатывалась из различных видов пряжи. В то время как для изготовления утка применялась пряжа из хлопка, основу ткачи делали из льна, ибо грубый средневековый ткацкий станок еще не годился для производства ткани из чистого хлопка.

Этот новый вид ткани и способ ее выработки были завезены в середине XIV в. венецианскими купцами. Расположенный на берегу реки Лех, богатый водой Аугсбург был первым немецким городом, начавшим закупать в Венеции хлопок, цена которого была ниже цены на овечью шерсть, и перерабатывать его. Производство бумаги быстро стало важнейшим промыслом и основой богатства города. Подсчитано, что благодаря ему общая стоимость облагавшегося налогами имущества бургевров Аугсбурга за время с 1470 г. по 1500 г. увеличилась не менее чем в четыре раза, а к середине XVI в. — даже в 13 раз¹.

В то же время географическое положение Аугсбурга, пути снабжения сырьем и технология производства бумаги способствовали тому, что ткачи все более оказывались в зависимости от купцов, занимавшихся междугородной торговлей. Отделение производителей от сырьевых рынков сыграло решающую роль в развитии системы авансирования ткачей под залог ожидавшейся продукции (Verlegerbeziehungen) и их закабаления скупщиками (Verleger)².

¹ Friedrich Heer. Augsburger Bürgertum im Aufstieg Augsburgs zur Weltstadt (1275—1530). — «Augusta, 955—1955. Forschungen und Studien zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte Augsburgs», München, 1955, S. 120.

² Буквальное значение понятия «Verleger» восходит к глаголу поздненемецкого языка «verlegen». Это значение обнаруживается теперь лишь в редких случаях: когда мы

Что означала эта система для ткачей?

Фуггеры, подобно Мейтингам, Вельзерам, Госсембротам, Гервартам, Артцтам, Гохштеттерам и другим крупным купцам Аугсбурга, закупали хлопок в Сицилии, на юге Италии, в Калабрии и на Кипре. Работавшие на них ткачи выделяли из этого хлопка сурье, за которое Фуггер и его компания платили им низкие цены, и после отбелки и окраски сбывали его на международном рынке, получая огромные прибыли.

Для ведения международной меновой торговли требовались большие количества ткани одинаковой ширины и выделки, одинакового качества. Спросом пользовались прежде всего хорошо обработанные, отбеленные и окрашенные ткани, отвечающие самым высоким требованиям. Поэтому купец, выступавший также и как скупщик, не только определял количество ткани, которую должны были сдать ему ткачи, — он диктовал также и цену, присвоив себе право оценивать и качество продукции, что давало ему возможность еще более снижать оплату. Предъявляя все более жесткие требования к ткачам, он вынуждал их включать в трудовой процесс их жен и детей, чтобы в какой-то мере компенсировать потери от заниженных цен. На товар высокого качества Фуггеры ставили клеймо с изображением трезубца — торговый знак фирмы. За плохой товар они взыскивали с ткачей штраф, «пени», и конфисковывали у них ткань со ссылкой на невыполнение ими условий договора. В судебных архивах Аугсбурга хранятся тома протоколов о тяжбах, которые уполномоченные Фуггеров вели с ткачами. Если ткач оказывался неплатежеспособным, то Фуггеры описывали его имущество. Труд ткачей,

просим кого-либо «выложить» (авансировать) нам некоторую сумму денег; в пивоваренном деле имеется понятие «Verleger-Abzug» (доля кредитора). И прежде всего это значение сохранилось в термине «Verlagsbeziehungen» — договорные отношения с издательством, в которые вступает любой автор, намеревающийся опубликовать статью или издать книгу. Во времена Фуггеров оптовый купец «выкладывал» деньги или товар. В нашем случае он авансировал ткача, давая ему пряжу и принимая от него в оплату готовую ткань. За это он клал себе в карман львиную долю выручки от разницы стоимости пряжи и ткани, то есть стоимости поставленного им сырья и полученной готовой продукции.

результаты которого присваивали Фуггеры, используя свою силу и влияние, был источником постоянно увеличивавшегося богатства этого купеческого клана.

Аналогичный процесс развивался также и в других верхнегерманских городах, например в Ульме и Нюрнберге. Даже беглое ознакомление с постановлениями нюрнбергского совета свидетельствует, что к концу XV в. большинство ремесленников уже утратили свою экономическую независимость и оказались прочно связанными договорными обязательствами с оптовыми купеческими фирмами, снабжавшими их сырьем. Ремесленники должны были «добывать себе пропитание чаще всего штучной работой и получать ее в Нюрнберге и Аугсбурге», в то время как «господин купец в доме своем прибыль имел»¹. Имеются сведения, что в восьмидесятые годы XV в. скупщики начали ввозить из Пруссии лен лучшего качества, чем местный, и сдавать его в переработку аугсбургским ткачам. Мелкие ремесленники, покупавшие лен непосредственно у местных крестьян и сами сбывавшие свой товар на рынке, доставив его туда на тележке либо в коробе на собственной спине, не выдерживали такой конкуренции. За тот же объем работы они получали все меньшую выручку: их ткань была грубой выделки, размеры куска определялись семейной традицией, и тюков в партии на продажу чаще всего было не так уж много. В дом ткача приходили голод и нужда. Казалось, что система авансирования сырьем в счет будущей продукции давала выход из тяжелого положения. Она обеспечивала регулярный сбыт, даже если размер куска, вид пряжи и ткани определялись скупщиком. Но он предъявлял все более жесткие требования, используя любой повод для снижения оплаты труда. Откуда мог аугсбургский ткач знать, по какой цене сбывал скупщик в других странах вытканную им бумагу? Он мог лишь догадываться, что между богатством оптовых купцов и его трудом существует какая-то связь.

Постепенно становилось все более очевидным, что по мере роста торговли бумагой росла зависимость

¹ Gustav Aubin, Arno Kunze. *Leinenerzeugung und Leinenabsatz im östlichen Mitteldeutschland zur Zeit der Zunftkäufe*. Stuttgart, 1940, S. 55.

ткачей от скупщиков и от их кабальной системы, и в эту зависимость рано или поздно попадал каждый. И хотя таким образом ткацкое ремесло развивалось, это развитие сопровождалось неизбежным обнищанием ткачей. Следствием этого были «большие смуты и распри между всем цехом и торговцами», которые «становились... все сильнее да злее»¹.

Начавшаяся пауперизация ткачей не ограничилась лишь Южной Германией. С развитием ярмарочных торгов в Лейпциге аугсбургские и нюрнбергские купцы стали торговать также и в Саксонии, где они создали сеть своих факторий. Их агентами в отдельных городах и областях — так называемыми факториями — часто становились именитые члены муниципалитетов, которые хорошо знали местные условия. Южногерманские купцы заключали с ремесленниками сделки на основе авансирования их сырьем с оплатой готовой продукцией. Такими сделками, как правило, охватывались целые цехи ткачей. В «Перечне некоторых жалоб», датированном 1553 г., содержится жалоба саксонских ткачей на «нюрнбергских и других торговых людей», которые «чуют и знают, что умысел их удачен будет и никто им помехой не станет», ибо «сам бургомистр и член городского совета вкупе с ними»².

Еще более жесткой хваткой, чем в городах, держали скупщики деревенских ткачей. В то время как городские ткачи могли получить известную поддержку со стороны цехов, то ткачи в деревне были фактически беззащитны. У них не было цеховых объединений; рассеянные по небольшим селениям, они были слишком слабы, чтобы устоять против силы скупщика. Поэтому им чаще всего приходилось трудиться в еще более тяжелых условиях, чем членам цеховой корпорации в городе, а дешевые цены на их ткани скупщик использовал для того, чтобы сбивать цены

¹ «Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert». Vierunddreißiger Band, Augsburg, Neunter Band, Stuttgart und Gotha, 1929, S. 238.

² Arno Kunze. Das oberdeutsche Handelskapital und die sächsische Leinwand im 16. Jahrhundert. — «Meißnisch-Sächsische Forschungen. Zur Jahrtausendfeier der Mark Meißen und des Sächsischen Staates». Dresden, 1929, S. 115.

на продукцию городских ткачей и на товары своих конкурентов.

В Вейсенхорне и Кирхберге, где жили ткачи, эксплуатируемые Якобом Фуггером, он хозяйничал не только как скупщик, но и как владелец земель и крестьян пяти общин, расположенных между Аугсбургом и Ульмом. Используя свое положение кредитора дома Габсбургов, Якоб Фуггер добился, что императорским декретом в его владение были переданы земли вокруг Вейсенхорна.

Предыстория этой сделки относится к 1473 г., когда император Фридрих III Габсбургский (1415—1493 гг.), направлявшийся в Трир на съезд рейхстага, остановился в Аугсбурге, чтобы заказать себе и своей свите пышные одежды. Из всех аугсбургских купцов лишь Ульрих Фуггер (1441—1510 гг.) оказался в состоянии выполнить столь крупный заказ. Кстати сказать, пребывание императора и его сына Максимилиана (1459—1519 гг.) в Аугсбурге являло собой все что угодно, но только не демонстрацию императорской власти. Оно завершилось скандалом, который наглядно показал всю слабость центральной власти в Германии и важную роль имперских городов, обладавших довольно большой политической самостоятельностью. Что же произошло в Аугсбурге? При отъезде императора выяснилось, что он не в состоянии оплатить свои расходы. И если Фуггеры были удостоены милостью габсбургского повелителя, получив от него за «угодные и усердные услуги» право иметь фамильный герб¹, то другие кредиторы препретили выезжавшему из города императору путь и отпустили его с миром лишь после того, как на выручку пришел совет города, ссудивший его деньгами.

Одним словом, ткачи из округи Вейсенхорна в течение одного десятилетия оказались полностью под властью Фуггеров. Если раньше они сбывали свой товар на ярмарке в соседнем Ульме, то теперь Фуггеры организовали собственную базу для скупки бумаги, заставив ткачей продавать свой товар только им. Они

¹ «Wappenbrief Kaiser Friedrichs III. für Ulrich, Marcus, Peter, Georg und Jakob Fugger, 9. Juni 1473», Max Jansen. Die Anfänge der Fugger (bis 1494). Leipzig, 1907, S. 175—176. — «Studien zur Fuggergeschichte, Erstes Heft».

построили магазин, в котором определяли качество ткани, взвешивали ее и рассчитывались за товар. Фуггеры не только скупали бумагу, но также взимали плату за оценку продукции и неустойку. Подобно плате за индульгенции, деньги собирались в специальные кружки, ключом от которых распоряжался только казначай Фуггеров.

Четверть всех поборов шла прямо Фуггерам, а остальной частью они распоряжались по соглашению с бургомистром и советом Вейсенхорна. Затем, в 1517 г., Фуггеры ввели так называемый Вейсенхорнский регламент купли-продажи бумаги, согласно которому все ткачи, получавшие от них сырье, были обязаны предъявлять свою продукцию независимо от ее качества для оценки и продавать только им, беспрекословно подчиняться любому решению относительно оплаты, оценки качества, реализации низкосортной ткани, размера неустойки или штрафа. Подключив к своей коммерческой деятельности судебные органы Аугсбурга, Фуггеры получили неограниченные привилегии блюстителей закона в Вейсенхорне, а роль их исполнительных органов выполняли местный совет и оценщики бумаги.

И ульмские ткачи, которые с трудом выдерживали гнет своих патрициев, также испытывали на себе конкуренцию Вейсенхорна. Возможности для сбыта их товаров сокращались, ибо Фуггеры повсюду сбивали цены, вытесняя их с рынка. Постоянно возникавшие вследствие этого волнения в Ульме были причиной острой вражды членов совета города с Фуггерами, которые лишили их прибыльных сделок с деревенскими ткачами.

Ульмские бюргеры наводили в Нюрнберге и Страсбурге справки, как можно было бы пресечь столь вызывающие действия Фуггеров. Они даже пытались оказать давление на императора, чтобы изгнать Фуггеров из Вейсенхорна. Они также заявили о своей готовности уплатить конкурентам 30 000 гульденов, если те закроют филиал своей фирмы в Вейсенхорне. Все было напрасно. Экспорт бумаги дома Фуггеров в северогерманские области, в Нидерланды, Италию, Португалию и даже во враждовавшую с Габсбургами Францию продолжал расти. Английские короли Ген-

рих VIII (1491—1547 гг.) и Эдуард VI (1537—1553 гг.) принадлежали к числу наиболее крупных покупателей бумаги Фуггеров. Также и в Испании имелась широко разветвленная сеть агентов, занимавшихся сбытом ткани с клеймом в виде трезубца. В счетах фирмы за 1548 г., например, отражена дебиторская задолженность за поставленную в Испанию бумагу из Вейсенхорна на сумму 15 734 мараведисов.

Сохранились и другие записи, которые дают представление об объеме торговли Фуггеров. Так, в 1553 г. в пути из Венеции в Вейсенхорн находились партии шерсти и хлопка на сумму 11 502 и 21 466 гульденов. В том же году на складах Фуггеров накопились запасы бумаги стоимостью в 7236 гульденов; стоимость запасов товаров во Франкфурте-на-Майне и в других городах составила 18 398 гульденов¹.

Эксплуатация ткачей путем их авансирования сырьем в счет готовой продукции принесла Фуггерам огромные барыши. И позднее, когда аугсбургская фирма стала заниматься главным образом горным делом, Фуггеры нисколько не ослабили интереса к торговле бумагой. Конечно, с течением времени Фуггеры все больше занимались банковскими операциями и торговлей рудой. И все же торговля бумагой, как об этом свидетельствуют записи в бухгалтерских книгах фирмы, играла важную роль в ее деятельности вплоть до середины XVI в.

Отношения Фуггеров со «своими» ткачами, основывавшиеся на системе авансирования под будущую продукцию, характерны для производственных отношений эпохи позднего средневековья и начала нового времени, предыстории раннего капитализма. История Фуггеров, начиная с установления их господства над целыми цехами вплоть до монопольного положения в горнодобывающей промышленности, о чем речь впереди, подтверждает вывод Карла Маркса: «На первоначальных ступенях буржуазного общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе — наоборот... капитал возникает лишь там,

¹ Таблицу сравнительной стоимости различной валюты см. с. 226.

где торговля овладевает самим производством и где купец становится производителем или производитель становится просто купцом»¹.

В этом Фуггеры ничем не отличаются от других оптовых купцов своего времени. Вся их деятельность в полной мере определялась общественной функцией купеческого капитала XV и XVI вв. Подчинив себе вначале ткачей и развивая активную деятельность в других областях, Фуггеры создали основу, на которой они уже в XV в. стяжали огромное богатство и вышли на европейский рынок.

ОПТОВЫЕ КУПЦЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МАСШТАБА

Интенсивное развитие международной торговли в XV в. привело к возникновению устойчивых связей и отношений между рынками, удаленных друг от друга на расстояние сотен и даже тысяч километров. Вызванные этим развитием потребности и начинания содействовали развитию ремесла и подрывали устои феодализма. Фридрих Энгельс писал: «Купец был революционизирующим элементом этого общества, где прежде все было неизменно, неизменно, так сказать, по наследству... И вот в этот мир вступил купец, который должен был стать исходным пунктом для этого переворота. Но он действовал не в качестве сознательного революционера, а, наоборот, как плоть от плоти, кость от кости этого мира»².

Используя свою деятельность в качестве скопщиков и доходы от капиталов, которые вкладывали в их дело церковники, Фуггеры стали участниками выгодных сделок в процветавшей международной торговле. И вскоре они, опираясь на свое богатство и на запасы товаров, могли диктовать свои условия в торговле.

Якоб Фуггер обучался торговому делу в Венеции, одном из богатых и передовых в экономическом, финансовом и культурном отношениях торговых городов мира. Деловые и личные связи его клана в Италии открывали перед ним все двери, благодаря чему ему становились известны тайные пружины и движущие

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 46, ч. II, с. 372—373.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 25, ч. II, с. 475.

силы мировой торговли. И чтобы постичь все это, ему потребовались лишь месяцы, а не годы. По уровню развития торговли и банковского дела Италия более чем на столетие опережала другие страны Европы. В Венецию съезжались купцы со всего света. Сюда прибывали корабли из стран восточного Средиземноморья, так называемого Леванта, с пряностями, прибыль от продажи которых дворам европейских монархов достигала 150%. Здесь останавливались остзейские купцы, путь которых пролегал через добрую половину стран Европы. И наблюдательный человек имел здесь возможность изучить новейшие методы двойного бухгалтерского учета¹, счетоводства и кредитных операций.

Южногерманский купец использовал свой шанс и с учетом этих современных методов международной торговли в течение последующих десятилетий организовал свое фамильное торговое дело. Вскоре Фуггеры вели торговлю почти со всей Европой. У них имелось все, что только могли пожелать избалованные обитатели дворцов и замков, богатые патриции: благовония из арабских стран, драгоценные камни и редкие животные из других частей света, сукна и шелк, кожи тончайшей выделки, орехи, апельсины, перец и соль. Император и короли, князья и рыцари покупали у Фуггеров оружие и военные материалы: копья и алебарды, секиры, ружья, олово для оружейников, селитру для изготовления пороха, рыцарские и конные доспехи. Фуггеры обеспечивали сырьем центры ремесла в Германии и Западной Европе, снабжали простой люд холстом, грубошерстными тканями и другими товарами.

¹ В то время как простой бухгалтерский учет охватывал лишь количественную сторону какой-либо торговой сделки или производственного процесса, двойной бухгалтерский учет отражал также стоимость сделки или производства. Двойной бухгалтерский учет являлся, таким образом, конкретным финансово-техническим выражением того, что деньги во времена Фуггеров и при их содействии стали, как говорит Маркс, «всесобщим эквивалентом». Пользуясь двойным бухгалтерским учетом, Фуггеры могли вести стоимостный учет своего имущества, сопоставлять актив и пассив и осуществлять самые различные коммерческие операции на основе безналичного расчета — независимо от места, времени сделки и потребительной стоимости товара.

Немаловажную роль во всех этих сделках играло выгодное положение Аугсбурга. Путь из Венеции через Альпы вел прямо в этот город. Отсюда, подобно нитям огромной паутины, тянулись торговые пути Фуггеров, охватывая обширные области Европы. Торговля бойко шла на суше и на воде, для перевозки товаров использовались сотни тяжелых упряжек, баржи и плоты, действовала служба конных курьеров. При этом успех дела зависел от правильного определения маршрута торговых караванов, для чего требовалось хорошее знание политической, экономической и военной обстановки в тех суверенных областях, через которые они должны были следовать. Нередко приходилось выбирать обходные пути, чтобы скрытно и путая следы добраться наконец до цели. Некоторые феодалы обращались к Фуггерам с просьбами направлять свои обозы через подвластные им земли, чтобы получать с них дань в виде таможенной пошлины.

Став купцами европейского масштаба, Фуггеры пользовались широкими привилегиями, полученными от императора, и, когда это было нужно, его военной защитой. Нередко было достаточно пустить лишь какой-нибудь слух, чтобы принудить князей или герцогов к снижению таможенных пошлин или другим уступкам. Это относилось прежде всего к экономически менее развитым государствам и княжествам на севере и юге империи.

Огромная сеть предприятий Фуггеров действовала столь успешно также и потому, что их агентами и полномочными представителями были опытные и ловкие торговцы. Эти люди отличались не только благонадежностью, но и умением разбираться в политической обстановке. Ибо вояж из Аугсбурга в Антверпен, Лиссабон или в Краков длился неделями. Таким образом, торговые агенты должны были уметь принимать самостоятельные решения, нередко имевшие далеко идущие последствия. И повсюду, почти во всех торговых и политических центрах Европы можно было встретить представителей фирмы Фуггеров: в Неаполе, Риме и Лиссабоне, в Мадриде, Лейпциге или в Антверпене, Инсбруке, в Вене или в Кракове. Это были либо члены семейства Фуггеров и

породнившиеся с ними люди, либо доверенные, тщательно отобранные лица. Они не только вели торговлю, но и занимались сбором информации, без которой многие из сделок Фуггеров не могли бы осуществляться.

Один из агентов, Вольф Галлер, происходил из рода нюрнбергских патрициев. Через него Фуггеры поддерживали связь с императором Карлом V (1500—1558 гг.), и в избрании последнего в 1519 г. императором он сыграл немаловажную роль. Когда на Вормском рейхстаге в 1521 г. наряду со снятием долгов императора был также уложен вопрос о долгах герцога Георга Саксонского (1475—1539 гг.), это было сделано при участии Вольфа Галлера, имевшего полномочия от Фуггеров. Сколь важен был этот человек для императора, можно судить по тому покровительству, которым он пользовался у Карла V. Император дал Галлеру имперские ленные привилегии и дворянский титул, а также наделил его землей. Он дослужился до чина имперского советника, пользовался судебным иммунитетом, был освобожден от уплаты налогов и пожизненно занимал должность председателя имперского суда Нюрнберга. Еще его отец возглавлял имперскую судебную палату в Инсбруке, один из братьев был генеральным секретарем венгерской королевы Марии и председателем имперского суда Франкфурта-на-Майне, другой брат — сборщиком «имперского пфеннига». Его брат Руппрехт совместно с Фуггерами разрабатывал в венгеро-словацком районе Офен (Буда) залежи руды. Один из сыновей Руппрехта, Халлерс, был назначен верховным судьей Венгрии и камерграфом в Кремнице — должность, перешедшая позднее к семейству Турцо, к тем породнившимся с Фуггерами Турцо, которые сыграли решающую роль в развитии меднорудного дела в Венгрии, включенного в сферу деятельности аугсбургских купцов. Сын Вольфа Галлера Петер (ум. в 1569 г.), занимавший пост главного казначея Венгрии и Семиградья (Трансильвания), также был связан с южно-германским торговым домом.

Таким образом, через семью лишь одного из своих факторов Фуггеры оказывали влияние на политические и финансовые дела Карла V, Георга Саксонского, королевы Марии и короля Владислава

(1456—1516 гг.) Венгерских, а также на венгерское судопроизводство. И если Фуггеры не были официально представлены на переговорах, которые вели папа или император, католические или протестантские князья, то там наверняка были их шпионы. Фуггеры были хорошо осведомлены об экономическом и политическом положении в Европе, и даже император и папа посылали к ним за сведениями или, как это делали император и высшее духовенство, сами останавливались в аугсбургском доме Фуггеров, если речь шла о делах государственной важности. Это также свидетельствует о монопольном положении Фуггеров среди крупных торговцев.

Но для того чтобы добиться такого положения, одних лишь сделок по скупке бумаги и посредничества в международной торговле было недостаточно. Основой быстрого возвышения Фуггеров, обеспечившей превосходство над конкурентами, стало их проникновение в международное горное дело.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКИР, ГОРНОЗАВОДЧИК-МОНОПОЛИСТ И ОПТОВЫЙ ТОРГОВЕЦ

Начавшийся в конце XV в. и продолжавшийся до середины XVI в. подъем почти всех отраслей экономики империи в решающей мере был вызван развитием в Германии добычи серебра, что привело к небывалому оживлению товарооборота и внешней торговли, дало мощный толчок развитию денежных и кредитных сделок. Германские области на время заняли ведущее место в экономическом развитии Европы.

Добыча серебра «послужила последним толчком, поставившим Германию в 1470—1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы... Она оказалась последним фактором в том смысле, что дело дошло до сравнительно высокого развития цехового ремесла и посреднической торговли, а это дало Германии преимущество перед Италией, Францией, Англией»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 37, с. 229

Среднегодовое производство серебра важнейших горнорудных районов за десятилетие с 1511 по 1520 г. составляло

Словакские Рудные горы (Фуггеры — Турцо)	28 700 кг
Фалькенштайн близ Шваца в Тироле	11 200 »

Тирольские месторождения серебра считались в XV и XVI вв. наиболее богатыми в Европе. Должно было пройти много лет с тех пор, как в долине реки Инн в центрах горнорудных районов Шваца и Кицбюэля была начата разведка месторождений, чтобы к 1470 г. резко увеличилось производство серебра на промыслах Фалькенштайн близ Шваца. С возрастающим успехом начиная с середины XV в. велась добыча серебра и меди в Штирии. С 1470 г. начались разработки серебра в районе Рудных гор, вначале на территории Саксонии в Шнеберге, несколько позднее — в Аннаберге, и в течение первых десятилетий XVI в. в Богемии, у Иоахимстала (Яхимов). Одновременно расширялась добыча серебра и меди в горнорудном районе Мансфельд — Эйслебен и благородных металлов в тогдашнем венгерском Нейзоле (ныне — словацкая Банска-Бистрица), в Шемнице (Банска-Штьявница) и в Кремнице (Кремница).

В соответствии с правовыми принципами феодализма исключительное право собственности на все горные богатства, так называемая горная регалия, принадлежало лишь королю и князьям земель, которые превратили его в важнейший источник своих доходов. Они разрешали самостоятельным «предпринимателям», участникам горнорудных товариществ (*Gewerke*) добывать и плавить руду, обязывая их, однако, передавать им часть добытого серебра безвозмездно, а другую, большую часть — за плату, которая устанавливалась самими владельцами горных регалий. В результате многие участники горнорудных товариществ вместо ожидаемых прибылей несли убытки, в то время как князья неизменно были в выигрыше.

Поэтому Якоб Фуггер в течение длительного времени избегал вкладывать капитал в связанное с риском горное дело, используя его там, где можно было получить большую прибыль. Представляя Габсбур-

Саксонские Рудные горы	6 300 кг
Мансфельдский горнорудный район	5 900 »
Богемские Рудные горы (Иоахимсталь)	3 300 »

К этому следует добавить серебро из рудников Верхнего Гарца, Шварцвальда и других областей. В тридцатые и сороковые годы XVI в. все еще продолжался значительный рост добычи.

там кредиты, он вынудил их к постепенной передаче ему прав на предназначавшуюся суперену часть доходов от горного дела (феодальная горная регалия).

Эрцгерцог Сигизмунд Тирольский (двоюродный брат короля, а позднее императора Максимилиана I из дома Габсбургов), владелец горной регалии в подвластных ему областях, получил в 1478 г. от горно-промышленников лишь в уплату за право на разработку рудных залежей 79 440 гульденов. Наибольшие доходы в размере 40 000 марок ежегодно приносили рудники Фалькенштайна, на которых число рудокопов временами доходило до 7000 человек. В 1484 г. в Тироле были впервые отчеканены серебряные монеты крупного размера, так называемые гульденеры (весом 31,5 грамма), благодаря чему за эрцгерцогом Сигизмундом закрепилось прозвище «денежный» («der Münzreiche»).

К этому богатому источнику подобрались Фуггеры, после того как им удалось установить многообразные союзнические связи с господствующей феодальной верхушкой. Не только интуиция, но и трезвый расчет, дальновидность подсказывали им, какие богатые возможности наживы открываются здесь.

Когда тирольский эрцгерцог Сигизмунд в 1484 г. развязал войну против Венеции и захватил венецианские рудники в Примере (Примиеро, Италия), он попал в весьма затруднительное положение. Его военная сила оказалась недостаточной, чтобы поставить врага на колени. Южногерманские купцы отказались финансировать войну, которая нанесла тяжелый ущерб их коммерческим интересам. В итоге венецианцы потребовали возмещения за потерянные рудники в размере 100 000 гульденов.

В этой обстановке Якоб Фуггер проявляет себя человеком, умело сочетающим ловкость торговца с могуществом богатства. В 1487 г. он предоставляет эрцгерцогу Сигизмунду большую часть необходимой для выплаты reparаций суммы и диктует при этом свои условия: если эрцгерцог не вернет в срок предоставленную ему ссуду, то доходы от пяти его горных предприятий перейдут к Фуггерам. Эрцгерцог вынужден принять эти условия, хотя совершенно очевидно, что о возвращении столь крупной суммы не

может быть и речи. Об этом правителе говорили, что в его стране заложено все, за что только можно получить деньги.

Теперь вместо суверена с участниками горнорудных товариществ дело имеют Фуггеры. Серебро поступает в их распоряжение. Тирольским горнорудным товариществам пришлось отдавать Фуггерам 75% своей продукции. И лишь четверть оставалась у них для свободной продажи. Таким образом, Якоб Фуггер сразу убивает двух зайцев: он укрепляет свои торговые связи с Италией и занимает привилегированное положение при дворе в Инсбруке, благодаря чему ему удается устраниć часть конкурентов.

Годом позже, в 1488 г., тирольский эрцгерцог обращается к нему за новым кредитом¹. Он требует от Фуггеров 15 000 гульденов. Якоб выплачивает эту сумму и получает в возмещение почти неограниченное право распоряжаться тирольским серебром. Теперь он не только владеет монополией торговли тирольской рудой, что дает ему возможность оказывать

¹ В 1487—1488 гг. Фуггеры совместно с генуэзцем Кавалли предоставили эрцгерцогу Сигизмунду заем на сумму более 150 000 гульденов. За это эрцгерцог уступил им право на свою долю доходов от швацкого серебра в размере 120 000 гульденов сроком на один год и на 30 000 гульденов — от монетного двора города Халля по 200 марок серебра в неделю до полной выплаты долга.

С ноября 1494 г. Фуггеры начинают заниматься разработками меди и серебра на венгерских горных промыслах, учредив вместе с фирмой семейства Турци «венгерское дело». В связи с этим год спустя Фуггеры построили зейгерские плавильни в Хенкирхене у Ордруфа (Тюрингия) и в Фуггерай близ Филлака (Каринтия).

В августе 1496 г. Максимилиан I заключил с аугсбургскими купеческими компаниями, включая Фуггеров, договор о продаже им серебра с его тирольских рудников на сумму более чем в 120 000 марок. Затем 22 марта 1498 г. последовал договор с синдикатом южногерманских купцов, дававший им исключительное право на продажу в Венеции венгерской и тирольской меди.

В октябре 1515 г. Максимилиан I заключил новый договор о займе с Фуггерами и Гохштеттерами, по которому обе фирмы впервые получили монопольное право на скупку всей добычи серебра и меди на рудниках Шваца. 19 ноября обе фирмы, выступая как синдикат, заключили договор о сбыте швацкой меди в Южной Германии и Италии. Все эти договоры являются типичными примерами возраставшей монополизации горнорудного дела («Deutsche Geschichte in Daten» Berlin, 1967, S. 178—179).

значительное влияние на производство серебра, но также фактически контролирует государственные финансы эрцгерцога.

В 1525 г. стоимость годовой продукции рудников на подвластных Габсбургам территориях оценивалась в 2 млн. золотых гульденов. Это были суммы, используя которые Фуггеры могли осуществлять свои сделки и спекулировать, удовлетворять потребности двора, возводить Габсбургов на троны королей и императора, разжигать военные конфликты с соперничающими государствами в борьбе за расширение границ власти Габсбургов.

Фуггеры давали, Габсбурги брали, и наоборот. Начались непрерывные сделки между торговым домом и феодальными властителями. Шел Фуггер на встречу последним, удовлетворяя их просьбы в деньгах, взамен он получал права на ведение прибыльных дел. Купец и корона взаимно поддерживали друг друга. Серебро и медь направлялись по пути, который ревностно оберегали Фуггеры — по тому роковому пути, который накрепко связал их с Габсбургами. Ясно одно: без горных богатств и без права южно-германской купеческой фирмы распоряжаться ими Фуггеры были бы не в состоянии добывать астрономические по тому времени суммы денег для нужд Габсбургов.

Поначалу это приносило Фуггерам выгоды; дальнейшее увеличение их богатств было обеспечено. Став обладателями горнорудной регалии, они выступали перед участниками горнорудных товариществ в новом качестве всемогущих скопщиков руды и забирали у них остававшуюся их собственную часть добывого серебра по предельно низким, ими же продиктованным ценам. Прибыли текли к Фуггерам и от продажи меди, серебра и золота Габсбургам и католической церкви, которым был нужен металл для чеканки звонкой монеты, изготовления оружия, церковной кровли, дорогой столовой посуды. И наконец, они получали прибыль, когда Габсбурги сталкивались с необходимостью военной защиты подвластных им земель, а следовательно, и горнорудных привилегий Фуггеров от угрозы как внутренних (рудокопы), так

и внешних (турки) врагов. Для этого требовались кредиты, которые они должны были оплачивать Фуггерам высокими процентами или предоставлением новых привилегий в горнорудном промысле.

В декрете от 1525 г. об оптовой торговле добывавшейся на рудниках его империи рудой, содержащей золото, серебро, медь, олово, ртуть, свинец и железо, император Карл V подчеркивал, что «в немецких землях есть несколько сотен тысяч людей, старых и молодых, женщин, детей и иных немало, которые остались бы без пропитания своего скучного»¹, если бы эта торговля не находилась в руках немногих богатых купцов. Поэтому император без каких-либо оговорок разрешил Фуггерам и другим фирмам скучать руду и металлы у участников горнорудных товариществ и рудокопов и продавать их «по усмотрению своему» по самым высоким ценам.

Фуггеры полностью использовали привилегии, вырванные у императора. И чем больше укреплялось их положение как торговцев рудой, тем больше они взвинчивали цены. За один немецкий центнер² тирольской меди они требовали:

- в 1527 г.— 5—6 гульденов
- в 1537 г.— 6—7 гульденов
- в 1556 г.— 10—11 гульденов
- в 1557 г.— 11—12 гульденов.

В такой же мере росли цены и на венгерскую медь.

Союз оптового торговца с владельцами рудных богатств Габсбургами, явившийся архиреакционным союзом, в течение 30 лет обеспечивал Фуггерам привилегированное положение.

Уже с 1489 г. по 1494 г. Фуггеры главным образом благодаря регальным привилегиям заработали на торговле тирольским серебром не менее 400 000 гульденов, не вложив при этом в горное дело ни одного

¹ Jakob Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. München, Leipzig, 1925, S. 377

² Немецкий центнер — 50 кг.

гульдена. С каждой марки серебра¹, проданной по цене 8 гульденов, Фуггеры получали 3 гульдена чистой прибыли. Лишь с 1522 г. они начали делать прямые капиталовложения в разработки швацких рудных залежей в Тироле, где стали официальными владельцами более 36 рудников. Чтобы устраниТЬ местных конкурентов, они объединились с другими южногерманскими купеческими фирмами и основали в 1565 г. «Енбахское горное и плавильное общество», распространившее свое влияние на весь Тироль. Доля, внесенная Фуггерами при вступлении в это общество, составила 114 422 гульдена — 36% всего капитала. Спустя двадцать лет они скупили пай своих партнеров, став с той поры полновластными хозяевами почти всей добычи серебра и меди в Тироле. Они располагали огромной организацией, занимавшейся сбытом продукции, с многочисленными фабриками и филиалами, поставляли серебро на монетный двор города Халля, сумев также присвоить себе право чеканки. Они экспортirовали тирольское серебро и медь в Южную Германию, Италию, Испанию, Португалию и в Нидерланды. Это право было закреплено за ними в различных договорах с князьями и другими оптовыми купцами.

Монопольное положение Фуггеров в горном деле основывалось не только на влиянии, которым они пользовались у могущественных правящих домов, но и на новых методах переработки ископаемых богатств. По имеющимся сведениям, нюрнбергские купцы уже в конце XIV в. освоили процесс зейгерования, который в середине XV в. стал известен в Средней Германии. Применение этого процесса сделало возможным извлечение из серебросодержащей медной руды серебра путем добавления к руде свинца; конечными продуктами зейгерования были серебро и чистая медь. Этот процесс обработки руды был также введен на зейгеровальне Фуггеров, построенной в конце XV в. на западном склоне гор Тюрингии. Чтобы соорудить эту новую зейгеровальню для плавки

¹ Марка — в средние века являлась мерой веса для благородных металлов — 250 г; с 1873 г. — денежная единица. — Прим. перев.

сырой меди, доставлявшейся из Венгрии, кроме знания технологии, требовались прежде всего крупные капиталовложения, которые в то время были под силу лишь самим богатым купцам, к числу которых принадлежали Фуггеры.

Другие методы использовали Фуггеры, стремясь проникнуть в горнорудную промышленность Венгрии. В стране было сильно развито национальное самосознание — прежде всего вследствие постоянной угрозы со стороны османских завоевателей, неоднократно захватывавших эту страну. Иноzemное господство, в том числе экономическое, не встречало здесь одобрения. Чтобы избежать неприятностей, Фуггеры выдвинули в качестве подставного лица члена совета города Кракова, горного предпринимателя Иоганна Турцо (1437—1508 гг.) — внебрачного сына венгерского короля, — и основали формально самостоятельное общество, главной целью которого были аренда и разработка серебряных и медных рудников Нейзоля¹. С помощью Турцо с 1495 г. по 1525 г. Фуггеры заработали на эксплуатации венгерских рудников более 1,5 млн. золотых гульденов. За это время их общий капитал резко увеличился со 100 000 гульденов в 1464 г. до 2 800 000 гульденов в 1527 г.; к 1546 г. он достиг 7 000 000 гульденов.

Поскольку вывоз серебра из Венгрии был запрещен, но разрешался экспорт серебросодержащей медной руды, Фуггеры построили свои зейгеровальни на большом расстоянии от места добычи. Они были расположены близ Филлаха в Каринтии (Фуггерай) и в лесных районах Хоэнкирхена, неподалеку от Готы, в Тюрингии.

В сентябре 1495 г. настоятель вместе с монашеской братией монастыря Ордена цистерцианцев в Феоргентале выдали братьям Ульриху, Георгу и Яко-

¹ Иоганн Турцо (старший) из Бетлемфалвы еще в 1475 г. получил от короля Маттиаша Корвина (1440—1490 гг.) право на разработку венгерских рудных залежей. Необходимый для этого капитал предоставили Фуггеры. Так возник тщательно сохранявшийся в тайне союз для разграбления горных богатств Венгрии. Турцо один за другим скупал венгерские рудники, причем никто не догадывался, что между этими сделками и именем Фуггеров, о которых уже тогда повсюду шла дурная слава, существует прямая связь.

бу Фуггерам патент на строительство у входившей во владения монастыря деревни Хоэнкирхен зейгеровальни со всеми необходимыми сооружениями, домами для владельцев и их служащих, а также жильем для рабочих и на ведение всех работ по зейгерованию, плавке, литью, дроблению руды. За 50 рейнских гульденов в год они предоставили Фуггерам в пользование столько земли, сколько требовалось для их завода, а также мосты, дороги, водоемы и древесину из монастырских лесов. Фуггеры получили даже право решать своей властью все споры и тяжбы с рабочими и наказывать их. Им было разрешено продавать из своих запасов по произвольным ценам продовольствие и напитки своим работникам, служанкам и заводским рабочим, не платя при этом никаких налогов. Кроме того, монастырь взял на себя обязательство не разрешать в своих владениях строительство плавилен другим фирмам¹.

В том же году герцоги Саксонии, властители этой земли, также разрешили Фуггерам построить зейгеровальню и взяли их вместе со всеми их людьми под свою суверенную защиту.

Таким образом Фуггеры получили возможность вести свободную и неограниченную торговлю полезными ископаемыми, добывавшимися на медных рудниках Венгрии. С конца XV в. от 80% до 90% всей добычи меди в Европе приходилось на горные разработки в Альпах, в Нейзоле и Мансфельде. Упрочив свои позиции в двух центрах добычи медной руды, Фуггеры стремились к тому, чтобы распространить свое влияние на горное дело и в Средней Германии, сосредоточить в своих руках основную добычу и переработку серебра и меди; и этого они отчасти добились в первой половине XVI в. Плавильни в Каринтии и тюрингском Хоэнкирхене считались основой предприятия Якоба Богатого. Опираясь на них, он мог регулировать спрос и предложение с выгодой для аугсбургской фирмы, диктовать цены и создавать в важных в торговом и политическом отношении пунктах перевалочные базы на путях к своим владениям.

¹ «Staatsarchiv Weimar, Reg. T 1426, Bl. 1—3, September 1495».

Главное внимание Фуггеры уделяли добыче серебра¹. Ведь до середины XVI в. марка серебра продавалась по гораздо более высокой цене, чем центнер чистой меди. С 1495 г. по 1504 г., то есть на заре горнозаводского дела, в Хоэнкирхене было выплавлено около 54 000 центнеров меди и 32 000 марок чистого серебра. Отметим, что это было в начальный период, ибо объем добычи и переработки руды быстро возрастал вплоть до 50-х гг. XVI в.

Доставка медной руды от Нейзоля до Хоэнкирхена велась через Яблунковский перевал до Бреслау (Вроцлав) и Лейпцига, где находились крупные фактории Фуггеров. Они использовали право этих городов на складирование и допуск к продаже транзитных товаров (*Stapelrecht*) для перегрузки руды и выставки своих товаров на некоторое время для продажи. И когда, наконец, грузы проходили Эрфурт, где находилось главное эскортное ведомство Саксонии, которое взимало сборы в оплату конвоя всех транспортов, пользовавшихся дорогами Тюрингии, и вело регистрацию всей поступавшей и вывозившейся руды, неизменно объявлявшейся в сопроводительных документах как «меди», — тогда можно было приступить к ее переработке в плавильнях. Чтобы доставить из Нейзоля в Хоэнкирхен 11 000 центнеров сырой меди, Фуггерам требовалось 220 упряжек, по 4 лошади в каждой. Такие упряжки, с перевалкой руды или без нее, три раза в год проделывали путь, длина которого в оба конца составляла 1600 километров, на что уходило от 68 до 82 дней (в зависимости от состояния

¹ Из 1000 центнеров сырой меди путем зейгерования извлекалось 1053 марки серебра. При этом выплавка чистой меди составляла 988 центнеров, поскольку потеря веса достигала примерно 1,2% (выход серебра и потери в ходе плавки). В 1500 г. один центнер чистой меди стоил в Нюрнберге и Франкфурте примерно 5 флоринов золотом; одна марка серебра стоила 8 флоринов. К середине XVI в. соотношение в спросе на серебро и чистую медь полностью изменилось. Решающее значение для развития горнорудных компаний имело теперь не серебро, а медь. Это не в последнюю очередь было обусловлено притоком заморского серебра из испанских колоний. Так, центнер чистой меди стоил в 1566 г. 15 гульденов, а марка чистого серебра — 10 $\frac{1}{4}$ гульдена (См.: Ekkhardt Westermann *Das Eislebener Garkupfermarkt 1460—1560*. Köln, Wien, 1971, S. 24—26).

дорог, погоды, продолжительности дня, числа праздничных дней и т. д.).

Выплавленную в Хоэнкирхене чистую медь Фуггеры отправляли в Нюрнберг или во Франкфурт-на-Майне. Для этих перевозок они использовали собственные большие буксирные баржи и более дешевые, сравнительно менее опасные и приносившие дополнительную прибыль водные пути по Одеру до Штеттина (Щецин) и оттуда морем до Гамбурга и Антверпена или по Висле до Данцига (Гданьск) и далее в Нидерланды. (См. карту на стр. 39: «Торговые пути и фактории Фуггеров в Европе к 1525 г.»).

Антверпен стал главным перевалочным пунктом для товаров Фуггеров, которые они отправляли на кораблях в Испанию, Португалию, Францию и Италию. Кто обосновывался в Антверпене, тот находился в центре мировой торговли, ибо в первые десятилетия XVI в. Антверпен, упорно соперничавший с Венецией, стал одним из самых богатых городов, каким он оставался до его разграбления испанскими отрядами в 1575—1576 гг. Здесь в большем выборе и по более выгодным ценам велась торговля пряностями, южными фруктами, английскими сукнами; процветало денежное и вексельное обращение. В этот становившийся могущественным промышленным и торговым центром Европы город Фуггеры направляли самые крупные партии своей меди¹. Антверпен был также местом, где южногерманские и восточноевропейские сделки Фуггеров увязывались с их интересами в Англии, на Иберийском полуострове и в Нидерландах. На бирже Антверпена они заключали крупные военные сделки с английской короной и двором Нидерландов. В блеске своего богатства этот город, где доходы Фуггеров составили более 1 500 000 гульденов, занимал второе место в их собственной империи — империи Фуггеров. Это нашло свое отражение и в чрезвычайно представительном характере их антверпенской фактории, в сооружении собственной фамильной капеллы, а также алтаря Фуггеров в

¹ Например, с 1510 по 1513 г. из 129 418 центнеров меди 95 469 центнеров были отправлены в Антверпен; а с 1526 по 1539 г. Фуггеры сбыли через Антверпен около 260 000 центнеров меди.

антверпенской церкви св. Андрея. В 1546 г. 4/5 товарных запасов Фуггеров общей стоимостью 1 250 000 гульденов составляла медь; более половины ее лежало под сводами антверпенских хранилищ.

И если после 1539 г. зейгерование в Хоэнкирхене было прекращено, то по той причине, что Фуггеры уже «не чувствовали себя в безопасности» в Венгрии, и, кроме того, они заключили сделку с Габсбургами в Мадриде с целью эксплуатации испанских рудников.

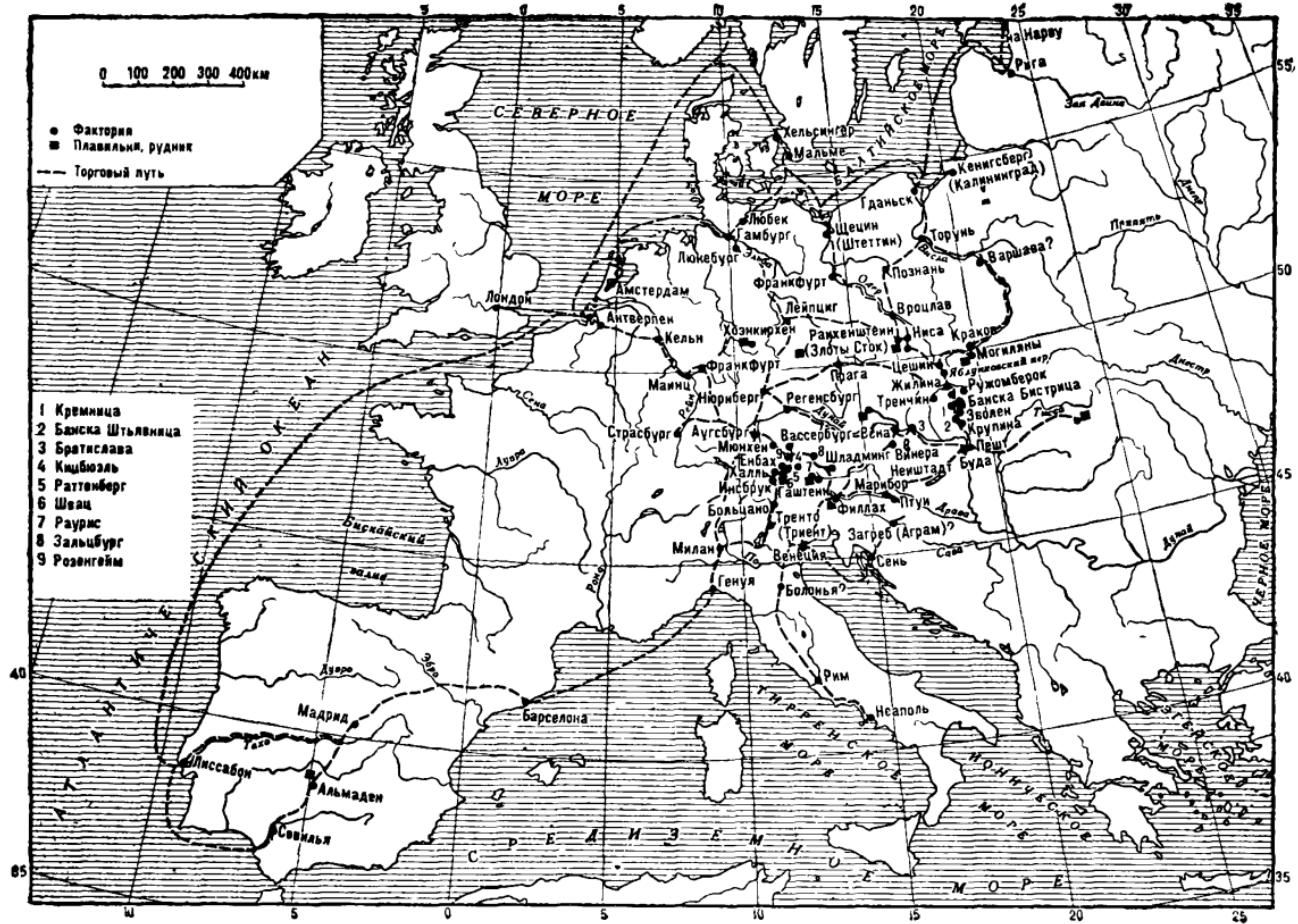
В 1549 г. Фуггеры уступили плавильню Хоэнкирхена вместе с относившимися к ней лесными угодьями герцогам Саксонии, получив взамен 6000 рейнских гульденов и дополнительный заем на сумму 4000 гульденов¹.

Зейгерная плавильня Хоэнкирхена утратила свое значение, ее конец стал неизбежен, так как уже три года тому назад, в 1546 г., Фуггерам пришлось выйти из «венгерского торгового дела». Венгерский источник сырья для их предприятия в Тюрингии иссяк — как вследствие турецкого вторжения, так и в особенности ввиду возраставшего национального сопротивления венгерского народа иностранному капиталу и усилившейся борьбы горняков против эксплуатации и угнетения².

В буржуазной литературе нередко делаются реверансы Фуггерам за их «патриотические» деяния — защиту от грозившей со стороны Турции опасности. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидной тесная взаимосвязь между стремлением Фуггеров к наживе от эксплуатации венгерских рудников и их кредитами на оборону от частых набегов турок. Конечно, австрийские и венгерские

¹ См. «Staatsarchiv Weimar, Reg. T 1434, B 82—83, 12 December 1548», см также Reg. T 1435, B 6—7, 24. Januar 1549.

² О том времени, когда медная и серебросодержащая руда из Нейзоля в Венгрии доставлялась в Хоэнкирхен и рабочие Тюрингии своим тяжелым поденным трудом превращали ее в высшей степени прибыльный товар для Фуггеров, напоминают сохранившиеся поныне в общинах Хоэнкирхен и Георгенталь такие названия, как «Серебряный рудник», «Кузничный пруд» и «Дробилка». Из долины реки Оры по дну оврага въется старая дорога в Хоэнкирхен, именуемая «Медный путь». Очевидно, по этой дороге конные упряжки с рудой подъезжали к плавильне, после того как они проезжали по общей торговой и конвойной дороге, ведущей от Эрфурта.

войска защищали от турок национальные и социальные интересы; Габсбурги заботились о судьбах своей династии, а Фуггеры и Турцо — о своем капитале, без которого Габсбурги не могли бы вести свои многочисленные войны. Не национальные чувства, а неодолимое стремление заполучить венгерскую медь и серебро побуждало Фуггеров предоставлять королю Венгрии займы, общая сумма которых составила 150 000 дукатов, для борьбы против турецкой опасности.

Зверская расправа с венгерскими крестьянами, поднявшимися во главе с Дьёрдем Дожем (1475—1514 гг.) в 1514 г. на борьбу, и подавление восстания венгеро- словацких горняков лишили Венгрию ее главных сил сопротивления, вследствие чего она на время стала жертвой нашествия турок. Средняя Венгрия до конца XVII в. находилась под турецким господством, а Западная Венгрия — под властью Габсбургов. Лишь восточная часть страны смогла отстоять свою независимость как самостоятельное княжество.

Выступления венгерских горняков были направлены против оплаты их труда неполноценными деньгами. Скудные доходы горняков постоянно уменьшались вследствие изъятия из обращения старых монет и замены их новыми, с меньшим содержанием серебра, что значительно снижало покупательную способность денег. Это было одной из причин того, что 2 июня 1525 г. более 500 вооруженных рудокопов Нейзоля вынудили хозяев вновь начать переговоры о заработной плате. Они потребовали, чтобы им платили старыми полноценными деньгами или вместо одного старого пфеннига давали два новых. Когда их партнеры по переговорам — судьи, советники и фактор Фуггеров Ганс Плосс — отклонили требования горнорабочих, рудокопы заявили им: «Смотрите же. Мы доберемся до тех, от кого терпим обман, а если убыток возмещен нам не будет и труд наш тяжкий останется без оплаты, то свое получить мы сумеем»¹. К этому, говорили они, их вынуждает бедственное положение, ибо на столь жалкое вознаг-

¹ Max Jansen. Jakob Fugger der Reiche. Studien und Quellen I, Leipzig, 1910, S. 176 — «Studien zur Fuggergeschichte», H. 3.

раждение не прожить. При этом рудокопы не довольствовались лишь прибавкой к заработной плате, а потребовали гарантии, чтобы эта прибавка выплачивалась постоянно.

Выступления горняков Нейзоля приобрели особенно острый характер в 1525 г. Обстановка еще более осложнилась тем, что венгерское дворянство подняло бунт против своего короля, родственника императора Карла V¹, потребовав конфискации предприятия Фуггеров—Турцо. В Офене (Буда) были взяты под стражу Алексиус Турцо и фактор Фуггеров Ханс Альбер, а также конфискованы документы и ценности фактории. Эти события вынудили Людовика II Венгерского отдать приказ о конфискации рудников Нейзоля. В создавшейся обстановке Фуггеры не колеблясь приняли меры против Венгрии. Они призвали на помощь императора и папу, австрийского эрцгерцога Фердинанда (1503—1564 гг.) и польского короля Сигизмунда, Швабский союз² феодального дворянства Юго-Западной Германии во главе с пресловутым командующим войсками ландскнехтов трухзесом³ фон Вальдбургом (1488—1531 гг.) и ряд других немецких князей, которые направили своих эмиссаров к венгерской королевской чете и пригрозили ей торговой блокадой, если права Фуггеров не будут полностью восстановлены. В результате этого уже в 1526 г. последовала отмена конфискации рудников. Рудокопам вновь пришлось работать на Фуггеров за прежнюю мизерную плату, в прежних тяжелых условиях. Когда восстания 1525 г. были подавлены и конфликт с венгерским королевским двором был разрешен в пользу Фуггеров, последние, почувствовав свою

¹ Венгерский король Людовик II женился в 1515 г. на сестре императора Карла V — Марии.

² Швабский союз князей, дворян и патрицианской верхушки имперских городов Юго-Западной Германии был основан в 1488 г. Его главной целью была борьба против движения крестьян и плебеев. Князья Южной и Юго-Западной Германии, руководившие этим реакционным союзом, естественно, стремились также использовать его для усиления своей власти. Союз имел собственные административные и судебные органы, а также собственные войска. В 1534 г. он распался в результате внутренних распри.

³ Трухзес — придворный чин в средневековой Германии, соответствовавший русскому стольнику. — Прим. перев.

силу, продолжили аренду рудников Нейзоля уже без участия ненавистного народу Турцо. Теперь они основали свое «Венгерское торговое дело», от эксплуатации которого в карманы Фуггеров в течение еще двадцати лет текли доходы от добычи венгерских серебра и меди.

Но и после продажи венгерских рудников в 1546 г. Фуггеры оставались самыми крупными горнопромышленниками того времени. Они по-прежнему владели залежами меди, свинца и серебра в Тироле и важнейшими европейскими месторождениями золота и ртути. Центры их горного дела и металлургии были расположены в долине Инна — в Шваце, Раттенберге и Халле, южнее альпийского Бреннера, главным образом в районе Госсензаса, где находилось 15 рудников Фуггеров, и у Штерцинга с его шнебергскими месторождениями, где они имели 17 копей. Значительные капиталы были также вложены Фуггерами в Филлахе (Каринтия), Иоахимстале и в Испании. Здесь главное их внимание было обращено на рудники Альмадена — самые богатые месторождения ртути в Испании. Когда в 1563 г. Фуггеры продлили (уже в который раз!) аренду этих рудников на десять лет, условия сбыта продукции они определили в договоре с королевским двором. Филипп II (1527—1598 гг.), преемник Карла V в Испании, был вынужден взять на себя обязательство покупать у них от 1000 до 1500 центнеров ртути ежегодно. К истечению срока аренды Фуггеры поставили королевскому двору 13 100 центнеров ртути, получив при этом 85% прибыли.

По мере захвата важнейших горнопромышленных районов могущество Фуггеров быстро росло. На вершине этого могущества они — представители *одного* семейства — были мировыми банкирами, монополистами по добыче серебра и руды, торговцами международного масштаба.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ И УГНЕТЕНИЕ ГОРНОРАБОЧИХ

Полное превращение денег и товара в капитал потребовало свободного наемного рабочего, отделения производителя от средств производства. В Централь-

ной и Юго-Восточной Европе этот процесс развивался прежде всего в горнодобывающей промышленности.

Стремясь уйти от барщины и от подсудности землевладельцу, тысячи крестьян бежали в города, но чаще всего — в области, где развивалось горнорудное дело. Там они пользовались хотя и ограниченным, но гарантированным властью суворена правом свободно заниматься горным делом. Они становились «свободными» наемными рабочими на рудниках и у толчильных установок, у плавильных и зейгеровальных печей.

Число рабочих, занятых на предприятиях Фуггеров, было значительно. Только лишь на разработках в Шваце трудилось более 10 000 горняков. В окруже Фалькенштайна, центре Швацкого горнорудного района, к началу XIV века было занято 4000—5000, а в 1556 г. даже 7000 наемных рабочих. Почти все они уже в течение десятилетий косвенно работали на Фуггеров, а когда последние в 1574 г. стали полными хозяевами тирольских рудников и плавилен, стали работать непосредственно на них. Кроме того, Фуггеры эксплуатировали горнорабочих, занятых на других принадлежавших им рудниках и плавильнях, а также на перевозках медной и серебросодержащей руды.

Когда рудные запасы их разработок истощались, Фуггеры всячески стремились компенсировать снижение их прибыльности за счет рабочих и мелких предпринимателей. Они поглотили множество небольших горнопромышленных предприятий. Многие рудокопы, занимавшиеся горным делом самостоятельно, участники мелких горнорудных товариществ превратились в наемных рабочих, были вынуждены продавать свою рабочую силу Фуггерам.

Как отражалась это на жизни горнорабочих Фуггеров? Истощенные вследствие употребления однородной пищи и недоедания, изнуренные тяжелым длительным трудом и скверными жилищными условиями, страдавшие от различных профессиональных болезней, они были вынуждены тратить от одного до полутора часов, чтобы горными тропами добраться до своих штолен или шахг. Нередко в течение рабо-

чей недели им приходилось оставаться на ночлег вблизи от шахт, укладываясь на грубые доски или голую землю.

Условия труда того времени наглядно характеризует предложение горнорудных товариществ Енбаха и Кессенталя, чтобы все горняки, господские рабочие¹ и ленные забойщики² поочередно «оставались на неделю на руднике и, проявляя усердие, уходили с него не каждый день, а лишь в конце недели, и в по-недельник к началу смены снова были на месте»³. Чтобы добраться до места работы, горнякам требовалось полдня (на руднике Госсензаса) или даже целый день (на руднике Шнеберг) пути. Чаще всего они работали аккордно.

Труд женщин и подростков был само собой разумеющимся делом. Против этого никто не смел выступать. В то время как женщины в большинстве своем трудились у отвалов и занимались промыванием руды у толчильных установок, мальчики-подростки работали в шахтах, занимаясь транспортировкой руды и очисткой забоев. В архивах обнаружены сведения о судьбе одного подростка-протестанта, которого Георг Фуггер (1577—1643 гг.) в 1609 г. послал на швацкий свинцовый рудник, чтобы «вновь обратить его в истинную веру! Письмо фуггеровского фактора в Шваце дает основание предполагать, что такое «обращение» на работах с ядовитым свинцом стоило мальчику жизни. Заработка женщин и детей был особенно низким. Но и оплата мужского труда была столь мизерной, что люди жили в постоянной нужде и бедности.

Возмущение и протесты горнорабочих вызывал порядок начисления заработной платы на рудниках

¹ Господские рабочие (*Herrnarbeiter*) — рабочая аристократия средневековой Германии, опытные высокооплачиваемые горнорабочие, плавильщики и т. д. — *Прим. перев.*

² Ленные забойщики (*Lehenhäuer*) — рудокопы, расчет с которыми велся по количеству добываемой ими руды в зависимости от содержавшегося в ней металла. — *Прим. перев.* См. также: М. М. Смирин. К истории раннего капитализма в германских землях. М., 1969. с. 147—149.

³ Ludwig Scheuermann. Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte des 16. und 17. Jahrhunderts. München und Leipzig, 1929, S. 379—380. — «Studien zur Fuggergeschichte», Achter Band.

Фуггеров: оплачивалась лишь руда, очищенная от горной породы. Только после того, как размельченная руда трижды просеивалась на грохоте, она взвешивалась и производился расчет. В конечном итоге убыток вследствие потерь при очистке руды должен был нести сам рабочий. Введение Фуггерами третьей, дополнительной операции по очистке руды, удлинявшей время работы, утяжелявшей и удорожавшей ее, вызвало многочисленные протесты горнорабочих. Лишь когда забойщики стали массами уходить с предприятий Фуггеров, тирольская казна в 1554 г. наложила запрет на эту систему начисления заработной платы.

Дневной заработок мужчин составлял в среднем 6—8 крейцеров, а фунт¹ жира стоил 12 крейцеров, хлеб стоил еще дороже. Номинальной заработной платы рабочего не хватало, чтобы прокормить семью, не говоря уже о том, что после всевозможных вычетов его реальный заработок еще более уменьшался. В этих невыносимых условиях голодный тиф и другие эпидемии косили людей. Особенно опустошительными, согласно хронике, были 1564, 1590, 1611 и 1634 гг. Оказавшись в «необычно» бедственном положении — вследствие роста дороговизны, несчастного случая и потери трудоспособности, старости или преждевременной смерти кормильца, — многодетные в большинстве своем семьи горнорабочих неизменно становились жертвами произвола предпринимателей. Никто не освобождался от уплаты долгов, в лучшем случае давалась отсрочка.

Также и остававшийся в распоряжении горнорабочего скучный заработок различными путями переходил в карман «кормильца» — работодателя. Горно-промышленники монополизировали торговлю продовольствием; вынуждая рабочих платить за него более высокие цены, они получали, таким образом, дополнительную возможность эксплуатировать их. В продовольственных магазинах Фуггеров, где торговля велась по системе «пфеннивертхандель» (Pfennwerthandel), рабочие были вынуждены брать по повышенным ценам хлеб, жир и сыр, за которые с них удерживалась

¹ 1 фунт — 500 г.

вся заработка плата или часть ее. «Швацкое горное и плавильное дело и пфеннивертхандель» приносили Фуггерам дополнительную прибыль, усугубляя в то же время бедственное положение рабочих.

Но этим дело не ограничивалось. Поскольку члены горных товариществ заботились лишь о поддержании рудников в пригодном для эксплуатации состоянии, рабочие сами должны были приобретать инструмент и освещать забои. Фуггеры воспользовались этим порядком и вместе с другими компаниями учредили в 1506 г. общество, развернувшее также монопольную торговлю изделиями из железа, жиром, говяжьим салом для шахтных фонарей. Такую же торговлю они открыли в Фуггерау, Терлане и Клаузене. Фуггеры получали немалую прибыль, достигавшую 23% с оборота. Горнорабочие, бегством избавившиеся от средневековой барщины и считавшие теперь себя свободными, оказались под двойным и тройным гнетом эксплуатации предпринимателей и купцов этапа раннего капитализма: прямой эксплуатации — посредством оплаты труда, и косвенной — через монополизированную торговлю продовольствием и орудиями труда. Они бежали от плети, чтобы подвергаться укусам скорпионов.

Став горнопромышленниками, Фуггеры, как мы видим, все же оставались купцами. Они подчинили производство принципам торгового ростовщичества, стремясь как можно дольше выжимать из горного дела все, что приносило прибыль.

Для горнорабочих господство Фуггеров являлось постоянной угрозой их физическому существованию. Они разорили также массу мелких и средних самостоятельных горнопромышленников и доводили до банкротства даже крупных предпринимателей. Не случайно в те времена были в ходу летучие слова: «нет дела ненадежнее, чем труд горняцкий; один богоатеет, а десяток — мрет».

БАНКИРЫ ДУХОВНЫХ И СВЕТСКИХ ВЛАДЫК

Деньги как стоимостный эквивалент товара существуют так же давно, как и классовое общество и международные торговые связи; имеются свидель-

ства, что впервые они появились более чем за 4000 лет до нашей эры, прежде всего в странах Ближнего Востока. Вначале это были не монеты, а скот, раковины или орудия труда, служившие мерой стоимости и средством платежа. С течением времени натуральная форма денег превратилась в монетную, преимущества которой становились все более очевидными по мере расширения обращения товаров. Монеты было легче перевозить, они были более долговечными, чем скот или неживой товар, и имели высокую стоимость, поскольку для их изготовления требовалась затрата значительно большего количества труда. Наиболее широкое распространение монета получила во времена наивысшего расцвета Римской империи, а позднее, в период упадка государства и его экономики, завершившегося крушением господства Рима, она в значительной мере утратила свою функцию средства обращения, уступив место натуральному хозяйству и прямому обмену товара на товар.

По мере того как в эпоху позднего средневековья в Италии, в германских землях и в других европейских странах (следует заметить, что здесь речь идет лишь о Европе) вместе с ростом ремесленного производства развивались города и связи между ними, по мере того как в результате крестовых походов возратилось до небывалых дотоле размеров потребление господствующими слоями различных товаров (и в этой связи феодальные князья стали требовать и получать от своих крестьян в счет части барщины денежный оброк) — в той же мере начиная примерно с XIV в. стало все более возрастать значение металлических денег. Наиболее богатые торговцы товарами стали теперь также заниматься крупными денежными операциями, причем речь шла о финансовых сделках как в форме прямого перемещения денег, так и, позднее, в форме современных безналичных денежных перечислений.

Действуя в качестве скупщиков, оптовых торговцев международного масштаба и горнопромышленников, Фуггеры нажили огромное состояние и превратились в «банкиров»; эта профессия явилась логическим порождением возраставшей посреднической функции денег. Неудержимое стремление к наживе —

ростовщикским процентам за капитал, который не должен был лежать мертвым грузом,— с одной стороны, и вечные финансовые затруднения императоров, королей и других князей способствовали превращению Фуггеров в воротил-горнопромышленников, аристократов и крупных феодальных землевладельцев. В XVI в. фирма Фуггеров считалась самым богатым банкирским домом в Европе. Папы и кардиналы, императоры, короли и эрцгерцоги составляли привилегированный круг компаний Фуггеров; они не хотели, да и не могли уже обходиться друг без друга.

Начало этих отношений также относится к XV в. Поскольку католическая церковь средневековья была не просто церковью в нынешнем смысле слова, а являлась и одним из самых могущественных вершителей мирских дел, папская власть представляла собой тогда духовную и религиозную диктатуру и Ватикан в значительной мере играл роль финансового центра Европы. В течение столетий он был крупнейшим в мире вымогателем налогов, получая их в виде «пфеннига святого Петра», церковной десятины, выручки от продажи индульгенций.

В качестве светских властителей папы правили обширными областями Средней Италии, а также владели огромными угодьями в землях Германии. Папство, этот возникший, как считалось, по воле бога крупный интернациональный центр феодальной системы¹, с помощью Фуггеров, их банков и факторий обирало почти все слои немецкого народа. Миллионы крестьян и горожан стонали под бременем налогов, которые они должны были платить церкви натулей, деньгами и в виде различного рода повинностей.

Фуггеры придавали союзу с Ватиканом столь большое значение, что соблюдение интересов фирмы в отношениях со святым престолом поручалось непосредственно одному из членов их семьи, находившемуся при папе. В 1471 г. Марк Фуггер (1448—1478 гг.) поступил на службу в папскую канцелярию в Риме. Позднее эта должность перешла к Марку Младшему (1488—1511 гг.). Доходные бенефиции, находившиеся

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 22, с. 306.

в его распоряжении, дают представление о подлинной роли, которую он играл в канцелярии Ватикана: он получил probства капитула в Пассау и Регенсбурге, был назначен ст. священником собора св. Германа и Морица в Шпайере, каноником Неймюнстера близ Вюрцбурга, ст. священником собора св. Стефана в Бамберге и собора св. Петра у Перлаха в Аугсбурге, стал архидьяконом церкви Гроба господня в Лигнице, чиновником папской курии, ведающим составлением папских актов, и т. д. и т. п. В его руках были сосредоточены колоссальные церковные доходы. Это «произошло отчасти за счет других людей, обращавшихся к Фуггерам за содействием в получении церковных приходов»¹. При этом дело шло не просто о сумме почетных должностей, которые уже ввиду их многочисленности не могли выполняться одним человеком, а о крупных материальных прибылях; все эти probства приносили большие доходы в виде денежных и натуральных налогов. Право сбора этих налогов можно было продать за приличную цену.

Об этом прямо говорит Ульрих фон Гуттен, рыцарский поэт и гуманист: «Для всякого очевидно, что почти никто более в Германии не имеет честных доходов от приходов церковных: ведь за них надобно было в Риме послужить, либо достались они в приданое или в дар, или же у Фуггеров куплены»². А в другом месте, в своем диалоге «Разбойники», он пишет о Фуггерах следующее: они «единственные, через кого в Риме можно добиться всего»³.

Через Марка Старшего и Марка Младшего (дядя и племянник) Фуггеры имели возможность знакомиться с содержанием важных прошений к папе,

¹ Alois Schulte. Die Fugger in Rom, 1495—1523. Mit Studien zur Geschichte des kirchlichen Finanzwesens jener Zeit. I. Band. Leipzig, 1904, S. 29.

² Ulrich von Hutten. Vadiscus oder die Römische Dreifaltigkeit.—Ulrich von Hutten. Deutsche Schriften. Bd. I. Leipzig, 1972, S. 64, см. также: Hutten—Münzter—Luther. Werke in zwei Bänden. Erster Band. Hutten—Münzter. Berlin, Weimar, 1970, S. 63. (Bibliothek deutscher Klassiker); David Friedrich Strauß. Ulrich von Hutten, Dritter Teil. Gespräche von Ulrich von Hutten. Leipzig, 1860, S. 106.

³ David Friedrich Strauß. Ulrich von Hutten, Dritter Teil, S. 381.

знали немало секретов и уловок, которые они использовали для того, чтобы прочно связать совпадавшие интересы папы и банкирского дома. Особенно Якоб и Ульрих Фуггеры довольно часто сами наведывались в Рим, чтобы расширить свои сделки с папской курией. Они организовали в Риме факторию, направив туда самых опытных дельцов.

К 1500 г. финансовая помощь Фуггеров Ватикану приняла такие размеры, что они потребовали от папы, чтобы тот официально назначил к себе на службу их агента. И действительно вскоре аугсбургский купец Иоганнес Цинк по поручению Фуггеров стал ответственным чиновником римской церковной области. Многочисленные подписи Цинка на документах Ватикана свидетельствуют, что это не была лишь представительская должность. Подобно Вольфу Галлеру, связному Фуггеров при дворе Карла V, Цинк принадлежал к числу важнейших и влиятельных агентов фирмы. Его влияние возрастало по мере расширения финансовой деятельности и упрочения позиций банка Фуггеров в Ватикане.

Находясь на службе у церкви, Цинк подчинялся лишь папской юрисдикции; он пользовался рядом папских привилегий и наряду с прочим ухитрялся вести бойкую торговлю церковными приходами. Таким путем, одновременно с работой на Фуггеров, он сумел приобрести множество личных прав, в том числе в епископствах Майнца, Кёльна, Зальцбурга, Аугсбурга, Констанцы, Бамберга, Вюрцбурга и Пассау, Регенсбурга, Фрайзинга, Шпайера и Вормса. Кроме того, он добился от Ватикана для своей сестры, настоятельницы францисканского монастыря, внушительных льгот.

Таким образом, деятельность агентов Фуггеров также является наглядным свидетельством того, какую важную роль играл в Европе аугсбургский торговый и банкирский дом в последней четверти XV и в первой четверти XVI в.

Разбой Ватикана в немецких областях был особенно буйным, поскольку королевские дома Франции, Англии и Испании решительно ограничивали права Ватикана и церквей — не потому, что они стали противниками католицизма, а потому, что они сами

хотели распоряжаться назначением высшего духовенства, имениями и источниками доходов церкви и изолировать последнюю как самостоятельную политическую власть, что им в значительной мере удавалось. В то время как в германских землях церковные князья фактически осуществляли также и государственную власть, были королями, короли западноевропейских государств стали в то же время прямыми или косвенными обладателями высшей церковной власти. Одним из следствий этого происходившего противоположного развития в Европе было то, что в империи все более распространялся партикуляризм, в то время как во Франции, Англии и Испании утверждалась централизованная абсолютская власть.

В XV веке Ватикан стал практиковать передачу церковных должностей тем, кто больше за них платил. За деньги можно было купить даже сан епископа, архиепископа и кардинала. Для этого не требовалось вести жизнь праведника или знать толк в Библии — надо было лишь иметь много денег. И то, что юнцы становились кардиналами, было обусловлено отнюдь не их зрелостью или образованностью, а исключительно влиянием, высоким положением и богатством их отцов. Расходы на приобретение церковной должности перекладывались на плечи горожан и крестьян, которые должны были оплачивать их наряду со многими другими налогами.

Чрезвычайно прибыльным источником обогащения курии, а также и Фуггеров был «юбилейный год». Собственно, он должен был отмечаться один раз в сто лет, однако со временем его стали праздновать каждые 25 лет. Суть его состояла в том, что каждый, кто хотел, чтобы прощение его грехов было подтверждено так называемыми представителями бога на земле, должен был уплатить в папскую кассу стоимость паломничества в Рим. Когда эта форма — назовем ее взиманием налога — оказалась недостаточной, чтобы утолить алчность Ватикана, отпущение грехов превратилось в подлинную и чуть ли не регулярную торговлю. При этом все более утрачивалась первоначальная мотивировка прощения грехов. Отпущение грехов стало обременительным церковным налогом, который безжалостно взыскивался с народа. Часто

он обосновывался подготовкой нового крестового похода против наседавших из Юго-Восточной Европы турок.

Начиная с XV в. странствующие монахи, которых становилось все больше, опустошали деревни и города своей мошеннической торговлей индульгенциями. Народу сулили: «Зазвенят монеты в кружке, и душа в раю будет». Кроме листка со словами об отпущении грехов, курия ничего не давала, взамен же получала все. Она брала земные золото и деньги и обещала за них частичную отмену наказания за грехи в земной и загробной жизни.

Еще в 1405 г. Ян Гус, принявший десятилетие спустя мученическую смерть, в одной из своих речей в синоде бичевал мошенничество с продажей индульгенций: «Множество торговцев индульгенциями и нынешнствующих монахов грабят народ... при помощи мнимых чудес и других плутней»¹. Но это было только начало. Алчность, стремление к расширению своих владений и вызывавшиеся этим войны, роскошества, которые многие считали поистине святотатством, требовали от Ватикана к концу XV в. таких затрат, которые уже было невозможно покрыть за счет приношений, полученного по духовным завещаниям имущества и других обычных источников церковных доходов. Неизмеримо возросшие расходы и потребности папства вызывали необходимость новых крупных поступлений за счет широких слоев верующих.

В то время папами были, как правило, представители романских, чаще всего итальянских княжеских и герцогских родов, которые делили между собой эту высшую должность христианской церкви. В конце XV и в начале XVI в. папой был убийца — Александр Борджа (1430/31—1503 гг.). Во время его правления продажность всего и вся достигла невероятных размеров; роскошь и излишества были столь же безграничны, как и алчность к деньгам, чтобы платить за все это. Религия служила сплошному надувательству и безудержному ограблению народа.

Во всех спекуляциях церковными должностями и

¹ Karl Lamprecht. Deutsche Geschichte, Fünfter Band, Erste Hälfte. Berlin, 1921, S. 252.

жульнической торговле индульгенциями Фуггеры играли роль финансовых заправил папства как в Риме, так и в Центральной, Северной и части Восточной Европы. Лишь с 1495 по 1525 г. они не менее чем в 88 случаях из 110 принимали участие в назначении епископов в епископствах Германии, Польши, Венгрии, а также некоторых стран Северной Европы! И уже в 1476 г. они частично прибрали к рукам продажу индульгенций. Если вначале ящики с вырученными деньгами под охраной конвоя Фуггеров доставлялись через Альпы и Северную Италию в Рим, то впоследствии Фуггеры стали приходовать деньги на месте, удовлетворяя претензии папского двора за счет своего банка в Риме, причем изрядная доля выручки, естественно, оставалась в их руках. Так началось на немецкой земле применение безналичного расчета в крупных масштабах.

О том, как шла торговля индульгенциями, свидетельствует следующий пример. В 1513 г. принц Альбрехт фон Гогенцоллерн стал архиепископом Магдебурга и, кроме того, епископом Хальберштадта. Несколько месяцев спустя 24-летний молодой человек возвысился уже до сана архиепископа Майнца, став, таким образом, кардиналом-примасом империи. Такое сосредоточение власти в руках Альбрехта вызвало сенсацию, ибо оно было необычным и противоречило всем правовым канонам католицизма. К тому же епископства, которых домогался Альбрехт, являлись крупными и видными, хотя и обремененными большими долгами, владениями католической церкви на немецкой земле. И все же сделка состоялась — колоссальная акция во имя политической и церковной власти, во имя величия.

Посредниками в этой сделке, извлекшими из нее наибольшую выгоду, были Фуггеры. Под солидный процент они ссудили Альбрехту 30 000 дукатов для уплаты Ватикану «омофорного сбора» — взноса, который он потребовал за троекратное благословение архиепископа Гогенцоллернов. Но эти махинации в погоне за деньгами, властью и величием были полностью завершены лишь тогда, когда папа передал принцу в пределах подвластных ему областей также и право на торговлю индульгенциями, выручкой от

которой Альбрехт рассчитывал расплатиться с Фуггерами и которую он надеялся превратить в дополнительный источник своих доходов.

И вот обширные районы немецких областей стали наводняться проповедниками отпущения грехов. Их сопровождали кассиры Фуггеров. Только у них были ключи от сундуков для сбора пожертвований, которые наполнялись деньгами верующих, а затем поступали в церкви на хранение. Один из самых бессовестных, но весьма удачливых проповедников отпущения грехов упомянутого принца — архиепископа Майнца и Магдебурга, некий Тетцель, промышлял в обширной округе Виттенберга. К нему также был приставлен уполномоченный Фуггеров.

Доходы от продажи индульгенций папа делил с Фуггерами. Массы верующих упивали на то, что отпущение грехов спасет их души. Но лишь немногие ведали, что в самом большом выигрыше были Фуггеры. Ибо они получали не только проценты за предоставленную Альбрехту ссуду, но также и вознаграждение от Ватикана за посредничество. Гнусная торговля индульгенциями стала неистощимым источником богатства. Рука руку моет. Фуггеры обогащали церковь, а церковь обогащала Фуггеров. А внизу под гнетом поборов стонал народ.

Фуггеры настойчиво стремились к тому, чтобы за- получить в свои руки ведение всех финансовых дел церкви в целом и курии в особенности. В конечном итоге они добились того, что многие из наиболее влиятельных епископов и кардиналов стали помещать свои богатые доходы в их банки. С 1508 по 1524 г. Фуггеры владели монопольным правом чеканки монет для Ватикана. В 1506—1507 гг. Фуггеры также выплачивали жалованье первым швейцарским гвардейцам папы, которые в отличие от сегодняшних были не декоративным оформлением, а настоящей военной силой.

Чрезвычайно важное значение имели финансовые связи между аугсбургским банком Фуггеров и правящей династией Габсбургов. Эти связи не исчerpывались случайными сделками, а решающим образом определяли их взаимоотношения, нередко вызывая самые серьезные политические последствия.

II. У РЫЧАГОВ ПОЛИТИКИ

ВЕРШИТЕЛИ СУДЕБ КОРОНЫ

Не преувеличивая роли Фуггеров и не впадая в крайность, можно сказать, что в течение определенного времени они были всемогущи. Такая оценка — не гипербола, когда речь идет о богатстве, о могуществе, о почти неограниченном влиянии на коронованных особ, помазанников, которое вознесло их до положения вершителей судеб короны и финансовых магнатов, на чьи деньги велись войны.

Рассмотрим поближе политическую обстановку и государственное устройство, силу, влияние и деятельность аугсбургского торгового и банкирского дома в конце XV и в первой половине XVI в.

Возышение Фуггеров при Якобе Богатом произошло в те же годы, когда дом Габсбургов упрочился в качестве правящей династии «Священной Римской империи германской нации». Начиная с короля Альбрехта II (1397—1439 гг.), габсбургские правители занимали германский трон, который они не уступали никому вплоть до 1806 г.— года окончательного распада средневековой германской империи.

Вначале династия Габсбургов не обладала сколько-нибудь значительной властью в пределах германских областей. Она принадлежала к кругу самых именных княжеских родов, составлявших верхушку дворянской аристократии, но ничем не отличалась от родов Веттинеров в Саксонии (в состав которой в 1423 г. входило курфюршество Саксония — Виттенберг, а также марка Мейсен и Тюрингия), Виттельсбахеров в Баварии и Гогенцоллернов в Бранденбурге.

Как равные среди равных¹, Габсбурги стремились прежде всего к приобретению крупных, имевших общие границы и приносивших большие доходы территорий, чтобы, включив их в состав унаследованных земель, утвердить свое единовластие в Европе. Это вовлекало их в многочисленные, длившиеся столетиями конфликты, для разрешения которых в своих интересах габсбургские монархи злоупотребляли имперской властью. К тому же подобные устремления противоречили историческому развитию, поскольку они были направлены против возникавших в то время национальных государств и связанный с этим политики укрепления центральной власти во многих странах Европы. Хотя в последней трети XV в. понятие «Священная Римская империя германской нации» стало входить в употребление, однако эта «германская нация» представляла собой не централизованное государство, а лишь ядро бессильной, раздробленной на многочисленные государства и владения империи, которая была не в состоянии воспрепятствовать стремлению ее составных частей к обособлению. Большинство суверенных прав принадлежало владетельным князьям, являвшимся фактическими носителями политической власти. Их главным стремлением было упрочение своего господства на подвластных им территориях. Это стремление закрепляло политическую и государственную раздробленность. Таким образом, не вызывает сомнений, что империя, императорская власть и входившие в империю княжества мешали общественному развитию, стояли на его пути.

На исходе XV в. в Западной Европе повсюду начался упадок феодализма. Так, например, кризис охватил феодальное общество в Англии. Из низшего дворянства, пополнившегося за счет богатых крестьян

¹ Император не имел ни имперского войска, ни центрального судебного и административного аппарата. Подобно королям эпохи раннего феодализма, он оставался первым среди равных ему по положению феодалов. Именно ввиду такой ограниченности богатства и власти Габсбургов их кандидатура оказалась наиболее предпочтительной на выборах императора; осмотрительные курфюрсты по эгоистическим соображениям не желали, чтобы над ними стоял «сильный человек».

и горожан, возник новый класс буржуазного дворянства. В деревне складывались предпосылки для перехода сельского хозяйства на капиталистический путь. Несмотря на цеховые ограничения, в сукноделии все более распространялась система авансирования ремесленников в счет будущей продукции, создавая тем самым элементы раннего капиталистического производства. Высшее дворянство стояло на грани банкротства. Чтобы избежать его, различные феодальные группировки пытались в ходе длившейся в течение 30 лет так называемой войны Белой и Алой розы захватить в свои руки государственный аппарат. Обескровив друг друга, они открыли тем самым путь для утверждения абсолютной власти короля, которой не противостояла более промежуточная власть князей, таившая в себе угрозу целостности государства.

Франция к этому времени вступила в завершающий этап образования национального государства. В лице состоятельных горожан, получавших высокие прибыли от участия в откупе и широко привлекавшихся к государственным делам и обеспечению экономических интересов королевства, монарх имел прочную опору также и в борьбе против фронды высшей аристократии. Центральную власть усиливали то, что шло на пользу развивавшемуся раннему капитализму. Централизация экономическая шла рука об руку с централизацией политической. Учитывавшая интересы горожан экономическая политика короля вела к быстрому развитию внутреннего рынка. С развитием зародившихся капиталистического общественного строя одновременно возникали предпосылки для установления абсолютной монархии.

Возведением на трон короля Арагона Фердинанда и его браком с королевой Кастилии Изабеллой Испания объединила обе династии, чтобы вести борьбу против стремившегося к независимости высшего дворянства. Создав в 1479 г. путем объединения Кастилии и Арагона единое испанское государство, Фердинанд и Изабелла в союзе с городами, мелким дворянством и католической церковью сломили власть феодалов-грандов, разрушили их замки и кон-

фисковали многие из принадлежавших им поместий. Беспощадная война против хищного и жестокого феодального дворянства укрепила королевство и подготовила почву для возвышения Испании на какое-то время до положения мировой державы.

В Дании в XVI в. Христиан II (1481—1523 гг.) предпринял первую попытку установить феодально-абсолютистское господство. Швеция добилась национальной независимости и создала основу для своего последующего расцвета как великой северной державы.

В России после свержения татаро-монгольского ига и разгрома удельных княжеств началось развитие централизованной феодальной монархии.

Эти вступившие на путь абсолютизма монархии положили также начало образованию современных европейских наций и современного буржуазного общества¹.

В то время как в Европе в различных условиях возникали национальные или многонациональные государства различного характера с более или менее сильной королевской властью, германские территории находились в особом положении. Как и другие европейские государства, они были подчинены влиянию экономических тенденций своего времени, то есть были вовлечены в процесс развития раннего капитализма. Радикальные перемены в их развитии были возможны лишь при условии, если бы развитию их экономики оказывались содействие и поддержка со стороны сильной королевской власти, централизованного абсолютистского государства, как это имело место в Англии и Франции. Но германская королевская власть была связана узами личной унии с империей Габсбургов, чьи устремления находились в неразрешимом противоречии как с историческим развитием и насущными потребностями народа, так и с эгоистическими интересами князей. Германские земли оставались раздробленными на необозримое множество мелких и мельчайших феодальных владений. Князья —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 20, с. 345.

главные враги государственной централизации — предпочитали, подражая абсолютным монархиям Европы, втискивать в узкие рамки своих территорий то, что было создано другими в крупных масштабах. Так, они сохраняли старые, обреченные на отмирание феодальные отношения, одно лишь существование которых сдерживало развитие раннего капитализма и наций.

Это относилось также и к габсбургским императорам. Уже Максимилиан I из дома Габсбургов, ставший в 1486 г. германским королем, — прежде чем посвятить все свое правление борьбе за территориальные приобретения — при помощи ловкой политики династических браков заложил основу будущей многонациональной монархии Габсбургов, стремившихся к установлению своего господства во всей Европе, и не только в Европе. Связи с другими династиями расширили политическое влияние Габсбургов, последние использовали их либо для прямого подчинения других земель своей власти, либо для обеспечения престолонаследия своим потомкам. Таким путем Габсбургам удалось стать правителями других земель. Этим устремлениям короны Фуггеры оказывали дипломатическое и финансовое содействие. При этом Якоб Фуггер вел дела с таким расчетом, чтобы обеспечить новые возможности для своей фирмы. Ибо там, куда благодаря его поддержке проникали Габсбурги, должны были открываться и выгоды для торгового дома.

В 1477 г. Максимилиан I вступил в брак с наследницей престола Бургундии, дочерью Карла Смешного — Марией, благодаря чему Габсбурги стали престолонаследниками этого королевства¹.

В 1494 г. Якоб Фуггер оказал Максимилиану I содействие в заключении брака с принцессой Марией Бьянкой Миланской, племянницей повелителя Милана герцога Людовико Сфорца². Наряду с Вене-

¹ Карл Смешный (1433—1477 гг.) владел герцогством Бургундией, Фландрисией и другими землями Нидерландов, а также областями в Эльзасе и на Верхнем Рейне

² Приданое Марии Бьянки составляло круглую сумму в 300 000 дукатов, которая стараниями Фуггеров была переправлена из Милана в Германию и которую Максимилиан довольно

цией, Флоренцией, Ватиканом и Неаполитанским королевством Милан с середины XV в. принадлежал к числу пяти главных государств Италии. Участие в его высокоразвитом ремесленном производстве сулило немалые выгоды и облегчало проникновение в соседние государства.

В октябре 1496 г. Максимилиан задумал заключить новые династические браки; на этот раз речь шла не о нем самом, но целью было укрепление господства Габсбургов. Он выдал свою dochь Маргариту за престолонаследника Испании дона Хуана, а год спустя женил своего сына Филиппа Красивого на испанской принцессе Иоанне, чтобы со временем превратить Испанию в жемчужину короны Габсбургов. Тогда и Фуггеры начали помышлять об испанских сделках и коммерческих предприятиях, охватывающих и золотые берега Америки. Вскоре эти планы стали действительностью, принесшей огромные прибыли.

В мае 1515 г. Фуггер и Максимилиан I (с 1508 г. император «Священной Римской империи») заключили между собой договор с целью осуществления австро-венгерского династического брака. Взяв на себя заботу о делах императора в Юго-Восточной Европе, Якоб Фуггер отправился в Вену. Его прельщала заманчивая перспектива видеть Габсбургов монархами в землях, где находились медные рудники и плавильни Нейзоля и венгерские монетные дворы. Для этого было необходимо обеспечить Габсбургам право престолонаследия в Богемии и Венгрии заключением договора между Максимилианом I и Владиславом Венгерским. На Венском конгрессе в 1515 г. дом Габсбургов торжественно отпраздновал сразу две свадьбы: наследника венгерского престола Людовика и внучки Максимилиана Марии, и 12-летней (!) принцессы Анны Венгерской и 56-летнего императора Максимилиана I.

быстро растратил. Этот брак с миланской принцессой явился для Максимилиана чем-то вроде замены, так как французский король Карл VIII отбил у него невесту, Анну Бретанскую, причем Максимилиан не столько жалел о потере невесты, сколько о несбывшихся надеждах на приобретение Бретани, которая отошла к французской короне.

Отныне Австрия и Венгрия были прикованы к империи. Поскольку к тому же венгерский король дал императору Максимилиану ручательство, что «медные дела» будут решаться в интересах дружбы двух правящих домов, Якоб Фуггер знал, что финансирование пышных торжеств в Вене, в которых он участвовал, а также драгоценностей и серебра, подаренных императором иноземным князьям и их свите, тысячекратно окупится.

Уже в 1486 г., когда Максимилиан I на Франкфуртском рейхстаге был избран королем, Якобу Фуггеру было совершенно ясно, кому он должен был оказывать свое покровительство. В 1490 г. он решительно вмешался в государственный кризис в Тироле, отказав двоюродному брату Максимилиана эрцгерцогу Сигизмунду в крупном займе и принудив его таким образом отречься от престола. Тем самым он помог Максимилиану прибрать к рукам Тироль с его природными богатствами. Максимилиан, отличавшийся неутолимой жаждой власти и величия, постоянно испытывал нужду в деньгах, необходимых для содержания в роскоши своего двора, что поглощало огромные средства. Купец видел в Максимилиане многообещающего партнера на будущее, делал на него ставку — и не без успеха.

В 1507 г. Якоб Фуггер отправился в Констанцу на заседание рейхстага, где «Его Римское королевское величество» Максимилиан I в речи перед представителями сословий поведал, как он представляет себе получение императорской короны из рук папы в Риме. Он потребовал, чтобы в его распоряжение было предоставлено 30 000 пехоты и кавалерии сроком на один год и 120 000 рейнских гульденов. Однако германские князья и не думали раскошелиться ради Габсбургов. Тогда на сцену выступил Якоб Фуггер. Иначе зачем ему, собственно, было ехать в Констанцу? За ссуду для поездки Максимилиана на коронацию в Рим он потребовал такое возмещение, которое, по его расчетам, должно было сторицей оправдать все его расходы. Королевский двор был в трудном положении; для Максимилиана, стремившегося заполучить императорскую корону, был дорог каждый день. Надо было ковать железо, пока оно

было горячо. Этим горячим железом была недвижимость: южногерманские графства Кирхберг с замком, Вейсенхорн с небольшим городом, владения Марштеттен, Вулленштеттен, Пфаффенхофен, Клейн-Куссендорф, Бух, Иллерберг вместе со всем, что входило в состав этих владений. Стремясь получить звонкую монету, Максимилиан сразу же дал согласие.

Но прежде чем король смог продолжить путь в Рим, деньги Фуггера уплыли из его рук. Это вынудило Максимилиана остановиться зимой 1507 г. со всем своим двором в доме Фуггера у Скотного рынка, в котором в то время также размещался посланник папы кардинал Бернардино Каравайял. Чтобы пополнить средства на финансирование коронации, Фуггер, воспользовавшись находившимся в его распоряжении вкладом кардинала Мельхиора фон Бриксена, предоставил королю еще один заем и подписал новые соглашения в счет доходов от серебряно-медных рудников Тироля. Говорили, что Максимилиан получил от Фуггера баснословную сумму. Якоб мог теперь предъявлять еще более жесткие условия. Но слово короля уже не уравновешивало горы золота. И Якоб Фуггер вновь выложил деньги лишь тогда, когда предводитель Швабского союза Георг фон Фрунсберг вручил ему указ его величества, по которому графство Кирхберг и барония Вейсенхорн вместе с окрестными селами в результате «справедливой, честной, чисто-сердечной сделки на вечные времена»¹ становились отныне собственностью Якоба Фуггера, а местные горожане и крестьяне поклялись на гербе Фуггеров в верности новому господину.

Тем временем король Габсбургский продолжал путь из Аугсбурга на юг. По воле случая он прибыл в Триент в тот самый день, когда Якоб Фуггер стал законным хозяином своих новых владений. Теперь было заключено джентльменское соглашение. Поскольку из-за финансовых затруднений и ввиду помех со стороны венецианцев продолжение поездки, несмотря на все усилия, утратило всякий смысл, при посредничестве Якоба Фуггера было решено: императорскую корону на голову Максимилиана возложит

¹ Pölnitz. Jakob Fugger, S. 182.

не папа в Риме, а кардинал Бернардино Каравайял в Триенце. Наряду с другими церковными владыками кардинал был облечен полномочием от имени папы провозгласить Максимилиана в церемониале на границе его империи «избранным римским императором». Короновавшись 4 февраля 1508 г. в Триентском соборе императором, Максимилиан достиг своей цели. Якоб Фуггер, не пожалевший денег на этот спектакль, получил солидную сумму¹. Среди присутствовавшей на коронации высшей светской и церковной знати не было, пожалуй, никого, кто не являлся бы должником фирмы Фуггеров. Фуггер вновь оказался в выигрыше, зарекомендовав себя на будущее как властелин могущественной финансовой империи.

Год спустя, в 1509 г., Фуггеры удостоили нового императора особым даром. Желая продемонстрировать финансовое могущество южногерманской фирмы, Раймунд Фуггер (1489—1535 гг.) вручил ему крупную сумму наличными — 26 000 гульденов; это вызвало немалую сенсацию: монеты были отчеканены из золота, что являлось редкостью. Скрепленные узами золота и взаимными обязательствами, финансовые связи между аугсбургскими купцами и Габсбургами не обрывались и в последующие годы. В 1511 г. они принесли Якобу Фуггеру дворянский и в 1514 г. графский титулы. Это были знаки милости, дающие основание считать, что союз императора и оптового купца был союзом совсем особого рода. Так оно и было в действительности. Ведь не случайно все де-

¹ По приблизительным подсчетам, за императорскую корону Максимилиана I Фуггер в 1507 г. уплатил.	60 000 гульденов
в счет графства Кирхберг	72 000 гульденов
из капиталовложений кардинала Мель-	
хиора фон Бриксена	20 000 гульденов
кроме того, 3 января 1508 г.	8 000 гульденов
28 января 1508 г.	25 000 гульденов
8 февраля	34 000 гульденов

(из них 24 000 наличными и 10 000 в виде двух алмазов). В добавок к этому уполномоченный Фуггера в Верхней Италии приобрел вооружение для военного похода. В качестве владельца графства Кирхберг Фуггер направил на службу в королевскую армию 100 солдат и, наконец, должен был уплатить герцогу Альбрехту Мекленбургскому 500 гульденов за 45 полностью экипированных воинов (Max Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 205—206).

ловые операции неизменно носили характер важных политических и династических акций в интересах Габсбургской монархии.

Император Максимилиан I стремился к тому, чтобы императорский престол унаследовал его внук, Карл I. Он отлично знал, кто мог дать для этого деньги; ему также были известны и методы, при помощи которых можно было заполучить корону. В состав его империи к тому времени входили Австрия, Штирия, Каринтия, Крайна, Тироль, часть Швабии, а также приобретенные путем династических браков обширные области богатого бургундского наследства, включавшего в себя Нидерланды, и Испания с близлежащими к ней Южной Италией, Сицилией и Сардинией. Этой могущественной империей владела лишь одна династия. И венцом всему должно было стать избрание Карла I Испанского германским императором¹. Это был шаг на пути к созданию мировой державы, которая подчинила бы многие народы и государства, в которой никогда бы не заходило солнце.

Когда в 1519 г. Максимилиан скончался, так и не обеспечив престолонаследия, утратили силу и все его сделки с курфюрстами, которые при его жизни были заключены с помощью заемов Фуггера во время Аугсбургского рейхстага в 1518 г. Чтобы заполучить корону для Карла, требовались значительные средства, ибо семь германских курфюрстов соглашались отдать свои голоса за Карла лишь за наличные или за обещание платежа.

Избрание Карла I Испанского императором «Священной Римской империи германской нации» в 1519 г. превратилось в самую грязную торгашескую сделку в мировой истории. Ни один из семи имевших

¹ Карл (испанский король Карл I, став императором, именовался Карлом V) родился от брака одного из сыновей Максимилиана и испанской принцессы. Этот брак явился основой для последовавшего включения Испании в состав империи Габсбургов. В качестве короля Испании Карл в 1516 г. унаследовал все испанские владения: большую часть Пиренейского полуострова (за исключением Португалии), значительную часть Италии, а также Сицилию и Сардинию. Он был не только королем Испании, но и герцогом Бургундии, включая Нидерланды, и эрцгерцогом Австрии.

право голоса курфюрстов¹ не руководствовался общими интересами; напротив, все они думали лишь об одном — продать свои голоса тому, кто предложит за них самую высокую цену.

В качестве претендентов на императорскую корону выступали три европейских короля: Генрих VIII Английский, Франциск I Французский и упомянутый выше Карл I Испанский. Самым сильным соперником Габсбурга оказался король Франции Франциск I, кандидатуру которого вначале поддерживал папа. Также и некоторые князья — Пфальцский, Бранденбургский и Вюртембергский — поддерживали французского претендента.

Всем трем могущественным кандидатам на престол в одинаковой мере были чужды германские интересы. У Карла не было никаких личных связей с этими областями, он никогда их не видел. Этого монарха, которому было всего лишь 19 лет, в Нидерландах считали испанцем, в Испании — немцем, его родным языком был французский.

Когда французский король Франциск I уведомил, что готов заплатить за свое избрание три миллиона крон золотом, оказалось, что дому Габсбургов не под силу даже и пытаться конкурировать с ним. И вот всесильный южногерманский купец Якоб Фуггер задался целью вывести из игры обоих соперников Карла и склонить на его сторону курфюрстов. Его связь с домом Габсбургов и его политикой стала нерушимой.

Прежде всего Якоб Фуггер встретился с представителем Ватикана кардиналом Людвигом Арагонским, намереваясь с его помощью склонить папу Льва X (1475—1521 гг.) на сторону Карла. Целью этой встречи было также обратить внимание нового претендента на императорскую корону на могуще-

¹ Порядок выборов короля и церемониал коронации определялись имперским законом 1376 г., получившим в XV в. наименование «Золотая булла». Право на избрание короля имели семь курфюрстов: архиепископы Майнца, Кельна, Трира, а также пфальцграф Рейнский, король Богемии, герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский; решение принималось большинством голосов. Тем самым система избрания короля одержала верх над системой престолонаследия. Эта пользовавшаяся исключительными правами коллегия имела также право низложения короля и императора.

ство дома Фуггеров. Якоб Фуггер мог упомянуть о 10 000 рудокопов, добывавших для его фирмы благородный металл; он был в состоянии сослаться на свои казавшиеся поистине неистощимыми запасы гульденов и не в последнюю очередь воспользоваться своими закулисными связями с епископами, обязанными ему солидным расширением своих владений. Такое ходатайство дало свои результаты; оно было надежной гарантией для финансирования престолонаследия.

Прогабсбургская политика Якоба Фуггера проявилась также в его тесных деловых связях с вице-королевой Нидерландов эрцгерцогиней Маргаритой Австрийской (1480—1530 гг.)¹, которая пользовалась значительным влиянием у своего племянника Карла. Она располагала крупными средствами и во всех своих финансовых делах пользовалась услугами филиала фирмы Фуггеров в Антверпене. Маргарита знала, что это торговое и банковское общество оказалось будущему императору много любезностей и услуг. В конечном счете, по общему мнению, нельзя было найти более подходящего человека, которому можно было бы доверить приобретение короны и связанную с этим организацию избрания императора. Однако 100 000 гульденов, которые Карл готов был заплатить за императорский титул, было совершенно недостаточно. Поэтому Якоб Фуггер предоставил 543 585 гульденов. 143 333 гульдена дали Вельзеры, и 165 000 гульденов поступило от трех итальянских банков².

Князья требовали за свои голоса звонкую монету. И не только они: прелаты, рыцари, дипломаты и другие посредники также протянули руку за «почетной данью». Не было конца тем, кого пришлось ублажать, вдохновлять, у кого надо было охладить симпатии к французскому претенденту на корону. Представители

¹ Вице-королева Нидерландов была дочерью императора Максимилиана I.

² Max Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 246—247; Pölnitz. Anton Fugger. 1. Band. 1453—1535. Tübingen, 1958, S. 380; «Schwäbische Forschungsgemeinschaft bei der Kommission für bayerische Landesgeschichte», Reihe 4, Bd. 6, «Studien zur Fuggergeschichte», Bd. 13.

всех частей империи были осыпаны дорогими подарками, золотом; серебром и привилегиями.

Убедившись, что борьбу за корону ведут лишь два главных претендента, пытавшихся вывести друг друга из игры, курфюрсты повели между собой дело так, что предлагавшиеся за их голоса суммы все более росли. «Золотая Булла» 1356 г. запрещала прибегать к подкупам. Но кого это заботило перед потоком золота, хлынувшим из сейфов Фуггера?

Лишь в распоряжение комиссаров по проведению выборов было передано 859 918 гульденов¹. Курфюрсты получили от них астрономические по тем временам суммы. Самым ненасытным стяжателем среди них оказался Альбрехт, архиепископ Майнца и Магдебурга и правитель Хальберштадта². Фуггеры также держали в своих руках испытавшего нужду в деньгах князя Пфальцского, который вначале был на стороне французского короля. Не устояли перед искушением и курфюрсты Трира и Саксонии, которых притягивало к себе золото. В этой битве за престол не лилась кровь, но те, кто получил деньги, пять лет спустя пролили реки народной крови.

Исход выборов императора был определен прежде всего не политическими, а финансовыми критериями. Фуггеры хотели, чтобы эти выборы были делом только их рук, и не желали делиться славой и выгодами с другими германскими, тосканскими, флорентийскими и испанскими конкурентами. Также и солдаты для обеспечения выборов были наняты и оплачены аugsбургским банкирским домом. Так складывались расходы, общая сумма которых достигла почти миллиона золотых гульденов. Скупка голосов достигла цели: в середине 1515 г. выборная коллегия остановила наконец свой выбор на внуке Максимилиана I, который под именем Карла V стал римско-германским

¹ Max Jansen. Jakob Fugger der Reiche, S. 247, Pölnitz. Anton Fugger. 1. Band, S 380

² Речь идет о том самом Альбрехте Бранденбургском, который в 1514 г. был должен Фуггерам 22 000 гульденов и благодаря посредничеству которых в 1515 г. ему удалось заключить с Ватиканом сделку, дававшую ему право сбора налогов и продажи индульгенций в Магдебурге и Майнце сроком на 8 лет. Выручка от продажи индульгенций должна была пойти на уплату долга Фуггерам.

императором¹. Голосование же было простой формальностью. Единственное, что принималось в расчет, это власть Фуггеров. Это они, и только они, решили судьбу короны, выступив как надежные союзники дома Габсбургов. Фуггеры могли теперь пользоваться славой вершителей судеб короны — они подчинили себе курфюрстов, королей и императора. И не в последнюю очередь они одержали победу над всеми своими конкурентами в международных сделках, поднявшись таким образом на самую верхушку европейской финансовой олигархии. После торжественной коронации в Ахене 23 октября 1520 г. Карл V, подобно тому как это сделал когда-то Максимилиан I, принял, с согласия папы, титул «избранного римского императора»².

Остались ли Фуггеры в накладе в результате всех этих махинаций? Напротив! Сделка с избранием императора принесла им огромные барыши — иначе они и не стали бы затевать ее. Якоб Фуггер был слишком опытным дельцом, чтобы не понимать, что списание долгов императора — дело невыгодное. Но он рассчитывал на новые привилегии со стороны короны, — привилегии, благодаря которым должны были осуществляться его планы на будущее. Якоб Фуггер убедил Карла V в том, что последнему следовало бы приказать правительствам на Пиренейском полуострове, чтобы в развитии горного дела они обращались за поддержкой к солидным предприятиям (при этом под солидным предприятием Фуггер имел в виду самого себя).

4 мая 1521 г., во время Вормского рейхстага, между Карлом V и Фуггерами был подписан контракт о списании долгов императора. В этом Вормском договоре Фуггер вынудил Карла V пойти на уплату 8% с суммы его долгов (в сделках с Максимилианом I он довольствовался 5%). Две трети всего долга были

¹ Карлу V пришлось пойти на «избирательную капитуляцию», которая значительно ограничивала его власть над имперскими сословиями. Так, за последними было закреплено право ведения государственных дел во время отсутствия Карла (этими суверенными правами они, собственно, фактически пользовались издавна). Самому императору было запрещено размещать в германских частях империи чужеземные войска

² В конце февраля 1530 г. Карл V был коронован в Болонье папой Климентом VII (1478—1534 гг.). Это была последняя из осуществленных папами коронаций.

списаны под государственную плавильню в Халле (Тироль) и швацкие серебряно-медные рудники. Дополнительные гарантии Фуггеры получали в счет доходов от испанских владений Габсбургов.

Спустя два года, не получив большей части гульденов, за которые поручился Тироль, и ни одного геллера из Испании, Фуггер обратился к Карлу V с напоминанием: «Известно и очевидно, что Ваше императорское величество не смогли бы получить римскую корону без моего содействия»¹.

Продолжая в таком же самоуверенном тоне, Фуггер перечислял в послании императору «жертвы» своей фирмы. Послание дало результаты. Якубу Фуггеру были переданы доходы трех важнейших рыцарских церковных орденов Испании, в результате чего в его руках оказалась почти четвертая часть испанской торговли зерном и он получил в аренду на несколько лет самые крупные в Европе залежи ртути и свинца. В первые годы доходы шли в счет погашения части долгов, возникших в связи с выборами. По имеющимся оценкам, за годы аренды испанских рудников, на которых работали австрийские рудокопы, Фуггеры получили 22 млн. мараведисов дохода. Поскольку испанская ртуть в течение десятилетий находилась в монопольном владении Фуггеров и каждый центнер руды давал 29 дукатов дохода (из которых следует вычесть около 15 дукатов — себестоимость добычи), годовая добыча объемом 1500 центнеров давала колоссальную чистую прибыль².

Выражая свою признательность Фуггерам, император в 1530 г. пожаловал Раймунду, Антону и Иерониму (1499—1538 гг.) графские титулы. Антон и Раймунд стали имперскими графами фон Кирхберг инд Вейсенхорн и получили право чеканки монеты. Императорской привилегией, подписанной 30 июня 1527 г. в Гранаде, им также предоставлялось право раздачи церковных и светских ленов. Также и папа наградил Антона Фуггера титулами папского рыцаря.

¹ Max Jansen. Jakob Fugger der Reiche. S. 250; см. также: A. Stauber. Das Haus Fugger. Von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Augsburg, 1900, S. 32—33.

² Otto H. Brandt. Die Fugger, Geschichte eines deutschen Handelshauses. Jena, 1928, S. 68, 70.

придворного графа и пфальцграфа. Без каких-либо ограничений он одарил его всеми правами, гербами и знаками высокого достоинства.

Все утверждения, что Фуггер в приступе великодушия порвал или сжег в присутствии императора его долговые расписки, являются сплошным вымыслом. И он не становится правдивее от того, что имеется картина, изображающая этот выдуманный эпизод; ее копии еще в наш век украшали стены многих биргерских домов.

Действительно, вряд ли найдется другая подобная Фуггерам семья банкиров и крупных оптовых купцов, которая получила такие огромные прибыли и вознаграждения за столь же беспрецедентные услуги, оказанные императорам при их коронациях. Вопреки тенденциозным рассказам они настойчиво требовали то, что желали получить в качестве эквивалента за свои услуги, и чаще всего в конце концов добивались своего. С точки зрения купца, для них было само собой разумеющимся делом предъявить за любую услугу соответствующий счет и оставаться верными принципу, сформулированному Якобом Фуггером в одном из писем герцогу Саксонскому: «Я сослужил Вашей милости такую службу, которая была под силу лишь мне одному. Жду от Вас справедливого вознаграждения...»¹

Описание коронации Габсбургов при помощи Фуггеров было бы не полным без упоминания об эрцгерцоге Фердинанде. Этот брат Карла V был наместником в Австрии. Но он хотел большего — стать королем и императором! Когда Якоб Фуггер незадолго до своей смерти дал обещание поддержать кандидатуру Фердинанда на трон короля, эрцгерцог установил тесную связь с аугсбургской резиденцией Фуггеров. В знак благодарности и в качестве аванса на будущее он предоставил фирме военную защиту от нападений тирольских рудокопов. Эрцгерцог Фердинанд Австрийский проявил большую энергию, когда потребовалось подавить революционные выступления во время Крестьянской войны. Он стоял во главе реакционных

¹ Pölnitz. Jakob Fugger S. 441; см. также. Max Jansen Jakob Fugger der Reiche, S. 248.

католических группировок, его имя получило широкую известность в годы политических и религиозных конфликтов, он оказывал также влияние на военный аппарат Швабского союза.

По Вормскому договору 1521 г. в целях усиления власти Габсбургов в Австрии ему была передана часть владений императора Карла V; Фердинанд стал править Верхней и Нижней Австрией, Штирией, Каринтией и Крайной. В 1522 г. он получил Тироль и Вюртемберг. Таким образом братья — один в Западной и Южной Европе (испанская линия), другой в Центральной и Юго-Восточной Европе (австрийская линия) — укрепили и расширили свои позиции.

Стремясь держать в своих руках побольше нитей, чтобы уверенно управлять с их помощью общественными и политическими амбициями, фирма Фуггеров также укрепляла свои позиции с обеих сторон. Прочные связи с могущественным Карлом V имели для них столь же важное значение, как и с его братом Фердинандом, ибо благодаря своему династическому браку последний считал себя законным претендентом на троны Богемии и Венгрии. Оба эти королевства должны были быть объединены с Австрией, чтобы обеспечить Габсбургу титул курфюрста Пражского.

После гибели в битве с турками у Мохача короля Богемии и Венгрии Людовика II следовало действовать без промедления. Потребовался Фуггер, который финансировал возвведение Фердинанда на королевский трон. В октябре 1526 г. сословные представители Богемии предложили избрать эрцгерцога Фердинанда Австрийского королем Богемии. Он был избран, и в феврале 1527 г. в Праге состоялась коронация.

В Венгрии дело обстояло сложнее, так как венгерская знать в 1526 г. провозгласила королем воеводу Семиградья Яноша Запойяни. Чтобы сломить сопротивление национальных сил Венгрии, посланники Фердинанда получили от Фуггеров новые средства, при помощи которых удалось разбить войска короля Запойяни и захватить город Офен (Буда). В конечном итоге в декабре 1527 г. в Пресбурге (Братислава) Фердинанд был избран меньшинством венгерского рейхстага также и королем Венгрии. С тех пор у Венгрии стало два короля. Это обстоятельство послужило

причиной новых конфликтов, исход которых Фердинанд при помощи денег Фуггеров, хитрости и прямого национализма после смерти Запойи решил в свою пользу. Объединив страны богемской короны, Венгрию и наследные земли Австрии, Фердинанд создал многонациональное монархическое государство австрийских Габсбургов.

Король Фердинанд I был должен Антону Фуггеру, наследнику Яакоба Богатого, 918 460 гульденов. В уплату долга он обещал Фуггерам закрепить их «права», записанные в заключенном на 15 лет договоре об аренде венгерских рудников, и расширить эти права за счет новых на разработках Нейзоля, а также на монетном дворе в Кремнице. Южногерманский банкирский дом получил также доступ к владениям Карла V в Южной Италии, право сбора таможенной пошлины в Тироле и Силезии и стал участником разработки серебряных рудников Санкт-Иоахимсталь в Богемии.

Теперь Фердинанд I настойчиво стремится заполучить королевскую корону «Священной Римской империи германской нации». Пакт с домом Фуггеров должен был проложить ему путь также и к ней. На финансирование избрания Фердинанда I королем Фуггеры предоставили 356 845 гульденов, а также годичную пенсию для «услужливого» кардинала Майнца в размере 7000 гульденов¹.

В январе 1531 г., несмотря на протесты курфюрста Саксонского, ландграфа Филиппа Гессенского и герцога Баварского, состоялось избрание короля.

Вознаграждение, выплаченное королевским двором дому Фуггеров, включало в себя доходы богатых

¹ В 1530 г. на Аугсбургском рейхстаге было заключено избирательное соглашение между императором Карлом V, королем Фердинандом I и пятью курфюрстами. Общая сумма, которую предоставили Фуггеры для проведения выборов, составила 275 733 гульдена. За эту сумму они потребовали 10% сроком на полтора года(!), то есть 41 112 гульденов. Кроме того, со ссылкой на «риск», с которым была связана отправка денег курфюрстам и кардиналам, Фуггеры потребовали 40 000 гульденов «вознаграждения», и, таким образом, общая сумма достигла 356 845 рейнских гульденов (Ernst Heging. Die Fugger, Leipzig, 1939, S. 224—225, Pölnitz. Anton Fugger, I. Band. S. 207, 209, 532).

нидерландских городов Антверпен и Мехельн и передачу им маркграфства Бургау со всеми суверенными правами в отношении жителей этой области. Чтобы заставить замолчать противников чужеземных купцов, Раймунд, Антон и Иероним Фуггеры и их наследники были возведены в 1535 г. в мадьярское дворянское достоинство. Как «рыцари» венгерского королевства, они стали отныне пользоваться особой защитой своих прав от любых посягательств, разумеется, также и в ходе дальнейшего ограбления ими страны — будь то горный промысел или добыча соли в Семиградье.

Наконец, в марте 1551 г. был заключен так называемый Семейный пакт Габсбургов, определявший порядок престолонаследия. В 1556 г. Карл V отрекся от престола, передав его вместе с империей своему брату Фердинанду I, официальное избрание которого курфюрстами состоялось в феврале 1558 г. Фердинанд стал именовать себя «избранным римским императором», которому в августе 1559 г. папа дал, хотя и с запозданием, свое «благословение».

ФИНАНСИСТЫ ВОЙН

Императора Карла V не без основания называли «королем войн». С таким же правом Фуггеров можно назвать «финансистами войн». Где бы в течение этих десятилетий ни возникали спровоцированные домом Габсбургов военные конфликты, там появлялись Фуггеры с их политической активностью и огромными суммами денег. Их фирма стала универсальным институтом — идеяным и экономическим. Идейным — поскольку их политические и идеологические концепции совпадали со взглядами императора и его стремлением к господству в Европе; экономическим — поскольку они давали императору деньги на ведение войн. Разумеется, Фуггеры шли на это, руководствуясь исключительно деловыми соображениями, ибо каждая война открывала перед ними новые заманчивые перспективы. С их именем связано представление не только о крупных торговцах, банкирах и горнозаводчиках, но и о тесной взаимосвязи между всемогуществом денег и агрессивной военной политикой.

Внешне все выглядело вполне благопристойно; ход дел был скрыт от посторонних глаз, решения готовились с применением ловкой тактики и расчетливой дипломатии.

С конца XV в. между Габсбургами и французским королевством стали возникать частые военные конфликты, причиной которых было стремление к господству над континентом. Эти конфликты обострились во время правления Карла V с 1521 по 1544 г. Императора влекло желание присоединить к находившимся под его властью Испанию, Сицилии, Сардинии, Неаполю, германским территориям новые области Италии, а также Францию. Стремясь к этой цели, он хотел захватить Среднюю и Южную Италию. Тогда власть габсбургского императора простиралась бы от Сицилии через Италию, Австрию и германские земли вплоть до Нидерландов, от Средиземного до Северного моря. Завоеванием Франции Карл V рассчитывал объединить Испанию и другие крупные составные части монархии, которые образовали бы территориально единое целое. В качестве первого шага следовало решить судьбу Италии, решить на ее территории. Так, Апеннинский полуостров стал районом, где Карл V пытался осуществить свои военные планы в борьбе с французским королем Франциском I, который в свою очередь рассчитывал захватить Южную Италию и вырвать таким образом Францию из тисков Габсбургов. Прибегая к различным военным союзам, каждый из противников пытался захватить итальянские области.

Из четырех франко-габсбургских войн 1521—1544 гг. (так называемые Итальянские войны)¹, в ходе которых победы часто сменялись поражениями и конец которых был положен взаимным финансовым истощением сторон,— из этих четырех войн в нашем

¹ Первая из этих войн длилась с 1521 по 1526 г., вторая — с 1526 по 1529 г., третья — с 1536 по 1538 г., четвертая — с 1542 по 1544 г. Усебица была завершена заключением в Крепи мирного договора между императором Карлом V и Франциском I. Согласившись на сохранение статус-кво, Франция должно было отказаться от своих притязаний на Фландранию, Пьемонт и Савойю, а Карл V — от требования передачи ему областей Бургундии.

исследовании следует выделить битву при Павии и «*Sacco di Roma*».

Содействуя во всем аннексионистской политике Габсбургов и связанному с этим опустошению Италии, Фуггеры проявили особую заинтересованность в победе при Павии. В чем причина? В германских землях уже давно нарастили волнения, вылившиеся на пороге 1525 г. в вооруженные действия. Как мы увидим в главе этой книги, посвященной Великой крестьянской войне, в это время на немецкой земле не было вооруженных сил — ни имперских, ни войск Швабского союза. Чтобы подавить волнения, была нужна победа имперских войск в Италии и возвращение оттуда наемников. Своей финансовой поддержкой Фуггер ускорил осуществление этого плана и содействовал его успеху. В битве при Павии в феврале 1525 г. имперские ландскнехты одержали победу над французами, пленили короля Франции и спустя несколько недель наводнили области Южной и Средней Германии, учинив зверскую расправу над немецкими крестьянами и городскими плебеями, выступившими на борьбу за свое справедливое дело. Эту кровавую расправу Фуггеры могли записать себе в приход.

Таким же образом развивались события, связанные с «*Sacco di Roma*» — разграблением Рима. Когда папа Климент VII, решивший, что власть Габсбургов слишком усилилась, образовал в мае 1526 г. в г. Коньяк «Святую лигу» — направленный против Карла V союз с Миланом, Венецией, Флоренцией и Францией, император послал в Рим свои войска, которые взяли штурмом папский дворец и захватили в плен папу. Нанятые на деньги императора — Фуггеров немецкие и испанские ландскнехты под командой предводителя Швабского союза Георга фон Фрундерберга в течение нескольких дней грабили город, подожгли его и зверски убили десятки тысяч жителей.

В этом разбойниччьем походе наемники награбили неисчислимые богатства, накопившиеся в Риме за последние 70—80 лет: приношения паломников, доходы от отпущения грехов и от церковных земель. Грабежу подверглись церкви, величественные базилики, частные дома. Грабители перерыли могилу святого Петра, вскрыли гроб папы Юлия II (1433—1513 гг.) и сняли

с его руки золотое кольцо. «Подсчитано, что стоимость захваченных армией ценностей составила около десяти миллионов золотых»¹.

Разграбив и предав огню город, имперские ландскнехты не тронули дворец и банк Фуггеров; Фуггеры предложили германским ландскнехтам и их военачальникам доставить их богатую добычу к ним на родину, что и было сделано. Действительно, римский банк Фуггеров переводил стоимость награбленных богатств, вплоть до самых мизерных взносов наемников и маркитанток, в любой город «Священной Римской империи». Фуггеры также принимали на хранение ценности Вельзеров и церковных князей, входивших в их клиентуру. Есть основания полагать, что Фуггерам были известны планы императора и его указания Георгу фон Фрунцсбергу. Сведения о размерах выручки Фуггеров от упомянутых финансовых операций и о том, что из награбленного попало в их руки, хранились в строжайшей тайне. Аванс в сумме 30 000 гульденов, выплаченный ими императорскому войску под командованием Георга фон Фрунцсберга, наверняка окупился; в 1528 г. Фуггеры перевели в Италию на финансирование второй франко-габсбургской войны 100 000 крон из своих доходов в Испании. Через несколько лет, в ходе дальнейшей пробы сил между Габсбургами и Францией, эти суммы возросли в несколько раз, составив в 1544 г. более чем 600 000 гульденов. Располагая такими деньгами, можно было постоянно пополнять и вооружать императорские армии для борьбы против короля Франции. Граф Саламанка-Ортенбург, пользовавшийся особым доверием Карла V, совершал регулярные поездки из военного лагеря в Аугсбург, чтобы заключать с Фуггером соглашения о новых займах, выплатах жалованья наемникам, вербовке ландскнехтов, кавалерии и приобретении военного снаряжения.

Целью четырех войн Габсбургов и французского короля за господство в Италии было расширение подвластных им территорий, но эти войны показали южногерманский торговый дом в новом свете: хотя пред-

¹ Leopold von Ranke *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*, Bd. 2. Wien — Hamburg — Zürich (1947), S. 468.

ставители этого дома были глубоко религиозными людьми, они без всяких раздумий посягнули на священную власть католической церкви, на власть папы, столь же хладнокровно, как и на жизнь тысяч немецких крестьян и граждан Рима. Сомнения и угрызения совести были им всегда чужды.

Помимо полученной колоссальной прибыли, Фуггеры имели гарантии императора, обязавшегося полностью компенсировать им любой финансовый ущерб, который мог возникнуть в те годы. Кроме того, военное превосходство Карла V над Франциском I обеспечивало наряду с ослаблением последнего также и устранение французской конкуренции в торговле. Золотая кровь, которую Фуггеры вливали в вены Габсбургов, должна была поднять их на вершину мирового политического, а доноров — экономического могущества.

РЕАКЦИОННЫЙ СОЮЗ

«Союз королевской власти и бюргерства» и как его следствие «тенденцию к созданию национальных государств» Фридрих Энгельс назвал «одним из важнейших рычагов прогресса в средние века»¹. Как уже отмечалось, подобное сотрудничество представителей богатых купеческих кланов с феодальной центральной властью мы наблюдаем в целом ряде европейских государств, например — во Франции, король которой видел в богатом бюргерстве свою опору. Так, купец Жак Кёур из Бурже более десяти лет в решающей мере определял политику Карла VII (1422—1461), во время правления которого Франция вступила на путь централизованной феодально-абсолютистской монархии.

Что представлял собой союз Габсбургов и Фуггеров? Ответ на этот вопрос следует искать в особенностях общего развития империи. В отличие от Франции и других государств, где королевская власть возглавляла борьбу за национальную централизацию и, таким образом, за прогрессивное развитие государства, Габсбурги были проводниками давно исторически

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 21, стр. 410, 411.

изжившей себя великодержавной имперской политики. Внутреннюю политику в империи вершили партикуляристские силы. В конце XV в. в ее составе насчитывалось 350 больших и малых, светских и церковных курфюршеств и княжеств, обладавших государственным суверенитетом; кроме того, имелись графства, вольные имперские города и т. д. В отличие от большинства других европейских стран здесь вся политика определялась местной властью. Это положение еще более усугублялось образованием сколоченной путем династических браков и захватов земель многонациональной мировой империи Габсбургов.

Итак, в конце XV — начале XVI в. проблема образования централизованного государства на территории Германии оставалась нерешенной. Более того, политика Габсбургов препятствовала любому прогрессивному решению государственных и общественных проблем и обусловливала тем самым все большую отсталость империи по сравнению с общественным развитием в других странах Европы. Таким образом, Габсбурги играли совершенно иную роль, чем французские или английские монархи того времени.

Враждебная прогрессу политика Габсбургов определяла также и характер их союза с южногерманскими купцами-капиталистами. Своими связями с короной Фуггеры укрепляли не центральную власть, которой в германских землях не было, а суверенную власть и великодержавные устремления Габсбургов. Тем самым они способствовали сохранению раздробленности в Германии, были тормозом общественного прогресса. Фуггеры оказывали поддержку и содействие всем элементам, заинтересованным в сохранении ставших невыносимыми условий жизни в государстве, церкви и обществе.

Поэтому значительная часть народа по праву поставила на повестку дня борьбу за централизованное государство, которое отвечало бы новым экономическим и социальным потребностям и управлялось бы не из Мадрида или Рима. Только так можно было направить общество в русло буржуазного развития. Но с императором, выезжавшим в немецкие земли страны лишь гастролером, и с его заинтересованными

ми в консервации раздробленности приспешниками такой перелом был невозможен. В силу особых условий эту задачу могли решить революционным путем лишь народные массы деревни и города.

Фуггеры постоянно находились во власти противоречий: с одной стороны, они были воплощением начальных форм развивавшихся производственных отношений раннего капитализма и действовали подрыву экономических основ феодализма. В этом качестве они должны были бы выступать на стороне оппозиции против консервативного феодального строя и его столпов, и прежде всего — против Габсбургов. В этом Фуггеры не видели никакой необходимости, ибо на их пути, пути купцов и предпринимателей раннего капитализма, представителей денежного мешка, не было никаких препятствий. Привлекая на свою сторону императора, королей и князей, они обеспечивали себе максимальную прибыль при минимальных потерях. Какое дело было им до проблем общественного развития? Независимо от него они не только находились на вершине общества как скопщики, оптовые купцы, банкиры и горнозаводчики; будучи крупными землевладельцами, они также получали огромные доходы от барщины. Поэтому они ничего не делали для того, чтобы разбить оковы феодализма, более того, когда обращенный в прошлое строй начал трещать по всем швам, они помогли его реставрации. Разумеется, тем самым они в конечном счете, как это покажет дальнейшее развитие, рыли могилу своему собственному всемогуществу.

На всех этапах Фуггеры с их капиталом были на стороне сильнейших, могущество которых было основано на извечной силе золота и на захватах чужих земель. Эксплуатация и война всегда составляли единое целое. Подавляя народные массы, Габсбурги и связанные с ними союзническими узами южногерманские купцы хотели, чтобы устройство мира отвечало их представлениям — представлениям наживавшейся на эксплуатации и войне касты. Реакционное правление, искоренение и предание анафеме всего прогрессивного — таково было неизменное кредо враждебных народу властителей и служивших им и направлявших их действия слоев.

Конечно, Фуггеры были заинтересованы в упразднении таких сдерживавших процесс централизации империи порядков, как взимание бесчисленных таможенных пошлин, сборов за пользование дорогами и мостами; ликвидация таких поборов была бы большим шагом вперед по пути создания единого рынка и диктовавшегося интересами бюргерства образования единой национальной территории. Но над этими экономически прогрессивными стремлениями довлели центробежные тенденции политики Фуггеров. Материально и духовно они были связаны с римской церковью, которая в силу своей политики господства и финансовой политики являлась враждебным народу, чужеродным институтом на немецкой земле. Они состояли в тесном союзе с испанскими Габсбургами, чья монархия находилась в непримиримом противоречии с развитием даже начальных элементов суверенной политики возможного единого германского государства. Они поддерживали в Европе все силы, стремившиеся подавить самостоятельное, прогрессивное национальное развитие,— вспомним активное участие Фуггеров в борьбе Испании против независимости Нидерландов и в удушении народных сил Венгрии, чем был открыт путь турецкому вторжению. Холодный, расчетливый делец крупного масштаба, мастер лавирования между императорами, королевскими советчиками, дипломатами и конкурирующими соперниками, Якоб Фуггер поддерживал дружбу с сильными мира сего, которые, стремясь заручиться его финансовым покровительством, должны были проявлять к нему свою благосклонность. Здесь, в стадии раннего капитализма, мы наблюдаем то, что спустя три столетия повторил развитой класс буржуа и капиталистов на более высоком уровне, когда в ходе буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. этот класс предпочел борьбе на стороне народа за национально-государственное объединение союз с классом феодалов, который несколькими десятилетиями позднее установил национальное единство, бросив под железную пяту прусского милитаризма собственный рабочий класс и соседние народы. Так было положено начало пути к европейским катастрофам XX в.

Поскольку централизация государства играет важную роль в формировании нации, а Фуггеры понимали централизацию лишь в смысле великодержавной монархии и всемирной власти папы, которые отвечали их собственному стремлению к экономическому всевластию, они вступали в противоречие со всеми общественными течениями, стремившимися к устранению церковной эксплуатации и чужеземного гнета в германских землях.

Если, выступая в качестве представителей поднимавшейся буржуазии, Фуггеры способствовали развитию раннего капитализма, стимулировали экономический прогресс и разрывали тем самым, вольно или невольно, оковы феодализма, то своей приверженностью к династии Габсбургов, стремившейся к всемирному господству, они укрепляли основы феодализма и содействовали сохранению этого одряхлевшего, порочного реакционного строя.

Прежде чем продолжить рассмотрение экономических и политических деяний Фуггеров на стороне церкви и короны, познакомимся с их отношением к искусству и идейным течениям того времени.

КНЯЖЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Якоб Фуггер, родившийся в марте 1459 г., должен был стать священником; в 1478 г. он отказался от духовной карьеры и после довольно продолжительного пребывания в Венеции возглавил руководство фирмы «Якоб Фуггер и племянники». «Золотая контора» в Аугсбурге стала его царством. Здесь он правил, окруженный уникальными ценностями. Стены и потолки конторы были отделаны кленом, украшены темной и золоченой резьбой. В рабочем кабинете стояли тяжелые с подлокотниками мягкие кресла, обитые бархатом с выткаными на нем красными цветами. В большом, искусно сработанном шкафу с двухстворчатой дверью хранилась часть богатств Фуггеров: свертки с золотыми монетами, векселя, долговые письма. Письменный стол, тумбы которого изображали четырех сидящих львов, богато инкрустированный золотом и перламутром и покрытый светло-зеленой мраморной плитой с черными и белы-

ми прожилками, был набит грамотами и актами с тяжелыми печатями. Все это увенчивал герб Фуггеров — чеканные золотые лилии на голубом поле. В такой же роскоши утопали семейные покой дома Фуггеров у Винного рынка.

Картины и фрески знаменитых художников, дорогие ковры, насчитывающие 15 000 томов, включая греческие и латинские рукописи, библиотека, собранная агентами фирмы на Востоке и в европейских столицах, украшенные тосканскими колоннами из красного мрамора сады и дворики с арками в стиле итальянского Ренессанса, статуи и многое другое должны были свидетельствовать о художественном вкусе и любви к коллекционированию хозяев торгового дома. В течение 20 лет Фуггеры скупили в Аугсбурге 28 домов с садами и с 1512 по 1515 г. расширили свой дворец.

В их поместьях возвышались прекрасные замки, подобные тому, что был построен в Фуггерай (Каринтия). Там составлялись планы, велись переговоры о займах в масштабах континента, свершались и надежно хранились купчие на имения и баронии.

Клеменсу Зендеру, аугсбургскому хронисту того времени, было поручено воздвигнуть этой могущественной денежной державе XVI в. словесный памятник: «Имена Якоба Фуггера и сыновей его брата знал всякий во всех королевствах и землях, равно как и в языческом мире. Император, короли, князья и знатные господа слали к нему своих послов, папа приветствовал его, как родного сына, и раскрывал ему свои объятья, кардиналы вставали при его появлении. Все купцы мира чтили в нем светлый ум, и язычники приходили от него в изумление. Он был украшением всей земли немецкой»¹.

Это «украшение всей земли немецкой» никогда не мучилось угрызениями совести. Ведь Якоб Фуггер сам похвалялся тем, что не знал «нарушений сна», что «вместе с рубашкой снимал с себя на ночь все заботы и тревоги дел торговых»².

Каждый, кто сталкивался с Фуггерами, понимал, что это были не просто купцы и предприниматели.

¹ A Stauberg Das Haus Fugger, S. 36.

² Там же, S. 38.

Их дворцы и предприятия, их факторы и служащие, их связи и слава свидетельствовали о том, что они олицетворяли общественную силу, с которой каждый должен был считаться. Если они, их родственники или эмиссары отправлялись в путь, их сопровождала кавалькада до зубов вооруженных слуг, привлекавших к себе всеобщее внимание уже своим богатым платьем. Репрезентативность была частью торговых дел.

У того, кто входил в принадлежавшие им великолепные дома в Аугсбурге, имевшие благородный вид и отличавшиеся богатой внутренней архитектоникой — в Женское подворье у Винного рынка, в Гостиный зал у Скотного рынка и, конечно, в «Золотую кантору», — должно было возникнуть впечатление, что он оказался не только в центре экономической власти, но и в центре духовной жизни, прежде всего — искусства. Так ли это было? Или, как это часто бывает, искусство и здесь было лишь предметом придворной роскоши, дымом фимиама, за завесой которого хотели скрыть жестокую силу господства над угнетенными и обездоленными?

Меценатство Фуггеров в отношении искусства немецкого Ренессанса, о котором столь много пишут буржуазные историки, не является чем-то необычным, а факты свидетельствуют, что ни один из видных представителей этого семейства — разве лишь за исключением Раймунда Фуггера — не проявлял подлинного интереса к новым тогда вопросам художественного творчества. Нам не известно, чтобы кто-либо из Фуггеров поддерживал прочные дружеские связи с тем или иным художником, в то время как до нас дошли сведения о подобных отношениях между нюрнбергским патрицием Виллибалдом Пиркгеймером и Альбрехтом Дюрером или даже между саксонскими курфюрстами и Лукасом Кранахом Старшим.

Толстые книги об отношении Фуггеров к искусству больше повествуют о сделках по продаже накопленных ими произведений искусства, столового серебра и земельных участков под застройку, о торговле дорогими тканями и драгоценными камнями, о пощертованиях и подарках, делавшихся по дипломатическим соображениям, и о расширении экономического

господства Фуггеров, нежели об их художественных интересах и эстетических взглядах. Это относится прежде всего к Якобу Фуггеру Богатому, наиболее полно воплотившему в себе черты типичного представителя бурно развивавшегося раннего капитализма. Несмотря на делавшиеся им заказы и приобретения работ мастеров, даже люди, восхвалявшие добродетели Якоба Фуггера, не могли засвидетельствовать, что его отношение к искусству было неподдельным¹.

Заказывая или покупая художественные произведения, Фуггеры использовали их для упрочения и для отображения своего положения в обществе, для формирования и распространения взглядов, которые подкрепляли их экономические и социальные устремления. Раздаривая произведения искусства церквам, они демонстрировали свою приверженность к католицизму и неприятие идей Реформации, получивших широкое распространение именно в Аугсбурге. Демонстративным «благочестием», стремлением к славе и княжеской роскошью они подчеркивали свою исключительность по сравнению с низшими слоями бюргерства, свою обусловленную финансовыми интересами близость к римской церкви и к католическому императорскому двору, право на власть над своими подданными. Алтари, надгробия и другие предназначенные для широкой публики произведения искусства обладают большой выразительной силой. В благодарность провидению за поддержку в торговых делах Фуггеры построили на свои средства капеллу при церкви св. Анны в Аугсбурге, потребовав, чтобы в ней находился только их фамильный герб², и никакой другой.

Действительно, по обилию украшавших их дома произведений искусства и числу построенных на их деньги дорогих архитектурных сооружений Фуггеры

¹ Norbert Lieb. Die Fugger und die Kunst im Zeitalter der Spätgotik und frühen Renaissance. München, 1952, S. 287. — Schwäbische Forschungsgemeinschaft bei Kommission für bayerische Landesgeschichte, Reihe 4, Bd. 1, «Studien zur Fuggergeschichte», Bd. 10.

² Norbert Lieb. Die Fugger und die Kunst im Zeitalter der Spätgotik und frühen Renaissance, S. 137.

в силу своего богатства превосходили других патрициев эпохи раннего капитализма, но коллекционирование художественных произведений и строительство были средством демонстрации сословной принадлежности. На деньги покупались искусство и милости. При этом не вызывает сомнений, что такие деяния Фуггеров, как сооружение в 1509 г. богатой фамильной капеллы при кармелитской церкви св. Анны и строительство после 1511 г. жилого дома, Женского дворца у Винного рынка в Аугсбурге, содействовали распространению в германских землях архитектуры итальянского Ренессанса. Благоприятной предпосылкой для этого были тесные экономические связи Фуггеров с Северной Италией. Эта тяга к современному была частью устремлений поднимавшейся буржуазии и носила, таким образом, объективно прогрессивный характер. Реализм искусства Возрождения и его обращение к античному наследию составляли часть идеологии буржуазной революции эпохи раннего капитализма.

Художники, скульпторы и архитекторы этого исторического этапа стремились порвать путы цехового строя, пытались всяческими путями освободиться от своей материальной и духовной зависимости от учения и канонов церкви. Об этом убедительно свидетельствуют произведения искусства того времени. То, что должно было отображать ни с чем не сравнимое величие бога и его земных представителей, в действительности довольно часто показывало величие человека в его земном, живом облике, его естественную красоту, его достоинство и жизненную силу. Во многих произведениях искусства эпохи Возрождения мы видим стремление их творцов к светскому, реалистичному искусству, желание занять достойное место в обществе, которое можно было бы сравнить с положением ученого-гуманиста. Эта тяга к свободе и независимости былаозвучна устремлениям класса буржуазии и была их частью.

Новых заказчиков и покупателей, материальную основу существования можно было найти наряду с князьями прежде всего среди богатых буржуа. Поэтому крупнейшие мастера немецкого Ренессанса работали также и на Фуггеров. Выполненные ими

портреты Якоба Фуггера, например кисти Ганса Гольбейна, Ганса Бургмайра и Альбрехта Дюрера, ярко отображают энергию и решительность, рационализм и чувство собственного достоинства, которые, несомненно, были свойственны этому человеку.

Но эти мастера, люди эпохи Возрождения, в своем реалистическом искусстве никогда не шли на приукрашивание, на общепринятую льстивую ложь. Они изобразили Якоба Фуггера облаченным в изысканное, со вкусом сшитое платье, но лицо его они сделали зеркалом его души: жесткая складка тонких губ, строгий оценивающий взгляд, ни признака чувства, лица безжалостного делового человека крупного масштаба. Правдивая кисть художников безошибочно передала черты алчности, мелочности, бессердечия и скрытности или — например, в портрете Раймунда Фуггера — изнеженность, чувственность и бесхарактерность, о чем свидетельствуют также письменные источники того времени.

Хотя у деятелей искусства было не так уж много возможностей для критики представителей церковных, дворянских или купеческих кругов, от заказов которых они зависели, лучшие из них не упускали возможности отобразить в своих творениях характерные отталкивающие черты эксплуататоров-капиталистов, какими были Фуггеры¹.

Следует отметить, что, подобно искусству итальянского Возрождения, искусство немецких мастеров также служило выделению крупной буржуазии из среды мелкобуржуазных и в особенности плебейских и крестьянских слоев и классов, созданию новой господствующей культуры, участие в которой народных масс по-прежнему исключалось. В этом также проявился противоречивый характер прогресса, свойственный эпохам перехода от одной формы эксплуататорского общества к другой.

В ходе общественного развития, особенно после поражения первой буржуазной революции, стало оче-

¹ См изображение Якоба Фуггера Йергом Брейем Старшим на левой створке органа в часовне Фуггеров. (N o g e r t L i e b. Die Fugger und die Kunst im Zeitalter der hohen Renaissance. München, 1958, Abb 76 [«Schwäbische Forschungsgemeinschaft...», Reihe 4, Bd 4. — «Studien zur Fuggergeschichte», Bd. 14].)

видным, что многие деятели искусства, освободившись от цеховой зависимости, променяли ее на нечто подобное унизительному положению придворных низшего ранга и что духовная регламентация, особенно со стороны враждебной Реформации католической церкви, чьими верными служами были Фуггеры, стала еще более невыносимой.

До нас дошло замечание Ханса Фуггера, в котором четко проявилось отношение заказчика и религиозной идеологии к подлинной ценности художественного произведения. Заказывая около 1568 г. по-лотно для алтаря, он потребовал: «Я хотел бы, чтобы оно было исполнено благовения и красоты, а не показывало бы лишь искусство художника...»¹

К этому можно было бы добавить примеры из других родственных областей. Приведем лишь один из них: семейство Фуггеров принадлежало к кругу людей, оказывавших финансовую поддержку знаменитому в те времена венецианскому писателю Пьетро Аretино. Фуггеры не покровительствовали литературе, однако они побаивались острого пера этого первого памфлетиста нового времени, который с большим эффектом разоблачал преступления сильных мира сего, но умел и молчать, если те, кому он угрожал своей сатирой, откупались от него богатыми подарками².

Отношение Фуггеров к искусству еще раз вскрывает лицемерие морали купцов и предпринимателей эпохи раннего капитализма.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ФУГГЕРОВ

Когда кто-то однажды дал Якобу Фуггеру совет отойти от дел и жить в свое удовольствие, пользуясь богатством, он ответил: «У меня на уме совсем другое,

¹ Цит. по: Franzsepp Württemberg. Der Manierismus. Der europäische Stil des sechzehnten Jahrhunderts Wien — München, 1962, S. 111.

² Пьетро Аretино был сыном сапожника; еще молодым человеком он был принят на службу ко двору папы Льва X, с 1527 г. жил в Венеции. Его письма с угрозами в адрес всевозможных князей и монархов представляли собой блестательную сатиру на нравы и обычаи властителей его времени. Аretино превращал страх жертв своих едких насмешек в звонкую монету, что позволяло ему вести поистине княжеский образ жизни.

я хочу богатеть, пока могу»¹. Этому принципу он и его потомки оставались верны всю свою жизнь. Стремлению к богатству они подчиняли все свои дела, союзы, свою политику и идеологию.

Фуггеры воплощали в себе новый, отличавшийся необузданым тщеславием и корыстолюбием тип коммерсанта, полного решимости опрокинуть все традиционные устои торговли.

В конце эпохи средневековья бургерство в целом не было богатым. Имевшиеся в распоряжении бургера ценности представляли самое необходимое имущество ремесленника или купца, служившее удовлетворению потребностей его семьи. С начала XV в. он уже имел сбережения, размеры которых возрастили. Однако наличные средства, находившиеся тогда в руках купечества, были ничтожны в сравнении с суммами, накопленными отдельными купцами в XVI в.

В 1511 г. капитал Фуггеров составлял 200 000 гульденов. В 1527 г. — 2 800 000 гульденов, то есть он увеличился в 14 раз. Они получали 46,33% прибыли в среднем в год — наивысшую прибыль предпринимателей раннего капитализма.

То, что это состояние не было заработано собственным напряженным трудом, ясно как день. Изменилось использование капитала. Денежные операции Фуггеров стали самостоятельными, отделившись от оптовой торговли, от которой Фуггеры, разумеется, не отказались, а наряду с финансовыми сделками усиленно ее расширяли.

Кроме собственного дела, на долю дома Фуггеров выпала также роль папского банка вместо флорентийского торгового дома Медичи².

Они тайно принимали крупные суммы денег высокопоставленных князей церкви, выплачивая за них 5%, что неизмеримо усилило их могущество.

¹ Цит. по: Jakob Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, S. 56.

² Медичи использовали свою экономическую силу во второй половине XV в. для того, чтобы стать диктаторами эрцгерцогства Флоренции и возвести на папский престол одного из членов своего клана, ставшего в 1513 г. папой Львом X. Они были обладателями самых крупных капиталов. Их превзошли лишь Фуггеры, ставшие в пять раз богаче Медичи.

Не «благородство окрыленного удачей бюргерского усердия» ковало Фуггерам графские и княжеские короны, а жажды власти, которой они подчинили и принесли в жертву все принципы морали и этики. Якоб Фуггер стремился к богатству и славе; он обрел и то и другое — ловкостью и хитростью, а если надо было, то и силой. Тех, кто мог нанести ущерб положению его господствовавшего над миром дома, он со свойственными ему бессердечием и жестокостью устранил со своего пути.

Фуггеры были целиком во власти денег — цели и источника обогащения, преданных прародителями анафеме как воплощение злого духа, разрушителя общественных устоев и морального уклада. Хорошо понимая всесилие капитала, эти представители крупнейшей среди крупных торговых фирм видели в золоте «блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа»¹. Свое могущество они мерили силой денег. Если золото — высшее благо, то блажен и обладатель золота; или, как говорит Шекспир устами Тимона Афинского:

Золото! металл
Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
Все старое — и молодым, и свежим...

Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать, и распоргать обеты,
Благославлять проклятое, людей
Ниц повреждать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко на скамьи
Сенаторов...²

Богатство, ценимое, более того, почитаемое превыше всего, становится силой, а сила в свою очередь — средством к достижению еще большего богатства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 23, с. 143.

² Шекспир. Тимон Афинский. Действие IV, сцена III, русский перев. П. Вейнберга, 1903 г., Собр. соч., т. VII, с. 546.

И чем большими богатством и силой обладали Фуггеры, тем ненасытнее они становились. Будучи представителями нового времени, они не довольствовались тем, что было и что есть,— они стремились к большему и действовали в новых масштабах.

Не вера в бога, не глубокая религиозность определяли прежде всего их отношение к римской курии, а деньги. Лишь благодаря деньгам занимали Фуггеры столь почетное положение в обществе, могли вмешиваться во внутренние дела Ватикана, пользовались доверием папы и кардиналов. То, что южногерманский торговый и банкирский дом обосновался в Риме, став финансовым советчиком, сборщиком налогов и казначеем папы, вселявшим страх вымогателем доходов с бенефиций в германских землях, по рекомендациям которого назначались епископы и аббаты, является беспрецедентным в истории. И не без оснований возникает вопрос: могла бы курия действовать без Фуггеров так, как она действовала при их участии? Даже благосклонные к Фуггерам биографы не могут не признать, «что Фуггеры содействовали... развитию пороков и развращению курии... Религии, которой он всю свою жизнь был предан душой, Якоб... принес более вреда, чем пользы»¹.

Судить о том, были ли Фуггеры благочестивыми католиками,— дело второстепенного значения; однако верными представляются слова: «В человеке, который похваляется своим благочестием, не следует искать истинных христианских убеждений»².

Но когда стала усиливаться критика клерикально-феодального мировоззрения, когда народ начал разуверяться в идеях о человеческом счастье в потустороннем мире и о смирении перед господами в мире земном, стал клеймить алчность и корыстолюбие духовенства, лицемерие и ханжество священников, суеверие и религиозные предрассудки и тем самым затронул жизненный нерв средневековой идеологии, ее религиозные догмы, моральный кодекс, посягнул на ее врожденное право провозвестника непогрешимой

¹ Alloys Schulte. Die Fugger in Rom. I. Band, S. 250, 251

² Georg Christoph Lichtenberg. Gedanken. Weimar, 1950, S. 43.

истины — тогда Фуггеры превратились в страшных поборников старой церкви, готовых без колебаний применить силу, чтобы расправиться со всеми иначе мыслящими.

Основой их жизненной философии было господствовавшее тогда феодальное право — церковное и светское. Являясь мощным идеологическим оружием в руках эксплуататорского класса, оно служило средством воспитания масс в духе смирения перед силами природы, кротости, покорности судьбе, божественному провидению. Именно это и требовалось Фуггерам, чтобы властвовать над людьми, закованными в цепи социального и духовного рабства, чтобы, шагая по их согбенным трудом и гнетом спинам, подняться к вершинам сказочного богатства. Для них не существовало иного права, кроме права сильного. Поэтому они так ценили и защищали религию, духовную диктатуру церкви, которая сковывала разум, возводила кулачное право в суд божий, постулатом которой было общественное разделение народа на господ и рабов. Согласно этому мировоззрению, подданный жил на свете лишь для того, чтобы нести барщину, служить, страдать, терпеть, но не более и это было законом.

Им были чужды чувства и чаяния простого человека. Когда поддерживаемый гуманистически настроенными кругами народ сформулировал, основываясь на непредвзятой интерпретации Евангелия, свои собственные «богом данные закон и право» и поднял их выше деспотического кодекса феодальных и эксплуататорских классов, Фуггеры почувствовали, что почва, на которой они стояли, заколебалась, грозя уйти из-под их ног. Охваченный возмущением, Якоб Фуггер дал волю своим чувствам: «И вот новые проповедники учат теперь тому, что люди не должны более повиноваться. Это крестьяне не хотят более повиноваться господам своим»¹.

И так как многие современники объявили борьбу религиозному фанатизму и нетерпимости и подняли голос в защиту свободомыслия и свободы слова, указав путь к освобождению от ставшей невыносимой

¹ Рölnitz. Jakob Fugger, S. 600.

зависимости, от нищеты и угнетения, Фуггеры решительно выступили против них.

Они понимали, что бунт народа против духовенства был связан с социальным брожением, размах которого не поддавался оценке. И чтобы его подавить, следовало прибегнуть к силе, заставить отрекшийся от веры народ вернуться в лоно церкви. Они категорически отвергли Реформацию, заявив о своей нерушимой приверженности к старой религии. И они взяли на себя миссию главного стражи архиреакционной католической церкви и блюстителя ее мировоззрения, служившего феодализму идеологической основой для эксплуатации людей.

Стремление Фуггеров к укреплению союза с Римом совпадало с интересами короны. Император также не мог, несмотря на постоянные распри, отступиться от папской церкви. Если оставить в стороне славословия в адрес Фуггеров по поводу их примерного христианского благочестия и глубокой религиозности, то их альянс с церковью представлял собой не что иное, как средство упрочения власти. Казалось, не было более действенной силы, чем католическая религия, чтобы держать народные массы под властью деспотов. Этот прочный союз между папой, Фуггерами и императором (в него, естественно, входили также преследовавшие одни и те же цели церковные и светские князья, богатое дворянство, аристократическая часть духовенства и городские патриции) превратил страну в темное царство, где люди — творцы всех ценностей на земле, труд которых был основой существования и будущего общества, — были лишены всех благ и радостей.

На находившуюся в резком противоречии с идеологией господства революционную силу, которая рекрутировалась из крестьян и городских плебеев, была обращена вся ненависть Фуггеров. Со свойственным им «господским» высокомерием и «гордостью» эти богатые и могущественные бургеры относились к поднявшимся слоям как к «черни». Представители высших классов общества, они располагали всеми средствами насилия и были готовы, не задумываясь, пустить их в ход.

Свою догму, гласившую, что человек рожден, что-

бы страдать, Фуггеры подкрепляли «страхом виселицы, неизбежной доли несчастных, которые осмелились бы возмутиться против своей нищеты и требовать естественных прав»¹.

Биографы спешат засвидетельствовать, что, пожалуй, никто другой из южногерманских купцов не был способен так объективно оценивать внутреннюю связь, существовавшую между «свободой христианина» и социальными движениями того времени, как это всегда было свойственно Якобу Фуггеру. Тем более преступными были вытекавшие из этой оценки действия Фуггера, «решительно бросившего на чашу весов... свое могущество, когда достижение победы силами, олицетворявшими в его глазах порядок, затянулось»².

Нет, Фуггеры не боялись прослыть жестокими. Их не пугала такая мольва, ибо благодаря ей они вынуждали своих подданных хранить им свою «верность». Для них было надежнее и потому важнее внушать страх, а не любовь. Ибо страх питается боязнью наказания. В их глазах человек стоил меньше, чем грамм золота. И когда люди, превратившись из бессловесных рабов в зрелых граждан, осмелились объявить себя мерилом всего сущего и обратили свои силы на утверждение принципов гуманизма, жизненные устои Фуггеров зашатались.

Насколько же нравственнее цели народа в сравнении с целями великих мира сего! Эти стремятся к угнетению, тот — к свободе.

Так влияние незаурядных представителей купеческого капитала — Фуггеров на ход событий, их идеология и политические взгляды стали в конечном итоге полностью идентичными идеологии и политике сил церковной и светской реакции.

¹ Шарль Фурье. Избранные сочинения, т. II. М.—Л., 1951, с. 167.

² Pölnitz. Jakob Fugger, S. 585,

III. БОРЬБА ЗА ПРОГРЕСС

БУНТ ПРОТИВ «МОНОПОЛИИ» И РОСТОВЩИЧЕСТВА

Бесцеремонность Фуггеров в ведении своих коммерческих дел, их стремление к монопольному положению на рынках порождали не только конкурентную борьбу эпохи раннего капитализма. В борьбе против монополии торговых компаний и их ростовщичества выступали вместе силы, представлявшие самые различные интересы: крестьяне и плебеи, ремесленники и торговцы, мелкие и средние предприниматели, представители интеллигенции, дворянства и духовенства. На сторону протестовавших вставали даже некоторые имперские князья.

Так возникло широкое движение против «монополии» и ростовщичества, которое не ограничивалось рамками тех или иных экономических, политических и идейных воззрений и питалось недовольством против возраставшей концентрации экономической власти в руках крупных торговых компаний. Главной целью этого движения, направленного прежде всего против ведущих южногерманских финансовых группировок, было устранение любых притязаний на монопольное положение, считавшихся грубым нарушением существовавших правовых норм и деловой этики.

Добиваться такого монопольного положения умели прежде всего Фуггеры. Укажем лишь на компанию Фуггеров — Турцо в Венгрии, на роль Фуггеров в тирольском горнорудном деле или на их деятельность на испанских разработках ртути в Альмадене! Сосредоточив в своих руках огромный капитал, они заняли ведущие позиции и взяли за горло менее со-

стоятельных предпринимателей, которые не выдерживали конкуренции. Эти «малые» были вынуждены соглашаться с ценами, которые диктовали им «великие», не считавшиеся ни с какими существовавшими тогда на этот счет ограничениями. Тем самым крупные монопольные компании сдерживали начавшееся становление торговой и мануфактурной буржуазии как нового социального слоя.

В то же время Фуггеры изымали значительную часть аккумулировавшегося в горном деле капитала из сферы производства и передавали ее путем займов Габсбургам и другим феодалам. Этим бесполезным приложением средств, которые шли на содержание роскошного двора и на финансирование военных конфликтов, они блокировали процесс развития раннего капитализма. Так, развернувшееся движение против монополий во многом совпадало с антифеодальными выступлениями.

Однако речь шла не только о монополии. Крупные торговые компании, в сделках которых со временем стали доминировать денежные операции, были повинны в непомерном распространении ростовщичества. В это понятие включались не только ростовщические проценты от займов, но и проценты от торговых сделок. Ростовщиком был каждый, кто поднимал цену выше «справедливой цены»¹.

Если до начала XVI в. за строгим соблюдением этики в торговле следили прежде всего приходские священники, которые были близки к народу, разделяли его надежды и чаяния и которые осуждали ростовщические сделки, то теперь движение протеста охватило широкие круги общественности. Ведь с развитием денежного обращения на свет появился также и кредит, все шире распространялось взимание процентов. Кто брал в долг, тот должен был возвращать больше, к выгодае заемщика. Уже в середине XV в. в южно-германских городах стала распространяться заимствованная из Италии система вексельных кредитов.

¹ Требование «справедливой цены», «*gretium justium*», выше которой, по обыкновению, продажа не допускалась, то есть требование морально допустимого размера торговой прибыли в течение всей эпохи средневековья до начала XVI в., было направлено против стремления к чрезмерной прибыли.

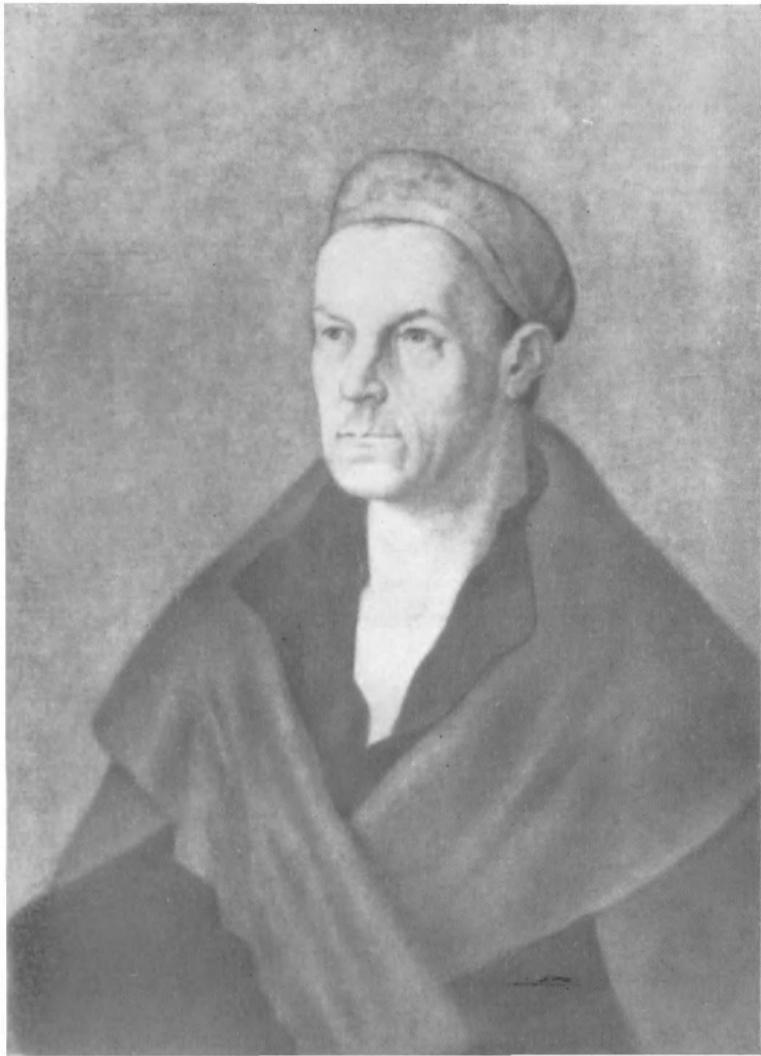
Отказ или неспособность выплатить полученные в долг суммы или оплатить векселя карались лишением гражданских прав и права заниматься торговлей. В XVI в. кредитование под проценты получило широкое распространение, несмотря на резкую критику со стороны церкви и общественного мнения, считавших это безнравственным. Такие сделки способствовали укреплению экономических позиций имущего бюргерства.

Его экономическая сила основывалась, однако, не только на собственном капитале, но и на капиталах, которые он привлекал со всех сторон в качестве вкладов под твердый процент, так называемых депозитов. И если развитие таких операций в XVI в. шло значительно быстрее, чем в эпоху средневековья в целом, то это было связано со все более широким распространением товарно-денежных отношений, значительным улучшением обращения капитала, колоссальным территориальным расширением областей, где купцы собирали разбросанные капиталы, чтобы накапливать деньги.

В 1540 г. векселя, которые кредиторы получали от крупных компаний, в том числе и облигации Фуггеров, были ходовым товаром на бирже Антверпена. Чтобы иметь деньги для финансирования своих крупных сделок в Антверпене, Фуггеры набрали множество вкладов. И если они выплачивали за них около 9% годовых, то сами получали от продажи этих облигаций, которые также назывались «бумагами Фуггеров», прибыль в размере 12—13%.

Как же могли получить столь широкое распространение кредитные сделки, если взимание процентов официально возвращалось одной из церковных догм? Церковь осуждала ростовщичество как дурное, противозаконное дело, считала взимание процентов проявлением жадности и алчности.

Этот запрет, установленный во времена натурального хозяйства, когда денежный капитал и его использование для денежных ссуд под проценты играли незначительную роль, вступил в противоречие с практикой, когда церковные и светские владыки уже не хотели обходиться без инструментария денежного обращения. Они обходили неоднократно подтверждав-

Якоб Фуггер Богатый, 1459—
1525 гг. Портрет работы Аль-
брехта Дюрера

Антон Фуггер, 1493—1560 гг.
Рисунок Альбрехта Дюрера

Золото Фуггера... Золотые монеты Ватикана, отчеканенные на монетном дворе Фуггеров в Риме

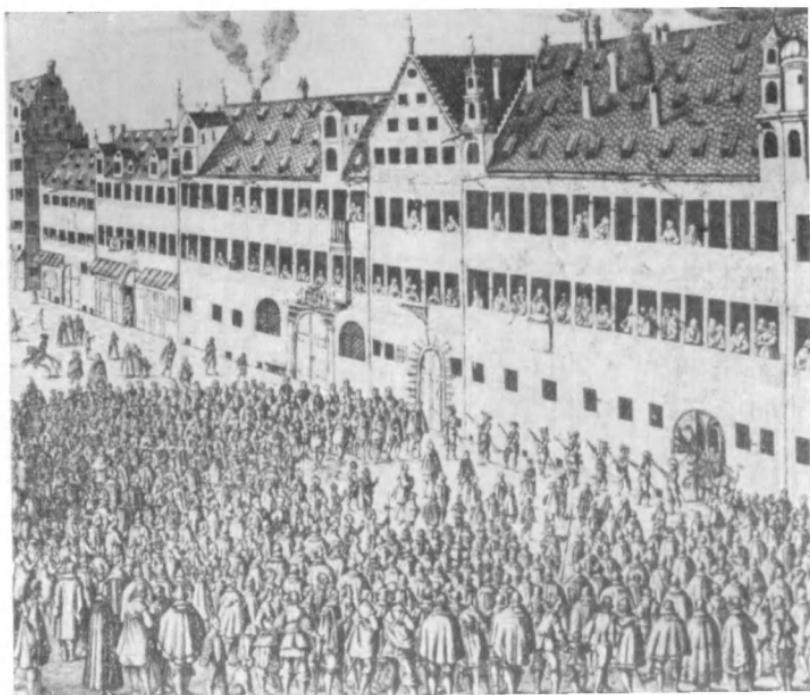
(вверху: Лев X из дома Медичи, папа с 1513 до 1521 г.; внизу: Юлий II из дворянского рода Ровере, папа с 1503 до 1513 г.)

Медаль с изображением Якоба Фуггера, 1518 г.

Оборотная сторона медали

Дом Фуггеров у Винного рынка в Аугсбурге, ок. 1600 г.

Множество орденов — за какие заслуги? Генерал-майор князь Карл Людвиг Мария Фуггер фон Бабенхаузен, 1829—1906 гг.

Таким представлял себе народ Томаса Мюнцера. Гравюра на дереве неизвестного мастера, появившаяся в 1527 г., два года спустя после Крестьянской войны. «Этот пророк похож на Мюнцера», — говорил тогда народ.

Крестьянский отряд в бою с ландскнехтами. Рисунок пером
Альбрехта Дюрера, 1514/15 гг. (вверху)

Знамя «Башмака» Гравюра на дереве, 1514 г (внизу)

Крестьянская армия в походе. Из «Швейцарской хроники»
Иоганна Штумпфа

Листовка против торговли индульгенциями Справа — группа проповедников отпущения грехов, в центре чеканщик монеты, слева — уплата денег за индульгенции Гравюра на дереве Иорга Брейля Старшего

шееся церковными соборами каноническое право¹ — либо путем получения документальных подтверждений выдачи ими крупных сумм как обычных, беспроцентных ссуд, либо получая проценты в виде подарков, вознаграждения за услуги и благодарности за какое-либо содействие. Даже гроссмейстеры «истинно христианского» Тевтонского рыцарского ордена не были исключением; предоставляя займы за счет казны ордена, они требовали от должников ежегодной выплаты процентов. Папская курия выплачивала своим заимодавцам во Флоренции надбавки или помещала в их банки крупные суммы в качестве депозитов, чтобы получать прибыль в виде процентов. Так же действовала и имперская казна, которой требовалась поддержка денежных банкиров, чтобы содержать расточительный двор, оплачивать военные расходы и государственный аппарат. Разумеется, эти займы предоставлялись не для того, чтобы демонстрировать бескорыстие.

Это расхождение между словом и делом не было секретом для широких слоев, на плечи которых перекладывались все тяготы. Проценты на капиталы господ выплачивались за счет народа, который и без того был обременен долгами. Поэтому мелкие товаропроизводители требовали возвращения к подлинно христианскому идеалу беспроцентных ссуд и изобличали денежные спекуляции как коренное зло, воровство и обман. Спасение от бремени забот и выход из нужды широкие слои видели в восстановлении натурального хозяйства. Они чувствовали, что на смену старому общественному строю приходят новые, еще

¹ Каноническое право — правила и предписания высших инстанций католической церкви, официально объявленные обязательными. Эти предписания сведены в «*Sorpus iuris canonici*». В него включены различные самостоятельные тексты, в том числе учебник церковного права (1150 г.). Установления Венского собора (1311 г.) и некоторые папские буллы более позднего времени. Венский собор прежде всего возвел запрет на взимание процентов в абсолютную догму католической церкви. Любые поборы в виде процентов должны были с тех пор рассматриваться как воровство, разбой или убийство, подвергаться как ересь осуждению и церковному проклятию. И что же: с какой беззастенчивостью Фуггеры, сам папа и им подобные нарушали этот запрет!

более грабительские порядки. Их врагом были деньги, ростовщичество; поэтому имя Фуггеров вызывало у всех ненависть.

Этим был обусловлен и тот широкий отклик, который нашли в народе взгляды Мартина Лютера (1483—1546 гг.), ратовавшего за натуральное хозяйство и призывающего к восстановлению «естественных» порядков и «человеческих» отношений. В теоретическом и моральном обосновании своей борьбы против любого взимания процентов он ссылался на Библию и даже на авторитетное мнение дохристианских «язычников» — это дало Карлу Марксу повод отметить, что в отношении Лютера к ростовщичеству «еще жив католически-языческий взгляд на ростовщичество»¹.

Стремясь устранить все помехи своим финансовым операциям и оградить себя от любых этико-богословских обвинений, Фуггеры, как и представители других ведущих торговых домов Аугсбурга, прибегнули к услугам церковных сил, чтобы добиться легализации ссуды и ссудного процента. В 1514 и 1515 гг. они финансировали ингольштедского профессора теологии и в дальнейшем противника Лютера Иоганна Экка, который публично выступил в защиту взимания 5% за ссуды и за свободу ссудной деятельности. Экк должен был теоретически обосновать то, что постепенно входило в повседневную практику, все более подрывая доктрину натурального хозяйства эпохи феодализма. С благословленного соизволения папы и благодаря солидной материальной поддержке Фуггеров Иоганн Экк в 1515 г. сумел доказать в университете Болоньи, имевшем в то время мировое значение, допустимость практиковавшейся крупными компаниями выплаты 5% за вклады в их банки.

Однако диспуты ученых не могли остановить направленное против монополий и ростовщичества народное движение. В Аугсбурге, являвшемся одним из крупнейших центров предпринимательства эпохи раннего капитализма, главными зачинщиками смуты были цеховые ремесленники. Они выступали против

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. III, с. 561.

крупных компаний города и требовали экономического и социального уравнивания. Ибо дифференциация в городах все более усиливалась, пропасть между богатством и бедностью была ужасающей. К тому же в течение XV в. быстро росла численность плебейских слоев (прислуга, поденщики, посыльные, носильщики и другие), живших в нищенских условиях и не имевших какой-либо защиты в лице цехов или каких-либо иных организаций. В таком же бедственном положении постепенно оказались многие подмастерья, особенно когда в результате ограничения численности цехов им был закрыт путь к получению звания мастера. Для защиты своих интересов подмастерья объединялись на кооперативной основе в союзы, игравшие значительную роль в рядах оппозиции. Добиваясь улучшения условий труда и жизни, эти объединенные ремесленники прибегали к новым формам борьбы — к бойкоту и коллективному прекращению работы, на что мастера отвечали увольнениями.

К этому времени относятся первые самостоятельные выступления гонимых нуждой плебейских слоев против городского совета и имущего бургераства. Среди народных масс началось брожение. В Аугсбурге, городе южногерманских негоциантов, в 1520 г. насчитывалось 3000 «неимущих», то есть совершенно обнищавших жителей. Также и средним слоем жилось все хуже, в то время как число владельцев крупных состояний увеличилось в несколько раз. Это не могло вызывать волнений и бунтов.

В монопольных соглашениях крупных торговых компаний о ценах на товары массы видели одну из главных причин продолжавшегося уже в течение десятилетий и прогрессировавшего роста цен, который особенно ощутимо сказывался на положении городских средних слоев. Ткачи получали за свои товары все меньшую выручку, будучи в то же время вынужденными платить высокие цены за товары первой необходимости. Особенно росли цены на основные продукты питания, ремесленные изделия и сырье для их изготовления.

Крестьяне в свою очередь страдали от спекулятивной скупки оптовыми купцами сельскохозяйственной продукции, так называемых «закупок» («Füg-

kauf»)¹. До уборки урожая торговые компании в качестве платы за предоставленные ими ссуды прибирали к своим рукам все, что стояло на корню в полях и виноградниках, и продавали все это после сбора урожая с прибылью, во много раз превышавшей суммы, полученные от них взаймы оказавшимися в нужде крестьянами. Одни разорялись, другие богатели.

Народ обвинял воротил торговли в том, что они награбили огромные богатства за счет бедняков, которым за скот, зерно, за все необходимые продовольственные товары приходилось платить большую наценку. Простые люди шли в своих обвинениях еще дальше: хотя, говорили они, крупные торговые компании в течение всего лишь нескольких лет терпели немалые убытки в результате кораблекрушений и иных бедствий, тем не менее они и их служащие наживали золото и деньги. И поскольку они получили «не так уж много в наследство» от своих отцов, это богатство могло быть нажито лишь за счет народа, путем «ограбления и ростовщичества», при помощи взвинчивания цен.

Спекуляции, которыми занимались крупные оптовые торговцы, подвергались критике еще в 1439 г. в «Реформации Сигизмунда». Речь идет о проекте реформы неизвестного автора; этот проект, приписывавшийся ради придания ему авторитета императору Сигизмунду (1368—1437 гг.) и отражавший прежде всего интересы среднего сословия, требовал запрета дворянам и бургграфству участвовать в учреждении коммерческих компаний.

В 1505 г. городской совет Кёльна принял ограничительные меры в отношении южногерманских торговых компаний, экономическая экспансия которых стала угрожать существованию местных торговцев и ремесленников. В 1514 г. сословные представители Вюртемберга потребовали от герцога принятия мер

¹ «Закупки» распространялись также и на ремесленные товары. Некоторые аугсбургские торговые компании, в том числе и Фуггеры, скупали у ремесленников большие партии различных товаров, оставляя других купцов с пустыми руками. Обеспечив себе таким образом монополию сбыта, они по своему усмотрению устанавливали продажные цены.

против усилевавшегося «засилия Фуггеров», а в 1518 г., например, комиссия тирольского ландтага в Инсбруке приняла решение о применении жестких экономических мер против деятельности чужих компаний, подчинивших себе торговлю важнейшими сельскохозяйственными продуктами, металлами и другими товарами.

Начиная с 1511 г. не прекращались конфликты между Фуггерами и ганзейскими городами, пытавшимися оказывать сопротивление их проникновению в район Балтийского моря. Ганзейский город Любек обратился в имперское правительство с жалобой на Фуггера, обвинив его в том, что он заключил с королем Дании соглашение об установлении совместного контроля над некоторыми торговыми путями и тем самым над товарами. По этому соглашению товары, поступавшие из России в ганзейские города, впредь должны были сначала направляться в Данию, а оттуда в те места, где Фуггеру было угодно продавать их. Это обстоятельство, жаловались любекские купцы, наносит ущерб германскому хозяйству. И тем не менее им не удалось добиться возбуждения процесса против Фуггеров, ибо рейхстаг счел опасным вмешиваться в столь далеко идущие дела, боясь, что это могло бы привести к осложнениям международного характера.

В результате превращения средневековых армий, в которых главную роль играло рыцарство, в наемные войска, рыцари обеднели; те из них, кто не перешел на службу к какому-нибудь владетельному князю в качестве придворного или чиновника, пропавлялись обычным грабежом и разбоем на дорогах.

Рост дорожной платы, в чем были повинны также и монополии, сделал рыцарей их злейшими врагами. В своей жалобе имперскому правительству в 1522 г. они писали: купцы «при помощи своих плутней обирают германскую нацию и в течение одного лишь года наносят ей, несомненно, больший ущерб, чем все другие разбойники с большой дороги в течение десяти лет»¹. Купцы обвинялись далее в том, что они

¹ Fritz Blaich. Die Reichsmonopolgesetzgebung im Zeitalter Karls V. Stuttgart, 1967, S. 12. — «Schriften zum Vergleich von Wirtschaftsordnungen», Heft 8.

«по произволу своему устанавливали продажные цены не только на пряности и другие приправы, но на все другие товары, которые они ловко сбывали через две-три торговые компании»¹.

Тогда же народный проповедник Гейлер фон Кайзерсберг (1445—1510 гг.) в Страсбурге изобличал купцов, которые, как он говорил, подчиняют все своей монополии, из алчности и жадности взвинчивают цены и питаются соленым потом бедняков.

В 1524 г. Мартин Лютер в своей книге «О купеческой торговле и ростовщичестве» писал: «Ибо лишь невежда не видит, что торговые компании есть не что иное, как настоящие суетные монополии... Ведь они захватили в свои руки все товары и делают с ними все, что хотят.. и губят всех мелких торговцев подобно щуке, истребляющей малых рыб, будто они являются владыками всех тварей божьих, и не признают никаких законов веры и любви»². А в его сочинении «К христианскому дворянству немецкой нации и об улучшении христианского состояния» (1520 г.) говорится: «Но величайшей бедой немецкой нации является, несомненно, взимание процентов... Фуггерам и им подобным поистине нужно вложить в пасть удила»³.

На стороне противников монополий выступали крупные гуманисты и теоретики-экономисты. Так, автор трудов по вопросам торговой этики проф. Конрад Зумменхарт из Тюбингена опубликовал в 1500 г. вызвавшую большой интерес работу о допустимых и недопустимых договорах, в которой он разбирал различные формы монополий и указывал на их неразумность и противозаконность. Несколько годами позднее, в 1508 г., лейпцигский юрист Кристоф Кюппенер призывал князей и правителей, города и рынки и даже села не вступать ни в какие сделки с монопо-

¹ Ebenda, S. 26

² Hütten—Müntzer—Luther. Werke in zwei Bänden. Zweiter Band. Luther. Berlin und Weimar, 1970, S. 206.

³ Hütten—Müntzer—Luther. Werke in zwei Bänden. Zweiter Band: Luther. Berlin und Weimar, 1970, S. 95, 96. Это не помешало тому же Лютеру обратиться в начале Крестьянской войны к князьям и прочей реакции с призывом расправиться с крестьянами.

листами и требовал наказания всех монополистов. Виллибалд Пиркхаймер из Нюрнберга, послуживший своему городу в качестве посланника и члена городского совета и принадлежавший к числу приверженцев идей гуманизма, Иоханнес Эколампад (1482—1531 гг.), швейцарский реформатор, известный своей деятельностью в Базеле и входивший в узкий круг единомышленников Хульдриха Цвингли (1484—1531 гг.)¹, выступали против деятельности монополий.

В кульмиационном пункте развития ранней буржуазной революции, в ходе Великой крестьянской войны в Германии в программах крестьян содержались требования устранения не только феодальной, но и капиталистической эксплуатации, особенно со стороны крупных торговых компаний.

В Гейльброннском плане имперской реформы, посланном Фридрихом Вейгандтом в мае 1525 г. крестьянскому вождю во Франконии Венделю Гиплеру, выдвигалось требование: «В-двенадцатых, следует упразднить компании Фуггеров, Гохштеттеров, Вельзеров и им подобных. Ибо в них лежит причина зла, которое причиняется бедным и богатым производом купцов, требующих повышенные цены за свои товары»².

В «Меранских статьях», где в 1525 г. были сведены воедино требования прежде всего тирольских крестьян, говорилось: «И поскольку возникло столь много крупных компаний, у которых приходится покупать все, что надобно человеку, от чего простые люди большие убытки несут, мы требуем также, чтобы такие компании, малые и большие, упразднены были и чтобы все товары купеческие снова дешево покупать можно было. Особенно нужно запретить Фуггерам, Гохштеттерам, Вельзерам и всем компаниям скупить

¹ Швейцарский реформатор Цвингли начал свою реформаторскую деятельность независимо от Лютера и осуществил после 1523 г. ряд церковно-политических преобразований. Явившиеся результатом его деятельности экономические и социальные изменения отвечали экономическим и политическим интересам и потребностям поднимавшейся буржуазии.

² Lohenz Fries. Die Geschichte des Bauern-Krieges in Ostfranken. Erster Band, Würzburg, 1883, S. 440.

в земле [в Тироле. — *A. H.*] серебро, а людей этих и их компаний следует устранить»¹.

Крестьянский вождь Михаэль Гейсмайер (ок. 1490—1532 гг.) в своем «Тирольском земском устройстве», составленном в апреле 1526 г., идет еще дальше: «О рудниках: прежде всего надобно отобрать все плавильни и все горные разработки, серебряные и медные, со всем, что к ним относится в этой земле, принадлежащие знати, иноземным купцам и компаниям — Фуггерам, Гохштеттерам, Паумгартнерам... и передать в пользу всей земли [Тироля. — *Перев.*]. Ибо эти компании вполне заслужили этого, так как своих прав они добивались подлым ростовщичеством, добывая деньги ценой крови человеческой... Кроме того, получив в свои руки все товары, они поднимали на них цены и, отягощая весь мир своим безбожным ростовщичеством, стяжали княжеские богатства, что должно быть по справедливости наказано и пресечено на будущее»².

В первой четверти XVI в. имя Фуггеров стало по всей Европе синонимом ростовщической эксплуатации. По-испански это имя звучало как Фукар, по-французски — Фукор, по фламандски — Фоккер, во многих странах Европы слово «Фуггер» — употреблялось ли оно как имя существительное или как глагол — стало воплощением эксплуатации народа, обмана и ростовщичества.

Господствовавшие до зарождения экономических форм раннего капитализма представления об идеале экономики сводились к тому, что накопление денег не являлось главной целью жизни, что конкурентная борьба не должна приобретать слишком острые формы, что нельзя разорять малоимущих и что горожане должны добывать хлеб свой собственным трудом. Это была экономическая доктрина, согласно которой

¹ «Acta Tirolensis. Urkundliche Quellen zur Geschichte Tirols». Dritter Band: Quellen zur Geschichte des Bauernkriegs in Deutschtirol 1525, I. Teil: Quellen zur Vorgeschichte des Bauernkrieges: Beschwerdeartikel aus den Jahren 1519 bis 1525 Hrsg. von Hermann Wopfner. Innsbruck, 1908, S. 41.

² Franz Bernhard von Bucholtz. Geschichte der Regierung Ferdinand des Ersten. Bd. IX: Urkunden, Graz, 1968, S. 654 (Photomechanischer Nachdruck). См. также: М. М. Смирин. К истории раннего капитализма в германских землях, с. 388.

члены общества должны были довольствоваться скромным достатком. Разумеется, действительность часто, или даже как правило, выглядела совсем иначе, опровергая представления идеалистов.

Но с возникновением раннекапиталистических отношений те, кто имел выгоду от новых порядков, прокламировали взгляды, служившие идеологическим обоснованием разбойничих методов наживы. Это вызывало острые споры между поборниками ростовщичества и эксплуатации народа и их духовными противниками, часть которых мечтала о возвращении «доброго старого времени», а другие в своих программах организации общества будущего шли уже дальше капитализма.

Как же далеки стали людям начала XVI в. господствовавшие в течение двух с половиной столетий химеры и надежды на «императора-избавителя», который в тайном убежище где-то в горах или где-либо еще ждет своего часа, когда он явится перед народом и освободит его от врагов и страданий! Теперь врагов стали называть врагами, стали требовать ограничения их экономической власти, взвывать к народу и к его силе. В требованиях крестьян и первых рабочих зазвучало новое самосознание, основанное на силе их собственных рук, а не на ожидании княжеских милостей.

Растущее недовольство широких слоев общественности монополистическими устремлениями крупных купеческих компаний побудило также и имперские сословия¹ рассмотреть эту проблему. На рейхстаге в Трире и Кёльне в 1512 г. большинство сословных фракций было на стороне противников монополий². Они пришли к согласию о необходимости строгого запрета монопольной деятельности и вынесли решение, согласно которому купцам и торговым компаниям

¹ В имперских сословиях были объединены представители различных групп господствовавшего класса: курфюрсты, князья и патрицианская верхушка имперских городов.

² После рейхстага в Трире и Кёльне, положившего начало имперскому antimонопольному законодательству, аренами дискуссий о политике в отношении экономического засилья торговых компаний стали также рейхстаги в Вормсе (1521 г.), Нюрнберге (1522—1524 гг.), Шпайере (1526 и 1529 гг.).

под угрозой тяжелейших наказаний в случае не-повиновения запрещалось ведение любых «закупок», вызывавших взвинчивание цен. Однако практически этот закон не вступил в силу, ибо отвечавшие за его выполнение власти побоялись выступить против крупных торговых компаний. Когда всеобщее возмущение усилилось еще более, Нюрнбергский рейхстаг поручил имперскому фискалу доктору Каспару Марту возбудить судебное дело против аугсбургских купцов Якоба Фуггера, Барталомео Вельзера, Амброзио Гохштеттера, Андреаса Грандера, Кристофа Герварта и Андреаса Рема, а также против участников их компаний.

Однако оказалось, что Фуггер обладал большей силой, чем все имперские власти. Якоб Фуггер обратился к герцогу Георгу Саксонскому, с которым он поддерживал тесные деловые связи, а также к эрцгерцогу Фердинанду. Особенно действенным ему представлялось обращение за поддержкой к императору Карлу V, и он не ошибся.

15 сентября 1523 г. император направил из Бургоса в Кастилию составленное в энергичных выражениях письмо имперскому фискалу, приказав ему немедленно прекратить судебное дело против аугсбургских купцов¹. Одновременно он потребовал от своего брата, эрцгерцога Фердинанда, закрыть процесс фискала против аугсбургских купцов. А если процесс уже состоялся и обвиняемым купцам «вынесен приговор и в отношении их что-то предпринято», то Фердинанд должен «немедленно, до получения нового приказа все отменить, объявить недействительным и предать забвению»². Карл V находился в слишком большой финансовой зависимости от южно-германских финансистов, чтобы позволить себе санкционировать запрет на их «монополии».

Подавляющая часть городов расценила эти меры как одностороннее покровительство крупным аугсбургским компаниям. На съезде представителей городов в Шпайере в июле 1524 г. дело дошло до открытого конфликта, когда собравшиеся там уполномочен-

¹ Jakob Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen S. 370—371.

² Ebenda, S. 74.

ные городов втайне, то есть в отсутствие представителей Аугсбурга, приняли решение всеми силами продолжить на очередном рейхстаге борьбу за запрет «монополий», а до этого не допускать в своих городах их деятельности. Аугсбург как покровитель крупных монополистов оказался в широкой изоляции.

Теперь следовало быстро действовать. Конрад Пойтингер¹, представлявший интересы крупных торговых компаний, составил от имени совета Аугсбурга памятную записку, в которой он свел воедино все выдвигавшиеся дотоле аргументы и заключения в пользу «монополий» и крупных компаний. Этот меморандум с приложенной к нему петицией предназначался для посольства, направленного в 1524—1525 гг. из Аугсбурга к императору в Испанию. Собственно говоря, тон в отводе обвинений задавал Якоб Фуггер; от него исходили также указания, как следовало вести себя состоявшему из пяти делегатов посольству к императору.

Пока представители Аугсбурга везли свою петицию «Его римскому Величеству», Фуггер прибегнул к новой уловке. Он направил императору Карлу V личное письмо, в котором, упомянув вначале о своих личных заслугах, предложил действенную помощь в создании испанского морского флота, к чему тогда стремился Карл V. И в самом деле император был весьма предупредителен к посланникам. Что касалось «монополий» и торговых компаний, то он обещал пресечь и приостановить все, что «не соответствовало правилам». У него нет намерения, говорил он, причинить какой-либо вред честной торговле. Он при-

¹ Конрад Пойтингер занимал в Аугсбурге один из важнейших постов — секретаря городского совета, который был закреплен за ним пожизненно. Он принадлежал к сословию патрициев, был выходцем из купеческой семьи, получил юридическое образование и служил своему городу в качестве политического советника. При его содействии южногерманским городам удавалось в течение более трех десятилетий использовать в своих интересах внутри- и внешнеполитическую конъюнктуру в «Священной Римской империи». Главной предпосылкой для его политического маневрирования было его неизменное стремление к укреплению финансовых связей между крупными торговыми домами и императорами Максимилианом I и Карлом V. Это полностью окупилось также и в споре о «монополиях».

казал немедленно прекратить судебный процесс, начатый против аугсбургских компаний, и конфисковать все относящиеся к нему документы.

10 марта 1525 г. император Карл V утвердил в Мадриде подготовленный аугсбургскими торговыми компаниями закон, которым он, формально подтвердив принцип свободы торговли, давал прямое разрешение на создание экономических корпораций, то есть монопольных образований по купле-продаже почти всех видов товаров. Неделю спустя монарх в подписанной им специальной охранной привилегии предоставил южногерманскому купцу Фуггеру преимущественное право торговли серебросодержащей, медной и ртутной рудой на любых условиях, а также создания торговой корпорации, разрешил устанавливать наивысшие цены и продавать свои товары за пределами империи. В его, императора, глазах, указывалось в привилегии, это не выглядит как монополия или как нечто незаконное; поэтому он отменяет все противоречащие этому распоряжения.

Эдиктом от 13 мая 1525 г., который по своему содержанию, а частично даже дословно совпадал с одним из писем Фуггера, Карл V превратил эти условия скупки руды и торговли металлами в общее правило, благодаря чему также и другие крупные компании были ограждены от преследований¹.

Теперь Фуггер располагал всем необходимым, чтобы, опираясь на юридические документы, устоять перед фиском, перед властями и перед рейхстагом — полным прощением своих прежних махинаций и надежной охранной грамотой на будущее. Процесс монополизации в горном деле мог продолжаться и далее.

В 1526 г., вскоре после смерти Якоба Фуггера, его наследники получили от Карла V зафиксированную в датированной 19 октября 1526 г. грамоте из Гранады гарантию, что никто не посмеет угрожать им или преследовать их судом за монопольную деятельность в прошлом или в будущем².

¹ Jakob Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, S. 375—381.

² Ebenda, S. 371—375.

Император Карл однажды назвал рудники величайшим даром и пользой германских земель. Этот «величайший дар» он передал в руки южногерманских монополистов с тем, чтобы благодаря Фуггерам росла сила Габсбургов, а Фуггеры благодаря Габсбургам становились богаче.

Императорские указы были также адресованы и Мартину Лютеру. В своем сочинении «О купеческой торговле и ростовщичестве» Лютер требовал: «Не следует говорить: «Я продаю свой товар столь дорого, как я могу или хочу», а так: «Я могу отдать свой товар по столь дорогой цене, как я должен или как это правомерно и справедливо»¹. Император придерживался иного мнения — мнения Фуггера: требование «справедливой цены» в соответствии со старым принципом *«pretium justum»* не принимается более во внимание. Горнозаводчикам, в монопольном владении которых находилась добываемая руда, безоговорочно предоставляется право продавать руду и металлы по самой высокой цене, которую они только могут получить,— «по наивысшей и наилучшей цене, которую они объявят по своему усмотрению»². Так дословно говорилось в указе императора.

Ввиду враждебного отношения к монополиям большинства сословий и все более ширившегося движения крестьян имперское правительство не решилось обнародовать этот указ.

Следует отметить, что движение против монополий и ростовщичества, развернувшееся в период начавшегося перехода от феодализма к капиталистическому общественному строю, было направлено против уродливых форм развития раннего капитализма. Это движение выражало чаяния народа, добивавшегося справедливости и обратившего свой гнев и ненависть против верхушки общества. В ходе этой борьбы со всей очевидностью проявилась зловещая роль союза между аугсбургскими финансистами и великодержавной монархией испанских Габсбургов. Сословной оппозиции было не под силу разрушить

¹ Hütten — Müntzter — Luther. Werke in zwei Bänden, Zweiter Band, S. 185.

² Jakob Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, S. 379.

этот союз. Совместные действия имперских сословий и народных масс оказались невозможными ввиду существовавших между ними классовых противоречий. Попытка решить этот вопрос революционными средствами на волне ранней буржуазной революции — в ходе Крестьянской войны в Германии — не удалась, что в немалой степени было обусловлено нерешительностью немецкого бюргерства, хотя требование устранения крупных торговых компаний, их монополии и порожденного ими ростовщичества полностью отвечало его интересам.

В результате поражения крестьян и плебеев в Крестьянской войне движение против «монополий» утратило свою естественную массовую основу, имевшую также важное политическое значение. Избежав угрозы народной революции, Фуггеры могли теперь делать все что угодно.

Народная борьба против такого рода монополий так же стара, как и их первые формы. В эпоху раннего капитализма Фуггеры принадлежали к числу тех, кто с помощью своих крупных капиталов захватывал господствующие экономические позиции, приобретая вместе с этим также и соответствующее политическое влияние. Выступая самостоятельно или объединяясь с другими влиятельными патрициями, они осуществляли монополию на производство, сбыт определенных товаров, диктовали цены на руду, серебро и т. п. и даже господствовали в целых отраслях экономики.

Разумеется, первоначальные монополистические образования XVI в. нельзя приравнивать к современным империалистическим монополиям. В то время Фуггеры осуществляли враждебную народу политику через отдельные предприятия, которые носили характер монополий, но не были типичны для экономики. Современные монополии, взламывающие границы государств, отражают характер империализма как последней стадии капитализма. Укажем на такие межнациональные концерны, как «Дженерал моторс», штаб-квартира которого находится в США и который имеет свои филиалы во многих странах мира, как полдюжины крупнейших американских и английских нефтяных трестов, от которых нередко зависит снабжение

топливом и энергией целых государств. Их деятельность на территории чужих стран, основой которой является погоня за максимальными прибылями, ведет ко все большему обострению противоречий между этими супермонополиями и всеми слоями широких народных масс.

Фуггеры взломали границы многих государств XVI в., учредив во многих странах Европы свои филиалы, прежде всего с целью эксплуатации сырьевых ресурсов, выступив в эпоху раннего капитализма предшественниками международных трестов XX в.

Начавшаяся на заре нового времени, когда еще не существовал рабочий класс, безуспешная в тех условиях борьба народа против монополий продолжается ныне на гораздо более высоком уровне. В наши дни организованный рабочий класс в странах империализма и во многих молодых национальных государствах, окрыленный победой социализма в ряде государств, выступает в первых рядах борцов против монополистических капиталистических концернов и межнациональных трестов. Он является гарантом того, что также и в странах, где все еще господствует капитализм, власть монополий будет сломлена и навсегда будет покончено с эксплуатацией, что в конечном счете во всем мире утвердится власть народа.

Как и великие крестьянские войны, охватившие обширные районы Европы, борьба против монополий эпохи раннего капитализма относится к историческим традициям, которые мы храним и используем в борьбе за светлое будущее человечества.

РЕФОРМАЦИЯ И ЕЕ ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ ИЗ АУГСБУРГА

Нараставшие в глубинах народа, постоянно усиливавшиеся с XV в. возмущение и гнев были направлены не только против невыносимых социальных порядков и против тех, кто их насаждал и, подобно Фуггерам, использовал в своих корыстных интересах, но и прежде всего против католической церкви, явившейся духовной и материальной опорой этих изживших себя порядков. Все это привело с возникновением в 1517 г. движения Реформации к взрыву,

потрясшему католицизм, и к революционному выступлению народа в 1525 г.

Движение Реформации как начало ранней буржуазной революции в Европе явилось толчком к всеобщему выступлению против феодальной системы. Для того чтобы народ смог сбросить тяжелый гнет, чтобы покончить с экономической и политической раздробленностью страны, надо было упразднить господство сотен церковных и светских князей в германских землях империи, положить конец влиянию Ватикана. Борьба против феодальной системы началась наступлением на римскую католическую церковь. Как идейный, моральный и политический оплот феодализма, как самый крупный землевладелец этой эпохи, церковь и ее всесилие оказались под огнем критики всех классов и слоев в областях распространения немецкого языка.

Чем больше централизованные монархии Западной Европы освобождались от цепкой хватки римской курии, тем вожделеннее становились для нее германские территории как главный объект эксплуатации. Поэтому многообразные в силу классовых различий проявления оппозиционных настроений широких слоев все более сливались в единое русло движения сопротивления папской церкви. Призывом к религиозной Реформации Лютер дал сигнал к борьбе против Рима, которая должна была «вовлечь все сословия в водоворот событий и потрясти все здание империи»¹.

Опубликованные в 1510 г. «Жалобы германской нации» («*Gravamina der deutschen Nation*») заклеймили дела римской курии. Этот документ и сочинение гуманиста Якоба Вимфелинга (1450—1528 гг.) об образе действий духовенства отразили широкое возмущение представителями Рима, которые путем вымогательств получали церковные должности, растрачивали доходы от своих бенефиций, грабили церкви и вырывали у бедняков последний кусок хлеба. «Они занимаются интригами... за счет народа германского... с наглостью, которая не знает предела, они присваи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 7, с. 392.

вают все подряд. Они... набивают свои кошельки»¹, — так писал Вимфелинг.

Ульрих фон Гуттен сознательно ставит свои полу-чившие широкую известность литературно-сатириче-ские диалоги на службу борцам против клерикализма. В 1517 г. он публикует труд итальянского гума-ниста Лоренцо Валла (1406—1457 гг.) о «даре Кон-стантина»² и таким образом открыто выступает против папства. Вслед за этим в 1520 г. он публикует «Книжечку разговоров», в которую вошли пять диа-логов и среди них — диалог «Вадискус, или Римская троица». В них он публично разоблачает антихристи-анский характер папской власти и продажность рим-ского двора, которые «позволяют Фуггерам вести са-мую настоящую торговлю церковными должностями»³.

Весной 1521 г. Ульрих фон Гуттен завершает ра-боту над диалогом «Разбойники», в котором он би-чтует Фуггеров.

«Денег у них предостаточно... они покупают у папы по дешевке — чтобы потом перепродать втри-дорога — не только бенефиции в розницу, но и дары папские оптом. Найдутся у них и буллы, можно ку-пить и освобождение от повинностей в пользу церк-ви.. И если бы им не оказывалось такого доверия, то за иным делом к ним и обращаться бы не стоило, да и сама курия подчас оставалась бы без дела, не будь Фуггеров... у них большие заслуги перед Римской церковью, которая никогда еще не принимала лучше-го для себя решения, чем допустив к духовным де-лам этих мирян»⁴.

¹ В г и о Г е б х а р д т. Die gravamina der deutschen Nation gegen den römischen Hof. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der Reformation, Inagural-Dissertation, Breslau, 1884, S. 70.

² «Даром Константина» считался изготавленный в папской канцелярии акт о якобы имевшем место даре восточноримского императора Константина (280—337 гг.) папе; этот акт должен был служить обоснованием папских прав на области, принадле-жившие византийскому императору. В 1440 г. Лоренцо Валла в одном из своих трактатов доказал, что «дар Константина» был фальсификацией, и использовал этот факт в своей острой критике притязаний папы на светскую власть.

³ У л р и ч в о н Г у т т е н. Vadiscus oder die Römische Dreifal-tigkeit; У л р и ч в о н Г у т т е н. Deutsche Schriften. Bd. I, S. 86.

⁴ Д а в и д Ф р и е д р и ч С т р а у с с, У л р и ч в о н Г у т т е н. Dritter Teil, S. 380—381, 365.

За крамольные сочинения Гуттена папа отлучает его от церкви. Тем самым он объявлен вне закона — за то, что его перо, подобно острому мечу, разит папский разбой и Фуггеров.

С большой выразительностью бичует пороки общества в своих великих творениях Альбрехт Дюрер, выступивший против погрязшей в мирской суете церкви (гравюры на меди «Меланхолия I» и «Иероним в келье»). Он принадлежит к сторонникам Лютера и видит в Реформации движение за изменение социальных порядков. Преисполненный негодования, он бросает папской церкви резкие обвинения в измене христианству. В своем «Дневнике путешествия в Нидерланды» он пишет, «что у нас грабят плоды нашей крови и пота, так постыдно пожираемые бездельниками, и жаждущие больные люди должны из-за этого погибать голодной смертью.. Посмотри, что творит неправедная тирания мирского насилия и сил тьмы!»¹.

Тезисы Мартина Лютера, его критические выступления против торговли индульгенциями, изобличение грабительства церкви и других ее пороков бьют по самым уязвимым местам папской курии. Фуггеры понимают, что эти острые стрелы направлены также и против них. Ведь торговлю индульгенциями вел не только Рим — этим мошенничеством занимались также и Фуггеры. Когда папа Лев X в связи со строительством собора св. Петра объявляет, как самой собой разумеющееся, о новом отпущении грехов (в подобных методах клир видел, как ему казалось, неиссякаемый источник доходов), за которое он рассчитывает получить сумму в 50 000 дукатов, Фуггерам поручается реализация этого предприятия.

В 1517 г. Мартин Лютер рассыпает свои Виттенбергские тезисы во все страны и получает широкую поддержку. В развернувшихся спорах принимают участие итальянские, французские и нидерландские ученые, выступившие с полемическими богословскими трактатами. Во многих странах Европы уже в течение полутора веков раздавались призывы к реформации римско-католической церкви. Теперь Реформация

¹ А. Дюрер. Дневники, письма, трактаты, т. I. «Искусство», М. — Л., 1957, с. 150—152.

становится делом также и противоборствующих, классово неоднородных и сосредоточенных в различных местах оппозиционных сил в германских областях. Сколь различными ни были побудительные мотивы у крестьян, горожан, низшего дворянства или светских князей, всех их объединяло стремление к устранению финансовой эксплуатации, а также политической и идеологической опеки со стороны папской курии. Критические выступления против торговли индульгенциями стали исходным пунктом широкого движения Реформации. Фуггеры бьют тревогу. Ничто не должно осложнить их добрых отношений с папской церковью и связей с папой Львом X, напротив, с самого начала его правления (1513—1521 гг.) Якоб Фуггер усердно старается еще более укрепить эти связи.

Когда курия в феврале 1518 г. возбудила против Мартина Лютера процесс, обвинив его в ереси, Фуггер также плетет против него широкую сеть интриг. Во время Аугсбургского рейхстага летом 1518 г. он использует пребывание на нем папского легата Томазо Каэтаны, расположившегося в роскошном доме Фуггеров у Винного рынка, чтобы всесторонне ознакомить его с опасностью движения Реформации. Он представляет итальянцу доктора Иоганна Экка, человека, заслужившего признание Фуггеров публичной защитой их деятельности. Этот триумвират держит совет и определяет меры, чтобы сдержать натиск против католической церкви и не допустить расширения движения Реформации.

В октябре 1518 г. римский кардинал устраивает в доме Фуггеров в Аугсбурге допрос Мартину Лютеру, требуя от него раскаяния в ереси, отказа от ее проповеди, от всего, что могло бы нарушить мир церкви. Лютер отвечает отказом. Поскольку угроза Каэтаны предать Лютера и его покровителей анафеме и объявить повсюду запрет на их богослужения и публичные выступления не возымела действия, на Лютера напустили теолога доктора Экка.

В конце 1518 г. Экк обнародует двенадцать тезисов, обвиняя Лютера в ереси. Инспиратором этой затеи, а также состоявшегося летом 1519 г. в Лейпциге диспута с Лютером был, судя по всему, обладатель

папских бенефиций Якоб Фуггер. Экк защищает интересы Фуггеров.

Не кто иной, как Фуггер, послал Экка в Рим, требуя немедленного осуждения Лютера, чтобы получать еще большие барыши от продажи индульгенций. Экономические, денежные, политические интересы и религиозные взгляды этого финансового магната были так тесно связаны с папством и империей, что любой компромисс был полностью исключен. Призыв к Риму о вмешательстве быстро дал свои результаты. Пока Лютер формулирует свою программу церковной реформы, требующей усиления центральной власти путем устронения опеки Рима¹, ему уже грозит папское отлучение от церкви. В январе 1521 г. папа подписывает буллу об отлучении Лютера от церкви. В конце мая 1521 г. император Карл V утверждает Вормский эдикт об изгнании Лютера из империи. Его сочинения приказано сжечь, и «во избежание новых бед» впредь подлежат цензуре все печатные произведения. Сторонники Лютера должны быть арестованы, а их собственность конфискована. Благодаря покровительству могущественного саксонского курфюрста, спекулировавшего католическими монастырями и другими церковными владениями, Лютеру удается избежать смертельной опасности.

Для императора римская католическая церковь была объединяющим началом и духовным корсетом многонациональной империи, состоявшей из различных по уровню своего развития разбросанных по континенту владений. Реформация явилась серьезной угрозой ее существованию. Поэтому Карл V вел против нее борьбу всеми имевшимися в его распоряжении средствами.

Но несмотря на гонения, после того как движение за осуществление Реформации охватило центральные и северные германские области, широкое народное движение развернулось также в Нюрнберге, швабском Халле, Страсбурге, Ульме, Аугсбурге, Эрфурте

¹ В июне 1520 г. Лютер завершил работу над произведением «К христианскому дворянству немецкой нации...», а в октябре — над сочинением «О вавилонском плене церкви», в котором он разрушал основы католической идеологии; этой же цели служил его трактат «О свободе христианина».

и других городах. Бюргерская и плебейская оппозиция—купцы, мелкие торговцы, ремесленники, подмастерья, художники, неимущий люд — добивалась отмены католических обрядов, закрытия монастырей, секуляризации церковной собственности, в особенности церковных земель.

Аугсбург стал классическим примером переплетения на новом, более высоком уровне религиозных требований движения Реформации с социальными и классовыми, антиклерикальной борьбы и стремления к общественным преобразованиям. Стараниями Фуггеров провозглашались запреты на деятельность сторонников Лютера, число которых становилось все больше, в особенности таких людей, как проповедники Урбан Региус и Иоганн Шпейзер. В 1522 г. Якоб Фуггер потребовал изгнания ульмского францисканца Генриха фон Кеттенбаха, обещав выплатить 2000 гульденов за его голову.

Когда в ставших собственностью Фуггера графствах Кирхберг и Вейсенхорн стали все громче раздаваться голоса протesta против него и старой церкви, Фуггер приказал вывесить на видных местах в Кирхберге, Вейсенхорне, Пфаффенхофене и Вулленштеттене тексты Вормского эдикта с указом императора, приказав строго следить за его выполнением.

В двадцатые годы XVI в. имперский город Аугсбург был утопавшей в роскоши метрополией. Но его положение становилось все более шатким. Широко распространившаяся ненависть к алчным банкирам, протест бюргерства против оков епископской власти, исключительные права духовенства, недовольство «толпы» господствовавшими порядками, волиющее противоречие между богатыми и бедными, враждебное отношение подданных к властям — все это было горючим материалом; достаточно было искры, чтобы вспыхнуло пламя пожара.

Тесными узами духовного и семейного родства был связан с домом Фуггеров Ульрих Артцт, принадлежавший к старинному аугсбургскому купеческому роду. Он разбогател, занимаясь оптовой торговлей, был цеховым мастером купеческой гильдии и с 1504 по 1527 г. — бургомистром Аугсбурга. В течение десяти лет он играл важную роль в совете Швабского

союза в качестве его предводителя, предводителя представителей входивших в его состав городов и представителя Аугсбурга. Ульрих Артцт был зятем Якоба Фуггера.

Объединив усилия, они повели решительную борьбу против нового учения. Артцт неоднократно грозил: «Лучше не станет до тех пор, пока не будут истреблены приверженцы Лютера». Всех проповедников Реформации он считал подонками. «Если по воле господней один из них попадет мне в руки, — заявил он однажды, — то я, с позволения сказать, спущу с него шкуру, и милосердия к нему у меня будет меньше, чем к собаке»¹. Он поклялся убить проповедника Урбана Региуса.

Когда Иоганн Шиллинг — он был чтецом в монастыре францисканцев в Аугсбурге и поддерживал тесную связь с членами цеха ткачей — весной 1524 г. стал выступать в своих проповедях против Якоба Фуггера, он был изгнан из города. Фуггер подозревали в том, что он нанял убийцу, который стрелял в Шиллинга.

Аугсбургские ткачи добивались полной демократизации управления городом и облегчения положения народа. В августе 1524 г., когда волнения в Аугсбурге достигли наивысшей точки, Ульрих Артцт отдал приказ, чтобы наемники, солдаты городского гарнизона и иное воинство, находившееся в распоряжении городского совета, были вновь приведены к присяге и вооружены оружием из арсенала, чтобы на видных местах были выставлены для устрашения пушки и закрыты городские ворота. Богатые купцы и церковники укрылись в домах, забаррикадировав двери и окна, очистив конторы и приемные, попрятав или переправив за пределы города свои деньги. Якоб Фуггер бежал из Аугсбурга уже 6 августа 1524 г. и обосновался в Бибербахе.

Арестованных горожан Аугсбурга под пытками вынуждали давать показания, чтобы обезвредить широкий круг «подозрительных лиц». Особая опасность грозила двум старым ткачам — Хансу Кагу и Хансу

¹ Friedrich Roth. Augsburgs Reformationsgeschichte, Erster Band: 1517—1530. München, 1901, S. 92.

Шпейзеру. От имени своих товарищих по несчастью они обратились к совету Аугсбурга с требованиями, состоявшими из двенадцати пунктов и включавшими жалобы на тяжкое бремя поборов, виновниками которых они считали крупные оптовые купеческие фирмы. Оба они, по свидетельству автора работ по истории реформации Людвига Келлера¹, по требованию Фуггеров были приговорены 14 сентября 1524 г. к смертной казни как руководители аугсбургской общины вальденсов². Их обвинили в нарушении присяги и предписаний городского совета, богохульстве, неуважении власти и подстрекательских речах. Во избежание ходатайств о помиловании, которых могло быть великое множество, бургомистр Аугсбурга приказал казнить их на другой день после вынесения приговора.

Фуггера побудили к этому убийству отнюдь не религиозные соображения. Расправившись с двумя аугсбургскими ткачами, он устранил представителей интересов цеха ремесленников, трудом которых этот скопщик, как и его предки, нажил солидные барыши. Поэтому строптивцы должны были умереть.

Уже многие годы на шахтах Фуггеров рудокопы вели борьбу за более высокую оплату своего труда, за свободные от работы дни, против взвинчивания цен на продовольствие и за право на собрания. Петиции, демонстрации, забастовки и восстания — таковы были формы их протеста против гнета эксплуататоров. В отдельных местах горняки объединялись в союзы рудокопов, чтобы успешнее отстаивать свои интересы от посягательств горнозаводчика. Перечислим лишь некоторые из наиболее крупных забастовок и восстаний, в которых участвовали многие тысячи горнорабочих предприятий Фуггеров: 1501 г.— восстание в Шваце; 1524—1525 гг.— восстания про-

¹ Fridrich Roth Augsburgs Reformationsgeschichte, Erster Band 1517—1530, S. 189

² Вальденсы были приверженцами возникшего около 1173 г. в Лионе социально-религиозного движения. Их социальной опорой были низшие и средние слои. Они не признавали господство богатой католической церкви, ориентировались во многом на демократические постулаты учения раннего христианства, поэтому многие тысячи вальденсов были истреблены.

тив Фуггеров в Тироле, Каринтии, Венгрии; 1540 г.— восстание венгерских горнорабочих против Фуггеров; 1541 г.— волнения швацких рудокопов против Фуггеров; 1552 г.— забастовки в Шваце.

Недовольство народных масс в городе и деревне росло из года в год. Обстановка обострялась, надвигался кризис.

НАРОД ПОДНИМАЕТСЯ

Больше всего накопилось горючего материала среди крестьянства, и это не было случайностью. Оно подвергалось самой жестокой эксплуатации со стороны господ-феодалов. В то время подавляющее большинство немецкого народа составляло крестьянство, страдавшее от последствий разразившегося в XV в. аграрного кризиса. Темпы развития сельскохозяйственного производства значительно отставали от темпов развития ремесла. Вместе с тем подъем торговли в городах порождал новые, постоянно растущие потребности у светских и церковных князей, что усиливало их нужду в деньгах, которые они взыскивали с крестьян, увеличивая барщину. Росло число различных повинностей и налогов: денежная и хлебная подать, подушная подать, личная и конная барщина, большая и малая десятина¹. Но землевладельцам и сюзеренам и этого было мало. Они прибирали к своим рукам и пастбища, присваивали права на пользование лесами, охотничими угодьями и водоемами, все более ограничивая и без того урезанные общинные права землевладения.

Возрастающее бремя повинностей и укрепление феодальных производственных отношений сделали крестьянина козлом отпущения. Он стоял на низшей ступени социальной лестницы, был лишен всех прав, включая право сословного представительства. Вла-

¹ Большая и малая десятина — две разновидности налога в пользу католической церкви. Размер и характер этого налога были различны в разных местностях Германии, в большинстве случаев он значительно превышал десятую долю продукта крестьянского производства. Как правило, малая десятина взималась с урожая незерновых, а большая десятина — с зерновых культур. (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 7, с. 606.) — Прим. перев.

делец земли распоряжался его жизнью по своему усмотрению и произволу. Жестокие наказания — вплоть до ослепления и отсечения рук — грозили крестьянину, если он уклонялся от повинностей, возложенных на него местным князем или графом.

Дворянам следовали и богатые купцы, вкладывавшие излишки капиталов в сельское хозяйство. Они притесняли сельское население не только ростовщичеством и высокими ценами на городские товары, но эксплуатировали их и как землевладельцы. Взыскивая подати и налоги, они проявляли жестокость и алчность аристократов, помноженные на идеальную бюрократическую аккуратность торговца.

Своей доли требовала также и церковь — самый крупный землевладелец. У церковных феодалов были преимущества перед светскими — они могли прибегать к церковным наказаниям. Если крестьянин не платил церкви долг, он подвергался отлучению. Церковь налагала интердикт — запрет совершать богослужения — на целые области и общины. Если невыносимые гнет и нищету, которые испытывал крестьянин, сравнять с расточительной роскошью и богатством, в которых утопали церковные владыки, то становится ясным, что и без того непреодолимая пропасть, разделявшая их, становилась все глубже.

Если в Англии в процессе первоначального накопления сельское хозяйство играло решающую роль как сфера капиталовложений, то в германских землях этот процесс совсем не затрагивал главную отрасль феодального хозяйства. Там не было даже и признаков разложения изживших себя производственных отношений. Напротив: феодальные путы и эксплуатация, особенно в некоторых юго-восточных областях Германии, в Австрии, а позднее в землях к востоку от Эльбы, носили в себе зачатки второго закрепощения.

С этими порядками крестьяне не хотели и не могли более мириться. С начала столетия одно восстание крестьян следовало за другим. Так, в 1513 г. близ Леэна (Брейсгау) возник заговор союза «Башмака» под руководством Йосса Фрица. В том же году выступили крестьяне ряда крупных районов Швейцарии, поднявшись на длившуюся два с половиной года Швейцарскую крестьянскую войну. В 1514 г.

в восстании «Бедного Конрада» в Бюртемберге впервые совместно выступила многочисленная крестьянская и городская оппозиция. Крестьянская война в Венгрии перекинулась на соседние австрийские области: ее следствием были восстания в Крайне (1515 г.), в Штирии и Каринтии. После ряда бунтов в маркграфстве Баденском и в Верхнем Эльзасе, носивших в большей мере локальный характер, в 1517 г. на Верхнем Рейне вновь возник широко разветвленный заговор «Башмака».

Те, кто знал о полемическом сочинении Лютера «О свободе христианина» лишь понаслышке, понимали этот памфлет как нечто большее, чем только лишь требование свободы вероисповедания и совести. Широкие слои народа стремились освободиться от олов рабства, от ростовщичества «монополий», от крепостной зависимости, от всех несправедливых налогов и поборов. Так, в рамках великого движения стали все громче звучать социальные и политические требования. Восстание против Рима и его союзников ширинлось, но и в то же время оно все более сливалось с общей борьбой против эксплуатации и гнета. Идея о том, что простой народ должен сам добиваться своего избавления от рабства, получала все большее распространение.

Если трактаты гуманистов были обращены к образованным слоям, то несравненно большая мобилизующая сила исходила от листовок и памфлетов, выражавших чаяния простого народа. Германские земли империи были наводнены просветительной литературой, оказывавшей влияние на ход борьбы. Лишь с 1517 по 1525 г. было издано огромными количествами более 2000 различных анонимных летучих листков в форме манифестов, памфлетов, песен, бесед или простых листовок, содержавших призывы к открытому выступлению против господствующего класса и его институтов.

Народ впервые воспользовался силой печатного слова, ставшего острым оружием в его идеологической борьбе.

Написанные языком крестьян и плебеев, сочные, полные сатиры и страсти, обращенные к широким массам, летучие листки отражали злободневные

экономические и политические проблемы, негодование трудового люда против становившейся все более невыносимой эксплуатации, будили чувство социальной ответственности простых людей. Крестьянин — центральная фигура и герой демократической популярной литературы, — безропотно терпевший невзгоды, становился сознательным, готовым к действиям борцом.

Так, в одной из листовок говорилось: «Они [господа.— А. Н.] кичатся своим величием и могуществом... Откуда они взяли, что бог дал им право требовать от нас барщины?.. ...Они сосут нашу кровь, торгуют ею, да еще заставляют платить за нее проценты»¹. Все более крепло убеждение в том, что дальше так продолжаться не может, пора кончать это. Горожане и крестьяне сыты всем этим по горло. Все должно измениться.

Песни и стихи антифеодальной оппозиции распространялись со скоростью ветра, они возвещали о действиях народа во многих германских частях империи, о заговорах «Башмака» и движении «Бедного Конрада». Дошедшая до нас «Нёрдлингерская песнь», или «Песнь Башмака», дает представление о крестьянской и плебейской идеологии, направленной против феодалов и ростовщического капитала. В ней говорится: «Мы поднялись на борьбу за германский народ», в которой хотим изменить отношения в обществе, где господствуют «гордыня, жадность и перепродажа», где «истина не много стоит», где «хозяйничают живодеры, скряги и ростовщики».

Сохранилось чрезвычайно мало подобных свидетельств. Светские и церковные князья проявили особое рвение, чтобы предать анафеме и вытравить из памяти народной революционные песни. В качестве таких документов до нас дошли лишь полученные под пыткой и зафиксированные в протоколах допросов показания обвиненных в измене революционеров.

В лице Томаса Мюнцера (1489/90—1525 гг.) растущая народная оппозиция получила герического защитника своих интересов. Хорошо понимая стремление угнетенных к правде, он страстно выступал в ее

¹ Wilhelm Zimmermann. Der große deutsche Bauernkrieg. Berlin. 1953, S. 126.

защиту со своими проповедями против эксплуататоров. Его идеи о неизбежном изменении земной жизни самим народом, его воинствующая антифеодальная идеология сплачивали различные слои в самостоятельный лагерь единомышленников, оказывали решающее влияние на ход нараставшей, надвигавшейся, подобно грозе, борьбы.

Томас Мюнцер принадлежал к числу наиболее крупных политических деятелей Германии начала XVI в. Хорошо знавший античных классиков, литературу средневековья и впитавший в себя все богатство прогрессивных идей прошлого, он активно вмешался в богословские и политические конфликты своего времени. Он был проповедником и учителем в Хальберштадте, Ашерслебене, Цвиккау, Праге, Альштедте и Мюльхаузене. Борьба Мюнцера на стороне народа была определена его связью с «пророками из Цвиккау», во главе которых стоял суконщик Николас Шторх. По своим взглядам и учению, которое он проповедовал, Мюнцер стоял намного выше Мартина Лютера, превратившись из его бывшего сторонника в непримиримого противника. Его деятельность протекала также в стране Яна Гуса — Богемии. Здесь Мюнцер познакомился с практической борьбой таборитов¹ и с их идейными позициями, принял их и выступил в Праге как «провозвестник божественной истины и справедливости». Он подвергся преследованиям и должен был бежать. Оказавшись в нужде, он кочевал с места на место, пока в начале 1523 г. не получил место приходского священника в Альштедте, около Зангерсхаузена. Здесь в 1524 г. он выступил со своей знаменитой «Проповедью к князьям», содержавшей призыв к уничтожению власти тиранов. В Альштедте и в Мюльхаузене он написал большинство своих богословских и политических работ, самыми значительными из которых были памфлеты «Открытое опровержение ложной веры...» и «Зашититель-

¹ Табориты (от города Табор — центра движения) — второе течение в гуситском движении, составлявшее — в противоположность каликстинцам — его революционное, демократическое крыло. Табориты отражали в своих требованиях стремление крестьянских масс и городских низов к ликвидации всего феодального строя (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 7, с. 603). — Прим. перев.

ная речь», изданные типографским способом и получившие широкое распространение в германских областях и далеко за их пределами.

В памфлетах и проповедях Мюнцера — пламя революции. Он первым обращает внимание на стоящий вне общества класс неимущих и вводит плебеев в рисовавшееся ему царство будущего. В обращенном к мансфельдским горнякам воззвании (1525 г.) он призывает: «...Беритесь за дело и выходите на борьбу. Время настало...» И далее он пишет: «Хотел бы так наставить всех братьев, чтобы их мужество было тверже всех замков безбожных злодеев во всей стране. За дело, за дело! Железо горячо, куйте. Пусть ваши мечи не остывают!»¹.

Отражением активной идейной борьбы является прокламация крестьянских вождей «К собранию простых крестьян», беспощадно разоблачающая эксплуататоров: «Все господа, кои в угоду страстям своим и по гнусной корысти произвол творят (не говоря уж о насилии, оброке, податях и налогах)... это доподлинные грабители и заклятые враги земли своей. Священное писание говорит о них, что это не слуги господни, а змеи, драконы и волки»².

«Статейное письмо» крестьян Шварцвальда, проникнутое идеями Мюнцера, содержит радикальную программу устраниния всякой власти, ставящей себя над народом.

Ссылаясь на Библию, Мюнцер выступает за немедленное установление царства божия на земле, за передачу власти простому народу. В этом царстве не должно быть классовых различий, частной собст-

¹ «Thomas Müntzer an den Allstedter Bund, 26. April 1525», — Thomas Müntzer. Politische Schriften, Manifeste, Briefe, 1524/25, Leipzig, 1970, S. 257, 258. См. также Hütten — Müntzer — Luther Werke in zwei Bänden Erster Band, S. 263, 264; «Thomas Müntzers Briefwechsel». Leipzig und Berlin, 1931, S. 109, 110; «Schriften der Sächsischen Kommission für Geschichte», Bd. 34; Alfred Meusel. Thomas Müntzer und seine Zeit. Mit einer Auswahl der Dokumente des großen deutschen Bauernkrieges. Hrsg. von Heinz Kammlitzer Berlin, 1952, S. 273, 274, «Zur Geschichte des Großen Deutschen Bauernkrieges (Dokumente und Materialien). Zusammengestellt und bearbeitet von Walter Zöllner». Berlin, 1961, S. 110.

² «Der große Bauernkrieg Zeitgenössische Berichte, Aussagen und Aktenstücke». Jena, 1925, S. 207—208.

венности и чужеземного господства. Там люди труда должны быть полностью равны и сообща распоряжаться всем достоянием.

Мюнцер хорошо понимал, что эти требования можно было осуществить лишь путем насилия; говорил же Христос: «Я пришел принести не мир, а меч... С наступлением жатвы следует вырвать плевелы из вертограда божья...»¹.

В то время как Лютер призывал к повиновению властям и смирению перед беззаконием, Мюнцер отстаивал право на сопротивление, звал к борьбе. Это — сердцевина его концепции, выходившей далеко за рамки всех других концепций. Его призыв к крестьянам и плебеям начать революционные действия, полностью устранив господствующие классы, утвердить основы человеческой морали был духом времени, гениальным предвидением грядущей истории, духом Мюнцера, против которого были бессильны столпы старого общественного строя и выразители его реакционного мировоззрения.

Перерастание ранней буржуазной революции в новую фазу началось штурмом позиций светского феодального дворянства. После длившегося в течение полутора периода подъема и спада местных или узкогеографических движений на немецкой земле в июне 1524 г. крестьяне графства Штюлинген, поднявшиеся в союзе с горожанами, своим массовым выступлением подали сигнал к вооруженному восстанию. Мощная революционная волна охватывает обширные области Европы. Между Дунаем, Рейном и Лехом, в Шварцвальде, Оденвальде и в епископстве Бюргенбургском, в Швабии, Франконии, Тюрингии, Саксонии, в Рудных горах, в пограничных районах Богемии крестьяне готовятся к войне против своих палачей. Гроза разразилась в феврале 1525 г. К апрелю возникает мощный фронт борьбы от Боденского озера до верховьев Верры. Революционное движение охва-

¹ Из произнесенной в 1524 г. в альштедтском замке «Проповеди к князьям». (Thomas Müntzer. Politische Schriften, Manifeste, Briefe S. 66, 70, см. также: Thomas Müntzer. Politische Schriften Halle, 1950, S. 23, 26.— «Hallische Monographien», № 17.) К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 7, стр. 370.

тывает Северную Швейцарию и Эльзас, перебрасывается в альпийские области. Тироль, Меран, Триент, Зальцбург, Каринтию и Штирию, где также разгорается крестьянская война. Народные массы поднимаются в Венгрии и даже в Пруссии.

Немецкая ранняя буржуазная революция достигает своего кульмиационного пункта. Она вызывает далеко идущие последствия. Первая решающая битва народа, она стала началом преодоления феодализма революционным путем. Ее влияние еще долго сказывается на ходе борьбы, развернувшейся в европейском масштабе, особенно на развитии революционных событий в Нидерландах и Англии.

Крестьяне Верхней Швабии в своих «Двенадцати статьях» и в «Статейном письме» решительно требуют отмены крепостной зависимости, возвращения отнятых у них общинных земель, свободы выбора приходских священников и свободы проповеди, а также создания народного правительства, избранного по воле народа.

Под ударами по господским поместьям, монастырям, замкам и крепостям в обширных районах страны рушится власть церковных и светских феодалов.

IV. ПАЛАЧИ РЕВОЛЮЦИЙ

СЕРЕБРО И ЗОЛОТО ИЗ КРОВИ КРЕСТЬЯНСКОЙ

Классовые взаимоотношения внутри немецкого общества того времени, обстановка в Европе, предыстория и ход Крестьянской войны в Германии хорошо известны, особенно благодаря блестящей работе Фридриха Энгельса «Крестьянская война в Германии». Однако та чрезвычайно важная роль, которую играли представители раннего капитализма, и прежде всего Фуггеры, в борьбе против немецких крестьян в целом и против «собственных» крестьян в особенностях, изучена еще недостаточно.

Якоб Фуггер был неприятно удивлен, узнав, что крестьяне подвластных ему областей симпатизируют повстанцам. Он клеймит презрением своих подданных: «Повсюду приходится немало слышать о том, что подлая чернь хочет жить богато, а работать не хочет никто. Крестьяне не желают платить налоги»¹. А когда община Вейсенхорна требует права самостоятельно избирать совет, назначавшийся ранее управляющим Фуггера, Якоб отклоняет это требование как незаконное и направляет в город 300 наемных солдат, которые подавляют волнения и безжалостно расправляются с приближающимися к Вейсенхорну крестьянскими отрядами. Срочные меры по укреплению безопасности принимаются также и в Кирхберге. Мрачно возвышается над рыцарскими крепостями и княжескими городами новый замок Фуггеров, укрепленный по его приказу бастионами. Его владения защищены наиболее надежно.

Вооруженное выступление крестьян вызывает величайшую тревогу среди высшей аристократии во

¹ Pölnitz, Jakob Fugger, S. 581.

главе с Габсбургами, среди городских патрициев. Хорошо понимая, что крестьянские восстания принимают характер решающей битвы, Якоб Фуггер бросает на чашу весов свой авторитет и всю финансовую мощь, чтобы помочь князьям сформировать и вооружить армии ландскнехтов для борьбы с крестьянами. (См. карту на стр. 146: «Крестьянская война в Германии 1524—1525 гг.».)

Осенью 1524 г. Фуггер передает Габсбургам 300 центнеров меди для литья легких полевых орудий, чтобы использовать их против восставших крестьян; несколько позднее от Фуггера поступает еще 500 центнеров меди. В сентябре 1524 г. Якоб Фуггер предstawляет эрцгерцогу Австрийскому заем для борьбы против «бунта в Штиюле» (размер займа остался неизвестным). 1 марта 1525 г. Фуггер подписывает с габсбургско-австрийским эрцгерцогом Фердинандом соглашение о займе в размере 75 000 гульденов. Фирма дает согласие на погашение займа через 14 месяцев, за что требует 7000 гульденов в виде процентов, а в случае просрочки эта сумма должна быть увеличена еще на 4000 гульденов. Гарантией займа служат доходы монетного двора Халля и другие владения эрцгерцога в Верхней и Нижней Австрии. В том же месяце Фуггер передает 10 000 гульденов князю Грегору фон Эглоффштайну для защиты баварской границы на реке Лех от угрозы со стороны повстанцев. 11 марта 1525 г. эрцгерцог Фердинанд уведомляет командующего войсками Швабского союза трухзеса фон Вальдбурга о получении от Фуггеров еще 10 000 гульденов в виде военного займа, за которым вскоре следует новый заем на сумму 2000 гульденов.

В апреле того же года аугсбургская купеческая фирма заключает с габсбургско-австрийским эрцгерцогом еще один договор о займе в размере более чем 100 000 гульденов. Кроме того, она поставляет серебро, 150 центнеров меди для отливки орудий и осуществляет через свою факторию в Инсбруке несколько менее крупных сделок, связанных с организацией контрудара Швабским союзом. В начале мая Швабский союз извещает членов военного совета о получении при посредничестве Фуггеров более 4000 гуль-

денов, к которым фактор Фуггера в Халле Конрад Майр «срочно» добавляет еще 3000 гульденов.

Помимо этих щедрых ассигнований на подавление крестьянских восстаний, Якоб Фуггер предоставляет ссуды по 1000 гульденов для борьбы против крестьян членам совета Швабского союза аббатам Конраду фон Кайзхайму, Гервигу фон Вайнгартену, графу Карлу Вольфгангу Эттингенскому, барону Хансу фон Кёнигсэкк-Аулендорфу, Хансу фон Паппенхайму Ахингенскому, Адаму фон Штайну Ронсбергскому и Хансу Буркхарду из Эллерсбаха, что близ Лаупхайма.

В мае 1525 г. Фуггер выступает посредником между Карлом V и эрцгерцогом Фердинандом, передав последнему более 50 000 дукатов. Поскольку эта сумма оказывается недостаточной, чтобы полностью выплатить жалованье наемным войскам, Фуггер подписывает с Фердинандом дополнительный договор о продаже герцогу серебра на 30 000 гульденов. Несколько позднее его фирма предоставляет эрцгерцогу 13 300 гульденов на содержание войск, а затем еще 11 300 гульденов. Но и этих денег оказывается недостаточно для покрытия расходов на подавление восстания крестьян. В дальнейшем Фуггер увеличивает сумму своих займов еще на 21 400 гульденов. Долг должен быть покрыт за счет доходов Габсбургов в Венеции. Согласно имеющимся, без сомнения, неполным сведениям, Якоб Фуггер предоставил для разгрома движения немецких крестьян более четверти миллиона гульденов — огромную по тем временам сумму, в которой еще не учтены поставки меди и руды для производства оружия против крестьян, а также немалые средства, израсходованные на усмирение «собственных» крестьян. К этому следует добавить несметное количество денег, потраченных на удушение социально-революционного движения в Тироле, Кауриции и Штирии.

Пока наемники Карла V сражались в Италии (битва при Павии в феврале 1525 г.), а их численность в Германии была недостаточной и жалованье платилось нерегулярно, инициатива находилась в руках вооруженных отрядов крестьян, одерживавших одну победу за другой. Тактика их врагов состояла в том, чтобы сдерживать крестьян и истощать их

силы путем затяжных переговоров, давать им обещания, идти на уступки и даже заключать с ними договоры. Теперь крестьяне определенного района не шли на соединение с ближайшей группировкой повстанческих войск, чтобы пополнить вооруженные силы революции, а, наивно поверив в искренность обещанных уступок и считая, что цель борьбы уже достигнута, рассеивались по округе. Обман и дипломатические уловки, приведшие к разобщению крестьянских войск, финансовая поддержка Фуггеров позволили князьям сколотить довольно многочисленную и хорошо вооруженную наемную армию. Ландскнехты нападали на добровольно расходившихся по своим деревням крестьян и жестоко расправлялись с ними.

Так, армия князей Швабского союза под командованием оплаченного Фуггерами трухзеса фон Вальдбурга смогла одержать ряд легких кровавых побед над крестьянами Швабии, Франконии, Вюртемберга и других областей.

Своего кульмиационного пункта немецкая Крестьянская война достигла в Тюрингии; Томас Мюнцер, установивший из Саксонии и Тюрингии связи с Франконией и Швабией вплоть до Эльзаса и граничащих со Швейцарией областей, сумел вызвать среди плебейских слоев некоторых городов такой революционный подъем, что они на время стали там хозяевами положения. Крестьяне и плебеи следовали его призыву захватывать имения дворян и не щадить преступных аристократов, чтобы страна не превратилась в сплошное кладбище; изменение социального строя следует начать с ликвидации существующих государственных порядков.

Этим была определена политическая цель борьбы, которой Мюнцер отдал весь пыл своего сердца, добиваясь, чтобы «власть была дана простому народу»¹. Он оставался верен этой цели до своего последнего часа, когда наемники, нарушив 14 мая 1525 г. соглашение о перемирии, напали близ Франкенхаузена на крестьянское войско и перебили 6000 крестьян.

¹ Из письма Томаса Мюнцера к эрфуртцам от 13 мая 1525 г. «Thomas Müntzers Briefwechsel», S. 126; см. также: М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955, с. 264.

Томас Мюнцер оказался в руках своих злейших врагов, подвергся допросу и пыткам, а затем был казнен.

Фуггер хвастался тем, что он в большей мере, чем все другие компании, участвовал в ведении войны против крестьян. Его кровавая вина несомненна.

А как вел он себя в «собственных» общинах? «...там, где... отдельные лица или целые селения в молчаливом ожесточении прибегали к самозащите, Фуггер не знал пощады. В эти общины он посыпал своих наемников вместе с подданными, которые, дав новую клятву верности своему господину, должны были доказать ее борьбой против вчерашних единомышленников, а также солдат из Ульма, Гюнцбурга и ландскнехтов Швабского союза. Тогда и в этих селениях у крестьян отбиралось все их имущество и устанавливались порядки, не отличавшиеся по своей строгости от законов, утверждавшихся Швабским союзом в других местах силой и кровью»¹.

Там, где крестьяне не подвергались массовому уничтожению, еще не значило, по словам Якоба Фуггера, что эти крестьяне были «добрими христианами»². Против повстанцев применялись самые жестокие меры усмирения. Якоб все учел, у него были средства на любой случай. «Возмездие и наказание должны были свидетельствовать, сколь худо обирачивалось дело для тех, кто из упрямства и своенравия мешал Фуггеру творить мир по воле своей»³.

Даже и после успехов реакции, пишет симпатизирующий Фуггеру биограф Пёльниц, «купец ни в коей мере не считал военные действия завершенными. Поэтому у него не было намерения требовать досрочного возвращения, для использования в иных целях, капитала, который был предоставлен его фирмой для подавления смуты... Последовали новые кредиты Фуггера Габсбургу. Речь шла о том, чтобы помочь Фердинанду одержать полную победу над его противниками. Эти займы, частично связанные с контрактами на продажу металлов, намного превышали даже те суммы, которые Якоб предоставил эрцгер-

¹ Pölnitz. Jakob Fugger, S. 587.

² Pölnitz. Jakob Fugger, S. 601.

³ Ebenda, S. 587.

цогу в течение тех месяцев, когда личным владениям Фуггера грозила опасность»¹.

Однако для Фуггера опасность еще не миновала. Крестьянская война в Тироле угрожает его богатейшим рудникам и факториям. Против него уже в течение ряда лет выступали ландтаг и горняки, а совместные действия крестьян и горняков могли лишить его всего, чем он владел в Тироле. Фуггеры издавна систематически расширяли свои филиалы в Альпийской области — в Халле, Шваце и Раттенберге. Их горное дело разрасталось, новые рудники, плавильни, широкая торговля рудой и металлическими изделиями свидетельствовали об активной деятельности Фуггеров.

И вот теперь рудокопы категорически требовали изгнания Фуггеров, запрещения ростовщичества, барщины и векселей. Это было не только посягательством на их собственность, но и угрозой источникам доходов Габсбургов. Ведь до положения мировой державы империя Габсбургов поднялась главным образом благодаря потоку денег из сейфов Фуггеров.

Сословные представители Тироля предложили эрцгерцогу Фердинанду 138 000 гульденов, чтобы он смог откупиться от зависимости, в которой он находился у епископов Триента и Бриксена и прежде всего у Фуггеров. Однако такая сумма показалась эрцгерцогу незначительной в сравнении с грудами золота, которые Фуггеры в любое время были готовы предоставить в распоряжение короны!

Разразившаяся революционная буря в мае 1525 г. охватила всю Альпийскую область: Тироль, Зальцбург, Штирию и Каринтию. В лагерь крестьян и горняков стекались подкрепления из соседних деревень и из самых отдаленных уголков страны. В самом начале восстания, 9 мая 1525 г., крестьяне захватили Бриксен, объединились с ремесленниками, укрепили замок и город, превратив их в центр революционного движения. Восстание быстро перебросилось в долину реки Этш, в область Мерана, в епископство Триент. Повстанцы захватывали монастыри и замки, подвергся нападению также и дом Фуггеров в Халле. Крестьяне

¹ Ebenda, S. 587—588.

хотели схватить их фактора, чтобы узнать размеры причиненного Фуггерами стране ущерба, выяснить цель их союза с духовенством и дворянами, и требовали их изгнания.

Также в мае 1525 г. вспыхнуло восстание крестьян и горняков епископства Зальцбург. С самого начала боевых действий революционеры Зальцбурга и горняки с рудников Фуггеров в Шваце плечом к плечу боролись против своих мучителей. Вместе с эрцгерцогом Фердинандом и оказавшимися под угрозой со стороны повстанцев феодальными князьями Фуггеры немедленно направили в Швац для наведения порядка несколько сотен наемников.

Искры революционного пламени перебросились на Каринтию и Штирию. Военная победа у Шладминга, одержанная повстанцами над войсками под командованием фон Штейера, относится к самым значительным успехам Крестьянской войны.

16 августа 1525 г. командир ландскнехтов Швабского союза Георг фон Фрундсберг подошел со своим войском к Зальцбургу. Прибегнув к испытанному средству — обещаниям, он сумел уговорить крестьян сложить оружие. Однако в то же самое время вспыхнуло восстание в Инсбруке.

Требование крестьян и горняков запретить деятельность чужих торговых компаний, особенно Фуггеров, было поддержано купцами и ремесленниками Инсбрука. Стремясь избавиться от грозившей со всех сторон опасности, эрцгерцог Фердинанд обещал устранить незначительные непорядки, не собираясь, однако, сдерживать свое слово. Организатор восстания в Инсбруке, Михаэль Гейсмайер, в результате обмана оказался в сетях эрцгерцога, был брошен в застенок, однако сумел вырваться из рук палачей.

В апреле 1526 г. в районе Зальцбурга вновь началось брожение. На этом, втором этапе движения в Альпийской области, когда самые стойкие силы народа под политическим и военным руководством Гейсмайера получили перевес, Швабскому союзу и архиепископу Зальцбурга пришлось потерпеть ряд поражений. Однако позднее, в июле 1526 г., когда враг получил превосходство в силах, повстанцы были разбиты у Радштадта и им пришлось отступить.

Еще в мае 1525 г. крестьяне избрали Михаэля Гейсмайера своим верховным командующим. Это был человек, который более семи лет так же последовательно воплощал и отстаивал революционные идеалы народа Тироля, как и боролся против своих злейших врагов и ненавидел их. В прошлом секретарь епископа Бриксена, Гейсмайер хорошо знал суровую действительность и страдания подданных, был осведомлен о нечистых сделках своего епископа с Фуггерами¹.

В «Тирольском земском устройстве»², написанном после побега весной 1526 г. в Граубюндене, Михаэль Гейсмайер в качестве программы дальнейшей борьбы дал прообраз свободного от эксплуатации и угнетения общества. Он хотел, чтобы Тироль был провозглашен республикой крестьян и рудокопов. Пашни должны принадлежать подданным. Рудники, плавильни, руду, серебро и медь следует отобрать у дворян и иноземных компаний, таких, как Фуггеры, Гохштеттеры и другие, и передать под контроль страны на благо всем³.

¹ Михаэль Гейсмайер жил в годы, когда епископом Бриксена был Мельхиор фон Мекау, купивший за большие деньги сан кардинала. Ослепленный блеском золота, он давал взаймы деньги под ростовщические проценты, вложив еще в 1505 г. баснословную по тем временам сумму в размере 100 000 гульденов в предприятие Фуггеров. Он принадлежал к тем, кто был главной опорой аугсбургского банкирского дома, с помощью которого он стал кардиналом. В благодарность за это он содействовал тому, что банк Фуггеров в Риме занял ведущее положение. Преемники епископа Мельхиора продолжили эту традицию. Также и вновь избранный епископ Бриксена, алчный Себастьян Шпренц, был тесно связан с Фуггерами. У него и служил секретарем Михаэль Гейсмайер.

² «Michael Gaismairs Tiroler Landesordnung vom April 1526». — «Zur Geschichte des Großen Deutschen Bauernkrieges», S. 103—107.

³ Знали ли Мюнцер и Гейсмайер друг друга лично, точно не установлено. Но такая возможность не исключается, поскольку Мюнцер в 1524 г. в течение некоторого времени находился в Австрии, умалчивая, однако, о том, с кем он имел там встречи политического характера. Тем не менее не вызывает сомнений, что тирольскому революционеру были знакомы идеи и сочинения Мюнцера, так как в ноябре 1526 г. он был в Цюрихе. Области распространения немецкого языка в Швейцарии являлись в то время своего рода тылом для эльзасских, южно- и среднегерманских крестьянских революционеров, листовки и памфлеты которых распространялись и в Цюрихе. Как раз в это время, особенно

Перед лицом такой угрозы Фуггеры потребовали решительного разгрома восстания. Для «пресечения возмутительных событий в нашем графстве Тироле»¹ эрцгерцог Фердинанд вначале занял у Фуггеров 10 000 гульденов. В январе 1526 г. фирма вела переговоры с правительством в Инсбруке о займе в размере 5000 гульденов, предназначавшемся на те же цели. Затем Фуггеры взяли обязательство выплатить Фердинанду до 31 марта 1526 г. 100 000 гульденов.

Это перечисление можно было бы продолжить. Общий его итог свидетельствует, что в 1526 г. правитель Австрии был должен Фуггерам 415 000 гульденов.

Своим главным врагом Фуггер считал Михаэля Гейсмайера. В одном из своих секретных предписаний эрцгерцог обещал уплатить тому, кто убьет крестьянского вождя, 1000, даже 1500 гульденов. Убийце также была обещана пожизненная пенсия в размере 400 гульденов в год. На финансирование убийства Гейсмайера Фуггеры тотчас же выложили 1000 гульденов чистоганом. О вознаграждении за голову Гейсмайера было публично объявлено не только в Тироле, но также и в Ферраре, Мантуе, Венеции и Падуе. В апреле 1532 г. подлое убийство свершилось.

Сговор между Габсбургами и Фуггерами в Тироле, Зальцбурге, по всей Альпийской области как бы увенчивали зверства палачей уголовного суда Радштадта, отправлявших осужденных на костры и виселицы. Ободренный Фуггер снова готов давать кредиты. Его владения были спасены, их можно снова расширять.

В «Священной Римской империи» воцарилась кладбищенская тишина. Участники Крестьянской войны, избежавшие топора палача, виселицы или четвертования, были брошены в тюрьмы, подвергнуты увечьям, ослеплению, изгнанию и другим наказаниям. Пощады не было никому, не было ее и художникам.

весной 1526 г., многие повстанцы, бежавшие из Тюрингии и других очагов Крестьянской войны в Германии, пробились к Гейсмайеру, чтобы продолжить борьбу на его стороне. Вместе с ними в Тироль проникли также вести об идеях, жизни и гибели Томаса Мюнцера.

¹ Pölnitz. Jakob Fugger, Bd. 2, — «Quellen und Erläuterungen». Tübingen, 1951, S. 556.

Уже в 1525 г. из своего родного города Нюрнберга были изгнаны лучшие ученики Альбрехта Дюрера, три «безбожных живописца» — Ханс Зебальд Бехам, Бартель Бехам и Георг Пенч, симпатизировавшие восставшим крестьянам. Работавший у Дюрера прославленный гравер Иероним Андрея был брошен в темницу. В 1526 г. к жестокой казни четвертованием был приговорен художник Йорг Ратгеб, создатель монументального цикла фресок в монастыре кармелитов во Франкфурте-на-Майне. Во время крестьянского восстания Ратгеб был старшим военным советником и канцлером вюртембергских крестьян, захвативших в апреле 1525 г. Штутгарт. Члену муниципального совета и бургомистру Вюрцбурга Тильману Рименшнейдеру были искалечены на плахе руки, и этот крупнейший резчик по дереву не мог больше творить. Генрих Гейне посвятил героям того времени некролог: «Еще поньне во Франконии и Швабии наблюдаем мы следы этого учения о равенстве, и трепетное благоговение перед святым духом охватывает путника, когда в сиянии месяца он видит мрачные развалины замков времен Крестьянской войны. Благо тому, кто, трезво глядя, не видит ничего другого, но кто счастливчик — а таков всякий, сведущий в истории,— тот увидит и охоту на людей, которую немецкое дворянство, самое грубое в мире, подняло против побежденных, увидит, как тысячами убивались безоружные, как их пытали, терзали и мучили, увидит, как из колышущихся хлебных полей таинственно кивают они, окровавленные крестьянские головы, как поет над ними страшный жаворонок, взывая к мести...»¹.

С разгромом массового движения крестьян и племен на долгие времена была исключена возможность ликвидации диктатуры местных феодалов, что открыло бы путь к общественному прогрессу. Изжившая себя общественная система стабилизовалась. Путь ко второму закрепощению был свободен. Поражение революции предопределило общественный регресс, низшая точка которого пришлась на годы Тридцатилетней войны.

¹ Генрих Гейне. Избранные произведения, М., 1950, с. 805.

Без денег Фуггера князьям было бы в тысячу раз труднее собрать достаточное количество солдат и оружия для борьбы против крестьян. Фуггера по праву можно назвать министром финансов в войне против крестьян. Торжествуя свою победу, он в июле 1525 г. шлет герцогу Саксонскому следующие полные цинизма строки: «Крестьянство у нас действовало... делая вид, будто оно хочет утвердить слово божье и евангелие. О том же, как оно было вознаграждено за это, Вашей княжеской милости, без сомнения, также известно»¹.

Не только немецкие князья вздохнули с облегчением, когда закончилось великое восстание крестьян и плебеев. Воспрянули духом и властители в Риме и Мадриде. Папа Климент VII поздравил Швабский союз с победой: «...ибо если бы вас не было.. то отвратительное буйство нечестивой ереси, порожденной толпой, охватило бы... всю Германию»².

Император Карл V шлет из испанского Толедо Георгу фон Вальдбургу благодарность за его услуги и вместе с титулом «наследственного имперского трухзеса» жалует ему замок Цейль близ Меммингена, которым его потомки владеют и поныне³. К этому были добавлены замок и имение Эберхардцелль и Швайнхаузен⁴. От австрийского монарха трухзес получил за свой разбой десятки тысяч гульденов. Кроме того, в качестве наместника Вюртемберга он стал получать ежегодное жалованье в размере 6000 гульденов⁵. За счет награбленных крестьянских денег палач народа приобрел недвижимость примерно на 106 000 гульденов, в том числе замок и имение Вальдбург⁶. У императора и князей были все основания осыпать милостями этого убийцу крестьян, а также банкирский дом Фуггеров в Аугсбурге, который

¹ Pölnitz. Jakob Fugger, S. 599.

² «Zur Geschichte des Großen Deutschen Bauernkrieges», S. 70—71

³ Joseph Vochezer Geschichte des fürstlichen Hauses Waldburg in Schwaben. Bd. 2 Kempten, 1900, S. 628.

⁴ Ebenda, S. 706

⁵ Ebenda, S. 626.

⁶ Ebenda, S. 717, 706.

столь решающим образом финансировал военную кампанию.

В качестве особой награды император Карл V в год жестокой расправы с крестьянами передает Якобу Фуггеру сроком на четыре года право на доходы испанской короны от трех крупных рыцарских орденов — в Сант-Яго, Калатрава и Алькантара, а также от ртутных копей Альмадены. Чистая прибыль внушительна. Фуггер может расширить сферу влияния и одновременно с увеличением добычи на испанских рудниках развивает свои предприятия в Тироле. Кровь крестьян превращается в серебро и золото. Фуггеры набивают ими сейфы...

Но пламя антифеодальной борьбы не погашено. Правда, после резни 1525 г. угнетенные народные массы уже не решались браться за оружие. Теперь многие старались добиться осуществления своих социальных идеалов мирными средствами. В Саксонии, Тюрингии, в южногерманских областях, Эльзасе, а также в Швейцарии широкий размах получила деятельность так называемых анабаптистов. Это оппозиционное движение крестьян и плебеев отвергало крещение детей, считая, что люди должны принимать крещение в зрелом возрасте. Человек должен сознательно избрать себе веру, а не подвергаться младенцем насильственному приобщению к той или иной вере.

Как бы невинно ни звучало это требование, оно тем не менее было протестом против несправедливого строя, объявлением борьбы господствовавшим в государстве авторитетам и церкви, которые не должны были более диктовать своим подданным веру. Светские и церковные власти восприняли это как вызов. Они быстро поняли — а анабаптисты это не скрывали, — что борьба против крещения младенцев означала нечто большее, а именно: стремление изменить экономический, социальный и государственный уклад в духе идей справедливости и общности имущества, обоснованных и проповедовавшихся доктринаами раннего христианства. В этом движении было несколько направлений, причем большинство анабаптистов принадлежало к течению пацифистов. Многие из них после Крестьянской войны собрались в

Аугсбурге. Несомненно, эта метрополия торговли и ткацкого ремесла во второй половине двадцатых годов XVI в. была главным центром немецких анабаптистов, во всяком случае, в 1526 и 1527 гг. там состоялись два их первых конгресса, в которых участвовали представители Франконии, Баварии, Австрии, а также Швейцарии.

Весной 1528 г. Швабский союз в сговоре с Антоном Фуггером организовал нападение на анабаптистов в принадлежавшем Фуггерам городке Вейсенхорне. Жертвами стали руководители движения. Среди арестованных анабаптистов, в числе которых было много ткачей, оказался также сын аугсбургского патриция Эйттельханс Лангенмантель, который, в частности, заявил: «Никто не должен говорить: это мое. Это принадлежит также и брату... Общество, в котором один богат и пользуется всеми благами, а другой беден и терпит лишения, не может называться христианским»¹.

Это было слишком. Конечно, Фуггер, которому было подчинено все в Вейсенхорне, включая судо-производство, без труда мог спасти анабаптистов. Но он не пошевелил и пальцем. Более того, он отклонил все попытки смягчить наказание арестованным или даже ходатайствовать об этом. Всем им, мужчинам и женщинам, 12 мая 1528 г. отрубили головы. Их гибель, прямая вина за которую лежиг на Фуггере, еще более укрепила его союз с домом Габсбургов. Антон Фуггер даже не мог сослаться на распоряжение имперских властей, так как лишь год спустя собравшийся в Шпайере рейхстаг утвердил указ Карла V, которым анабаптисты были приговорены к смерти, а их укрывательство запрещалось под угрозой наказания.

СОЮЗ С КОНТРРЕФОРМАЦИЕЙ

Если в ходе Крестьянской войны император, князья и городские патриции на время забыли о своих распрях и совместными усилиями также подавили

¹ Johann Loserth. Der Communismus der mährischen Wiedertäufer im 16. und 17. Jahrhundert. — «Archiv für österreichische Geschichte», Einundachtzigster Band, Wien, 1895, S. 234.

последнюю вспышку великих классовых боев ранней буржуазной революции — героически боровшуюся коммуну ана뱁тистов Мюнстера (1534—1535 гг.), то теперь, после ее окончания, различие интересов внутри господствующих кругов вновь выступило на передний план.

Определяющей тенденцией было стремление ряда местных светских феодалов к еще большему укреплению своего могущества. Излюбленным средством к достижению цели стало для них присвоение собственности католической церкви, которую тем легче можно было прибрать к рукам, чем быстрее они переходили в лютеранство. В некоторых землях империи князья создали суверенную церковную власть, выйсив себя в ранг территориальных епископов. Таким образом, «лютеранство в Германии стало послужным орудием в руках князей»¹, с помощью которого можно было осуществлять духовное закрепощение народных масс и угнетать их. Разумеется, представители духовенства оказывали сопротивление и защищали свое достояние. При объединении различных групп и представителей городской власти под лютеранским знаменем речь шла, следовательно, не столько о вопросах религии, сколько о вопросах власти. Местные феодалы — католики или протестанты — не раз переходили из одного лагеря в другой, выступая в зависимости от обстоятельств на стороне тех, от кого можно было ожидать наибольших выгод. Обе стороны без особых раздумий вступали также в союзы с правителями других государств — будь то католическая Франция или склонявшаяся к лютеранству Англия, религиозная принадлежность не играла при этом никакой роли.

Образовав в 1531 г. Шмалькальденский союз, протестантские князья создали направленный против императора и других поддерживавших Габсбургов католических сил инструмент борьбы за обеспечение своих политических интересов. Апофеозом борьбы тех лет стала Шмалькальденская война 1546—

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 22, с. 308.

1547 гг., в которой император, поддержаный папой, Фуггерами, а также испанскими и итальянскими войсками, добился столь крупного военного успеха, что после поражения протестантов в сражении при Мюльберге в 1547 г. распался также и Шмалькальденский союз.

Однако, одержав победу, Габсбурги не смогли воспользоваться ее результатами. Ибо князья, как католические, так и протестантские, вовсе не намеревались допускать неограниченного господства императора в немецких областях. Верный дотоле знамени императора и только что получивший от Карла V титул курфюрста Мориц Саксонский перешел в другой лагерь, став опаснейшим противником монарха. Под его руководством в 1551 г. несколько протестантских князей объединились против императора, вступив, кроме того, в союз с католическим королем Франции. Они двинулись против находившегося в Тироле Карла V, которому с большим трудом удалось избежать удара войск протестантских князей под командованием Морица Саксонского и уйти через Альпы в Филлах (Каринтия). Императору не оставалось иного выбора, как поневоле заключить 15 августа 1552 г. с саксонским курфюрстом Пассауский договор, в котором стороны пришли к согласию о религиозном мире вплоть до очередного созыва рейхстага.

На Аугсбургском рейхстаге 1555 г. протестантские земельные князья вынудили Карла V признать статус-кво, означавший, что каждое имперское сословие получало право объявлять в своей области в качестве обязательной угодную ему религию. *«Cuius regio, eius religio»* — у кого власть, у того и право определять религию для своих подданных. Это постановление упраздняло единовластие католической церкви и обязывало воздерживаться от применения силы в религиозных делах; однако спор о религиозных областях продолжался. Аугсбургский религиозный мир углубил государственную раздробленность раздробленностью религиозной. Провозглашенная Лютером «свобода христианина» свелась лишь к свободе для князей вставать на сторону тех, от кого они ожидали наибольших материальных выгод. Усилилось принуждение подданных повиноваться воле князей не только

во всех политических вопросах, но и исповедовать их религию.

А что дала эта «душеспасительная сделка» городам? Ничего — одни убытки; дело в том, что многие вольные имперские города чаще всего не спеша и встать на сторону протестантов и шли на это лишь под национальным народных масс. Однако при возникновении серьезной угрозы со стороны императорских войск католические городские патрицианские слои одерживали верх и подчиняли эти бастионы власти Габсбургов. Против вольных имперских городов вели борьбу и император, и князья; и тот и другие поочередно обирали их, взыскивая крупные суммы. Большинство вольных городов стало утрачивать свою былою политическую независимость в империи.

На чьей стороне участвовали Фуггеры в этой сложной и недостойной игре, в борьбе за власть и грабеж, не требует особых пояснений; операции императора в политической, религиозной и военной областях разрабатывались и утверждались во дворце Фуггера, этом центре немецкой и международной реакции.

Как это не раз случалось и в прошлом, во время Шмалькальденской войны, бунта князей и Аугсбургского религиозного мира между позициями Аугсбурга как вольного имперского города, с одной стороны, и его крупнейшим купеческим и банкирским домом — Фуггерами — с другой, возникали особенно глубокие противоречия.

В Аугсбурге победила Реформация. Образованный в июле 1535 г. муниципальный совет, в состав которого вошли люди, способствовавшие этой победе, чувствовал себя полновластным хозяином; в церквях проповедовали протестантские пасторы, жалованье которым выплачивал город и которые являлись его гражданами. С конца 1535 г. Аугсбург входил в Шмалькальденский союз; город, население которого к тому времени возросло до ста тысяч жителей, строил широкие планы на будущее. В 1537 г. он был в расцвете сил и славы. Однако политика богатых патрициев, и прежде всего Фуггеров, которые на всех крутых поворотах событий того времени неизменно

поддерживали Габсбургов, положила конец этому блестящему периоду в истории Аугсбурга.

Фуггер всячески поддерживал призывы императора к развязыванию Шмалькальденской войны, обещав использовать все свое влияние, которым он пользовался в городе. И он сдержал свое слово. Аугсбургские купцы заказали литейщикам орудия для императорской армии, снабдили ее копьями, порохом и боеприпасами и оказали действенную помощь в вербовке наемников. В результате манипуляций Фуггеров — проводников и главной финансовой опоры политики восстановления политических, военных и экономических позиций католицизма — решающим образом укрепились позиции католического лагеря, служившего интересам императора.

Аренда «maestrazgo» (доходы короны от испанских рыцарских орденов), продленная Фуггерам Карлом V по истечении срока первого договора, служила гарантией предоставленных императору займов и открывала новые резервы для императора. Фирма Фуггера в эти годы полностью оправдала свою репутацию военного банка монарха.

Так, 6 апреля 1546 г. уполномоченные императора обсудили с Антоном Фуггером в Донаувёрте все аспекты программы наступательных действий и скоординировали действия южногерманского банкирского дома с действиями императора. В июне 1546 г. Антон Фуггер предоставил для нужд короны сумму, в три раза превышавшую субсидии всех других состоятельных оптовых торговцев — 530 000 флоринов; в эту сумму не входили трудно поддающиеся учету поступления из Антверпена, Италии и Испании. Кроме того, он помог императору выплатить жалованье его испанским войскам в Милане, Венгрии и Неаполе. Благодаря этому монарх смог двинуть их в поход, а также продолжить вербовку солдат для новых полков. Злейшими врагами Шмалькальденского союза, на деньги которых только и мог существовать император, народ называл Баварию и вместе с ней Фуггеров.

С самого начала боевых действий в июле 1546 г. вплоть до сентября того же года военное и финансовое положение шмалькальденцев непрерывно ухудша-

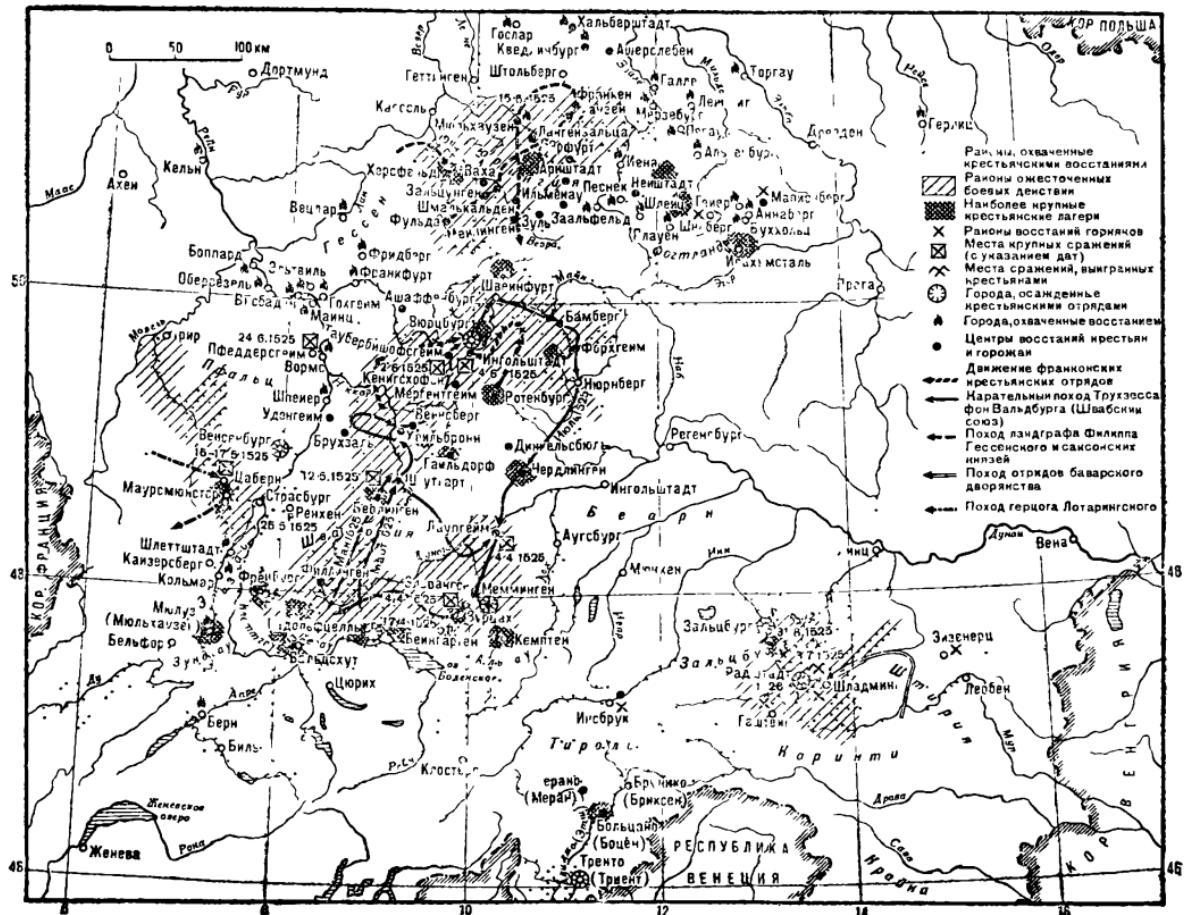
лось, в то время как императору, опиравшемуся на щедрую поддержку аугсбургского банкирского дома, удалось собрать воедино все свои войска.

Поскольку Аугсбург, как член Шмалькальденского союза, был обязан оказывать ему помощь, Союз, естественно, обратился за соответствующей поддержкой также и к Фуггерам — гражданам этого имперского города. Однако, как и следовало ожидать, реакция Антона Фуггера была отрицательной. Он отговорился тем, что не располагает деньгами; то, что поступает в качестве доходов, необходимо ему самому, чтобы «выжить» и уплатить долги и проценты.

Опасаясь гнева народа, от которого не ускользнули новые сделки богатого банкирского дома с короной, осмеянные в песнях, заклеймивших Фуггеров как Иуду Аугсбурга, все члены семьи до начала военных действий в июле 1546 г. покинули город. Всех их вместе с посыльными и служащими Карл V взял под защиту империи. Фуггеры могли повсюду свободно передвигаться, без ограничений вести торговлю и заниматься своим промыслом, на них не должна была распространяться опала, которой мог быть подвергнут имперский город Аугсбург. Повелением императора имперскому суду воспрещалось возбуждать дела против Фуггеров и их собственности. Договоры с Фуггерами должны были соблюдаться, платежные обязательства перед ними следовало выполнять в срок. В благодарность за эту охранную грамоту Антон Фуггер в июле 1546 г. срочно переправил императору 20 000 гульденов, оставил со своей свитой имперский город и укрылся в своих владениях.

В ходе военных действий под угрозой оказалось имение Фуггеров в Оберндорфе, опасность грозила также их замку Глётт и другим усадьбам. Чтобы устраниТЬ ее, император направил в имения Фуггеров воинские части. В 68 местах также были приняты меры защиты в виде охранных грамот его величества или императорского герба, вывешенного на домах и дверях. Император высоко оценил Антона Фуггера, отметив его заслуги похвалой: он, император, «спас империю благодаря деньгам Антона Фуггера»¹.

¹ Einst Hering. Die Fugger. S. 224.

Эта похвала вполне обоснована. Деньги, собранные в кратчайший срок, с самого начала предрешили исход Шмалькальденской войны. А деньгами располагал прежде всего первый дом Аугсбурга. В этом смысле шмалькальденцы были правы, говоря, что без Фуггеров император не смог бы ни начать, ни вести войну¹.

В течение этих недель, как не раз случалось и ранее, судьба Карла V и европейской реакции была в руках Фуггеров. Их богатство и кредиты определяли ход войны, оказывая тем самым влияние на государственную политику. Вследствие превосходства искусно действовавших императорских войск, раскола, внесенного в ряды Шмалькальденского союза, и отсутствия финансовой поддержки шмалькальденцы в конечном итоге в июне 1547 г. были разбиты.

Перешедшему на сторону Реформации «городу отступников» Аугсбургу и другим протестантским областям пришлось жестоко поплатиться за «тяжкие оскорблении императорского величества». После завершения Шмалькальденской войны местом унижения своих врагов император избрал из союзников протестантов именно Аугсбург: самый прославленный и самый богатый из немецких городов должен был стать для всех примером того, какими последствиями чревато любое выступление против союза императора и Фуггеров.

В наказание и искупление своей вины Аугсбург должен был уплатить около 200 000 гульденов. Кроме того, потребовались крупные суммы, чтобы умилостивить сановников императорского двора: Николас Перренот Гранвела, могущественный царедворец Карла V, и его ближайшие родственники получили драгоценности: герцогу Альба, второму по значению придвор-

¹ Король Фердинанд I также пользовался деньгами Фуггеров для ведения войны против протестантов. Согласно высказанному его братом Карлом V пожеланию, он в мае 1546 г. прибыл в Регенсбург на заседание созданного для вида рейхстага, чтобы обсудить план войны. Фердинанд установил связь с находившимися в Регенсбурге купцами и вел переговоры с Антоном Фуггером о получении от него в июле 1546 г. займа в размере 110 000 флоринов в счет доходов от неаполитанских владений. В марте 1547 г. последовали новые сделки на сумму 30 000 флоринов, и в апреле 1547 г. — план нового займа.

ному императора, ставшему впоследствии палачом протестантов в Нидерландах, были поднесены четыре аркебуза и увесистые золотые кубки стоимостью 3000 крон, вице-канцлеру Иоганну Навесу — крупная сумма денег. Фуггер выступал при этом в роли посредника, направляя поток денег и золота из запасов города и рук горожан в карманы Карла V и его свиты. Чтобы смягчить гнев императора, пришлось лишить должностей и изгнать из города протестантских «изменников» и подчиниться решению поставить в город императорский гарнизон численностью 900 солдат. Командир гарнизона получил взятку в виде золотых цепей, кубков, бочонков дорогого вина, ему был выдан аванс в 10 000 гульденов для оплаты наемников, присланных, чтобы держать в повиновении жителей города. Вернувшемуся в Аугсбург преданному папе и императору духовенству были переданы церкви, монастыри и духовная власть.

Хотя император любил показать себя «кротким, благочестивым повелителем», жители Аугсбурга должны были почувствовать, что в действительности он был жестоким, не терпевшим возражений деспотом, державшим в руках жизнь и смерть своих подданных и не знавшим пощады иноверным. Вступив в город, он для поддержания дисциплины и порядка, а также для устрашения горожан приказал соорудить на Рыбном рынке виселицу, а напротив нее «живодерню» — высокий помост, на котором обезглавливали, колесовали, четвертовали или иными жестокими способами казнили осужденных на смерть. На волне кровавого потока Фуггеры вновь оказались в ратуше Аугсбурга. В число новых членов городского совета, который, как орган власти императора, действовал в духе католической реакции, входили три представителя семейства Фуггеров, занявшие места изгнанных муниципальных советников. Эти ставленники императора наложили под страхом «телесного наказания и смертной казни» запрет на собрания цехов, ставших оплотом борьбы против католицизма, лишили их политических прав, привилегий и свобод, добились аннулирования их договоров и патентов и конфисковали их имущество, в результате чего цехи формально прекратили существование. Путем подобных мер и иных ре-

пресий позиции католицизма в Аугсбурге были восстановлены, и успокоенный император, более года самолично вмешивавшийся в управление городом, покинул его.

Назревавшее новое военное выступление против сил княжеского партикуляризма, так называемый «бунт князей» под руководством протестантов во главе с Морицем Саксонским, активизировало в Аугсбурге сторонников и противников этого движения. Богатые семьи вновь покидали Аугсбург, спасая жизнь и собственность; в городе проводились смотры пехоты и кавалерии; все эти мероприятия по подготовке к войне проводились в тесном контакте с находившимся в Инсбруке императором.

Весть, что город Донаувёрт предложил князьям открыть ворота для их войска, которое «вытянуло голову в сторону Аугсбурга»¹, была воспринята Антоном Фуггером как сигнал тревоги: город следовало любой ценой удержать за императором. Фуггер спешно направился в Инсбрук. Однако вскоре после его отъезда, 4—5 апреля 1552 г., Аугсбург без сопротивления сдался князьям, которые в качестве одной из своих первых мер, направленных на завоевание симпатий горожан, восстановили в прежних правах старый муниципальный совет и цехи.

Верный сообщник императора, Антон Фуггер остался при нем, считая себя представителем смешенного тем временем совета правителей Аугсбурга. Действуя рука об руку с военачальниками императора, он неутомимо занимался вооружением его армии. Он не только спас в 1552 г. от поражения отступавшего под ударами войск Морица Саксонского императора, предоставив ему заем в размере 400 000 дукатов («Филлахский заем»). Обеспечением займа служили: трофеи одного из испанских крестовых походов, испанская церковная утварь, возвращавшиеся из Америки флоты с грузом золота и серебра, а также королевские доходы в Кастилии². В то время Фуггер —

¹ Friedrich Roth. Augsburgs Reformationsgeschichte. Vierter Band: 1547—1555. München, 1911, S. 425.

² 5 марта 1552 г. Антон Фуггер изъявил готовность уплатить в счет доходов от рудников Халля 11 000 гульденов королю Фер-

официально или неофициально, это не столь важно — выполнял обязанности императорского казначея. Чрез его руки проходили все основные соглашения и платежи, все сделки императора. Он взял на себя оплату долгов кредиторам императора, а также подкуп его противников, он выплачивал жалованье кавалерии и пехоте, платил за поставляемые императору орудия и лошадей. Во всем, что касалось ведения дел императора, он пользовался полной свободой действий. В распоряжении Антона Фуггера было все, к чему он всегда столь неудержимо стремился: золото, деньги, слитки серебра из Америки и Испании. Согласно указу императора, он мог беспошлинно получить из Испании любые нужные ему товары, переправить их в любое место и продать — единственное в своем роде свидетельство доверия, открытый кредит!

Как и император, он также стремился вновь подчинить своему влиянию вольные имперские города, и прежде всего Аугсбург. И это оказалось возможным, поскольку протестантские князья не были заинтересованы в сохранении власти и независимости городов. После заключения в 1552 г. Пассауского договора они отвели войска на свои территории, выдав, таким образом, южногерманские города на милость императора. Карл V ознаменовал это событие расправой над Аугсбургом.

Уже 13 августа 1552 г., за восемь дней до вступления императора в Аугсбург, императорский советник Ханс Якоб Фуггер (1516—1575 гг.) подготовил и представил широкую программу подавления любой оппозиции, или, по его словам, «оздоровления» своего родного города. В качестве «оздоровительного средства» он предложил покарать противников габсбургского деспота огнем и кипящей серой. Переход Аугсбурга на сторону взбунтовавшихся князей он назвал «заговором горстки злодеев», выступивших против бога и власти, против закона и чести.

Как же следовало поступить с преступниками? Фуггер предлагал лишить их должностей и каждого наказать по заслугам: тех, кто, подобно аугсбургско-

динанду на ведение войны против князей, наступавших на Тироль и стремившихся захватить важные горные проходы в Альпах.

му купцу Якубу Герброту и другим, провинился «демом», надлежало подвергнуть пыткам, заставив признаться в своих «действиях», и вынести им смертный приговор; у именитых и богатых следовало также конфисковать часть имущества. Провинившихся дерзким словом надобно было точно так же «допросить», кого следовало — «со строгостью», взыскать с них денежный штраф или изгнать из города. Далее он рекомендовал учредить систему слежки за корреспонденцией вызывавших подозрение граждан и поставить в город «внушительный гарнизон» силой не менее пяти рот сроком на один-два года. Этих наемников Фуггер предлагал расквартировать у ткачей, которые «не пожелали всерьез биться с врагом [при сдаче города протестантским князьям в апреле 1552 г. — А. Н.], а требовали мира, а потом... злословили у ткацкой палаты его величества, не хотели пустить императора в город, намеревались воевать с ним». Получив на постай солдат-мародеров, обосновывал свое предложение Фуггер, ткачи и испытали бы вдосталь войну в собственном доме¹.

Он жаждал беспощадной расправы с гражданами своего города. Это стремление определяло его действия против тех, к кому он взыывает о милосердии, когда речь шла о его собственности. Ибо тот же самый Ханс Якоб Фуггер во время войны князей, почти в то же самое время, когда он сочинял свой пресловутый меморандум, просил бургомистра Герброта ходатайствовать перед протестантским курфюрстом Морицем, чтобы тот оградил от ущерба расположенные неподалеку от Донаувёрта имения Фуггера.

Когда император в сопровождении герцога Альбы, множества полков и вызвавшей сенсацию артиллерию 20 августа 1552 г. вступил в Аугсбург, ему по традиции был устроен пышный прием в доме Фуггеров. Через четыре дня началось судилище. Суду было предписано действовать в основном в соответствии с предложениями Ханса Якоба Фуггера. Лишь в исключительных случаях император смягчал меру предложенного наказания. В довершение всего он повелел

¹ Friedrich Roth. Augsburgs Reformationsgeschichte. Vierter Band, S. 501—507.

епископу Аррасу (сыну умершего к тому времени Гранвела) и герцогу Альбе взыскать с города, финанссы которого были полностью истощены, внушительную контрибуцию. Когда ему было предложено 20—30 тыс. гульденов, он потребовал 100 тыс. и получил их. Следуя его примеру, король Фердинанд I настойчиво стремился вынудить Аугсбург к выплате крупной суммы, по возможности такой же, как и его брату. Он также потребовал 100 000 гульденов. В ночь перед отъездом из города император приказал сотне своих людей разграбить имение бургомистра Герброта, сдавшего город протестантским князьям. В конечном счете в результате интриг Ханса Фуггера, организовавшего против Герброта подлинную травлю, он был изгнан из города.

Хотя Аугсбургский религиозный мир 1555 г., отразивший банкротство великоледжавных устремлений Габсбурга, санкционировал «свободу религии» для имперских сословий, целью этой династии по-прежнему оставалось сохранение единовластия. Этой цели служила прежде всего политика реставрации католицизма, направленная на противодействие Реформации и восстановление утраченных позиций церкви как в империи, так и в Европе в целом.

Также и папская церковь была вынуждена приспосабливать свое учение к новым условиям. Это осуществлялось путем внутренних реформ, принятых на Триентском соборе, продолжавшемся с длительными перерывами с 1545 по 1563 г.; решения собора стали идеологической основой католической контрреформации.

Одним из важнейших инструментов проведения этой контрреформации стал утвержденный в 1540 г. орден иезуитов. Используя утонченные методы воздействия, ему удалось привлечь на свою сторону множество последователей. Там, где преследовали протестантов, где вновь укреплялся католицизм, иезуиты были в первых рядах. Иезуитство как форма католицизма, приспособленная к абсолютистскому княжескому правлению, имело во всех открытых к тому времени частях света многочисленные опорные пункты и в лице духовников поставляло князьям опытных министров. Наряду с Габсбургами под влиянием иезуи-

тов активным поборником реставрации католицизма стала Бавария.

Что касается Фуггеров, то они и после отречения от престола (1556 г.) и смерти Карла V (1558 г.) сохранили свои позиции финансового оплота феодально-клерикальной реакции. Они содействовали не только политике испанских и австрийских Габсбургов, но также и ударному отряду сил реставрации католицизма — ордену иезуитов. Совет Аугсбурга и даже соборный капитул долго сопротивлялись допуску иезуитов в город. Однако в 1579 г. благодаря пожертвованию Фуггеров, предоставивших земельный участок, расположенный у самого собора, и внесших 30 000 гульденов, в Аугсбурге были учреждены школа иезуитов и связанная с ней гимназия. В последующие годы кассы активных поборников контрреформации не раз пополнялись деньгами Фуггеров. Иезуиты получили 16 000 и позднее (1598 г.) — еще 40 000 гульденов, а также восемь домов. Поддержкой Фуггеров пользовался также и учрежденный в городе орден капуцинов; в 1601 г. они построили на своей земле монастырь и церковь для ордена нищенствующих монахов и, наконец, восемь лет спустя помогли вернувшимся в Аугсбург францисканским монахам возвести новый монастырь и связанное с ним духовное училище.

Этой политикой Фуггеры содействовали укреплению феодального строя и усилению бесправия народных масс. Римская церковь, лишившаяся в результате Реформации огромных земельных владений и крупных доходов, утратившая в значительной мере политическую власть и духовное влияние, установила жесточайшую цензуру над всеми литературными произведениями, над школами и университетами, парализовала деятельность лютеранских сословий деревень и городов. Этот реставрированный католицизм, пользовавшийся средствами идеологической, политической и военной борьбы, душил зачатки антифеодально-буржуазного развития, преследовал все демократические и прогрессивные силы и делал все, чтобы вновь подчинить страну неограниченной власти папства и таким образом также испанскому господству. Но вопреки всем гонениям, вопреки помощи Фугге-

ров расчеты сил католицизма оправдались неполностью. Протестантизм и католицизм продолжали существовать — хотя и в противоборстве — рядом друг с другом.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ НИДЕРЛАНДОВ

Бесконечные военные авантюры, начатые Карлом V и продолженные его сыном Филиппом II, подорвали силы Испании. Вмешательство во французскую гражданскую войну между католиками и гугенотами завершилось для Испании поражением. Результатом войны против Англии было уничтожение «непобедимой» испанской армады. В итоге длившейся многие десятилетия и поглотившей огромные силы военной борьбы с Нидерландами Испания в конце концов была вынуждена окончательно признать завоеванную в ходе нидерландской революции независимость Голландии. Эта война бросила зловещую тень на всю вторую половину XVI в. и продолжалась в следующем столетии. Это была самая тяжелая по своим последствиям, связанная с самыми крупными жертвами военная кампания Испании.

Революционная борьба Нидерландов против Испании была трижды прогрессивна: это была национальная борьба за освобождение от чужеземного, испанского гнета; в то же время это была классовая борьба народа Нидерландов, в которой главную роль играла буржуазия, против крупнейшей феодальной державы Европы и не в последнюю очередь это была победоносная борьба протестантизма против самой могучей и самой реакционной силы католицизма.

Перед нашим взором предстает, говоря словами Фридриха Шиллера, «прекрасный памятник бюргерской силы», мы имеем дело с событием, «в котором угнетенное человечество борется за свои благороднейшие права... и решимость отчаяния в неравном бою одерживает победу над страшными хитросплетениями тирании»¹. Именно в неравном бою — ибо в

¹ Фридрих Шиллер. История отпадения объединенных Нидерландов от испанского владычества. Собр. соч., т. VII. М.—Л., 1937, с. 1.

середине XVI в. Испания все еще была державой, перед которой трепетала Европа, а ее повелитель — воистине непобедимым правителем того времени.

Где же было место Фуггеров в этой борьбе, к которой было приковано внимание всей Европы?

Они были на стороне тех, чьи помыслы и дела целиком подчинены целям национального порабощения, идеологической опеки и экономического ограбления.

В XVI в. Нидерланды относились к числу наиболее прогрессивных в экономическом, политическом, социальном и культурном отношении государств Европы. Общее собрание представителей, называвшееся Генеральными штатами, связывало воедино 20 провинций¹, пользовавшихся автономией в решении политических, административных, финансовых и юридических вопросов.

В стране прочно утвердился кальвинизм² — далеко выходящее за рамки лютеранской идеологии течение. Отвечавшее социальным потребностям торговой и мануфактурной буржуазии, это учение обосновывало ее призвание господствовать и необходимость выборных органов, в задачу которых входило следить за соблюдением религиозных обязанностей, а также за трудолюбием, скромностью и умеренностью, бережливостью и строгостью нравов в общинах. «При том устройство церкви Кальвина было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные

¹ В 1555 г. это были провинции Брабант, Фландрис, Артуа, Геннегау, Голландия, Зеландия, Намюр, Уtrecht, Савойская Фландрис, Валансиен, Мехельн, Фрисландия, Оверэйсел, Гронинген, Лимбург, Люксембург, Гельдерн, Турнези, Турнэ, земли по ту сторону Мааса. См. также: СИЭ, т. 10, с. 195.—Прим. перев.

² Жан Кальвин (1509—1564 гг.) родился в семье высокопоставленного служащего епископата в г. Нуайоне на севере Франции. Он изучал право и теологию и вошел в соприкосновение с протестантизмом, побудившим его к разрыву с католической церковью и ее учением. В 1536 г. издал в Базеле свое знаменитое теологическое сочинение «Наставление в христианской вере». В 1536 г. Кальвин переселился в Женеву, откуда началось победоносное шествие его учения, ставшего смертельным врагом католицизма.

царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов?»¹

Естественно поэтому, что кальвинизм с его открытой враждой к феодальной реакции, к римской церкви и воинствующему католицизму испанских деспотов становился все более популярным в бюргерской среде.

Эти прогрессивные взгляды, чрезвычайно благоприятное географическое положение и экономические успехи энергичного народа обусловили более быстрое раннекапиталистическое развитие Нидерландов, нежели империи в целом. Этот прогресс мешал Фуггерам, тем более что аугсбургскому торговому дому с течением времени становилось все труднее конкурировать с нидерландским купечеством. До сих пор значительная часть сделок Фуггеров в торговле перцем, ртутью, медью и киноварью осуществлялась через Нидерланды. Агенты Фуггеров отправляли на испанских кораблях из Антверпена в Андалузию, Англию и в другие части света вейсенхорнскую бумагу. Крупные международные финансовые и кредитные сделки заключались также главным образом на антверпенских ярмарках.

Теперь же, когда им стало труднее продвигать свои товары и капитал на рынки стремившихся к развитию собственной экономики стран Западной и Северной Европы, они начали все шире опираться на деспотические средства насилия испанской короны. Фуггеры стремились любой ценой удержать за собой свои позиции на мировом рынке. И в этом их планы совпадали с целями властителя Испании, добивавшегося полного включения в свою империю богатых провинций Нидерландов, входивших в состав его наследственных земель².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 22, с. 408.

² В 1555 г. император Карл V передал управление Нидерландами своему сыну Филиппу II. Получив еще ранее от него Милан, Филипп II в 1554 г. вступил во владения Неаполем и Сицилией. В 1556 г. Карл V передал Филиппу II королевскую корону и вместе с ней — Испанию (Кастилию и Арагон), а также колонии в Америке. Император Карл V скончался в 1558 г. Перед смертью он помог своему брату Фердинанду I вступить на трон императора «Священной Римской империи».

Чтобы полностью подчинить страну испанскому господству, Филипп II лишил всех прав ее выборные органы, разместил там наемников, подавив с их помощью все попытки отстоять независимость, увеличил число епископств, опутав Нидерланды крепкой сетью церковного надзора с целью преследования кальвинистов, анабаптистов и всех тех, кто вел борьбу против его политических и религиозных принципов.

Как мы видим, многие религиозные войны XVI, и не только XVI в., носили характер классовых схваток, обусловленных сугубо материальными причинами и преследовавших далеко идущие цели борьбы за политическую власть, даже если эта борьба велась под флагом религиозных распрай.

Когда народ Нидерландов стал оказывать сопротивление, а не получавшие жалованья испанские наемники отказались нести службу, на выручку пришли Фуггеры. Они ублаготворили всех наемников, уплатив им полмиллиона гульденов и бросив их на расправу с народом, насилия над которым достигли апогея с появлением в стране герцога Альбы (1567 г.) и его войска. Росло число жестоких приговоров и актов сожжения. Повсюду пылали костры, тысячи жителей гибли под топором палача: это были бюргеры, именитые патриции и дворяне, среди которых оказались казненные в 1568 г. наместники граф Эгмонт и граф Горн. Только лишь в провинциях Голландия и Фрисландия жертвами инквизиции стали более 18 000 жителей.

Несмотря на конфискацию имений и огромных денежных сумм у осужденных и возбуждавших подозрение лиц, государственная казна была пуста. Оплачивать расходы на интервенцию в Нидерландах продолжал, в сущности, лишь аугсбургский банк Фуггеров. Так, крупные займы были предоставлены Антоном Фуггером Филиппу II в 1548, 1551, 1553, 1556 и 1557 годах. Вслед за этим в 1559 г. Фуггер дважды посыпал ему серебро общей суммой 570 000 дукатов.

Финансовые сделки, направленные на подавление национальной освободительной борьбы в Нидерландах, продолжались также и после смерти Антона

Фуггера. В частности, с 1560 по 1567 г. агент Фуггеров в Испании переслал 100 000 дукатов в Антверпен, перевел путем ловких вексельных сделок 200 000 крон во Фландрию, а затем осуществил еще несколько кредитных операций в сохранивших свою цену дукатах.

Когда жители Нидерландов в результате новых поборов алчного и кровожадного герцога Альбы оказались в 1559 г. на грани разорения, восстание с новой силой вспыхнуло во всех провинциях. Торговая буржуазия, народные массы города и деревни, поддержаные 24-тысячной армией Вильгельма Оранского, начали освобождение Нидерландов. Получившие когда-то от испанской камарильи презрительную кличку «gueux» — нищий сброд, — они с гордостью называли себя «гёзами». Оскорбительное прозвище стало почетным званием. Порабощенный народ Нидерландов поднял знамя антииспанской революции.

В связи с этим народным выступлением Фуггеры вновь поспешили на помощь королю, предоставив ему внушительные кредиты. К 1572 г. нидерландская война стоила Испании уже значительно больше чем 42 млн. пиастров. Ни награбленное в Америке серебро, ни деньги Фуггеров не помогли Филиппу II добиться победы.

А на Испанию одно за другим обрушаются государственные банкротства. В 1575 г., когда в рядах стоявших в Нидерландах войск вспыхивает опасный мятеж, вызванный неуплатой жалованья, на помощь вновь приходят Фуггеры, которые дают еще 200 000 крон. Взбодренная и подкормленная таким путем испанская солдатня делает последний бросок; в 1579 г. Антверпен оказывается в руках этих душителей. Они грабят город, сжигают более 500 домов, убивают 8000 жителей; ущерб составляет 24 млн. гульденов. Следует сказать, что в результате разгрома Антверпена также и Фуггеры заслуженно понесли трудно восполнимый ущерб. Они сами столь усердно помогали пилить сук, на котором сидели, что в конце концов потерпели крушение. Им уже не помогло повеление лежавшего на смертном одре короля Филиппа II, подписанное в 1598 г., вновь подчинить ис-

панскому господству семь провинций Нидерландов¹. Финансовое могущество Фуггеров подошло к концу, его закат (о котором далее будет сказано подробнее) стал неизбежным.

Основанная в 1581 г. республика Соединенных провинций и складывавшийся там буржуазно-аристократический строй означали, однако, исторический прогресс в Европе. Нидерланды стали «образцовой капиталистической страной XVII столетия»². Ибо торговая буржуазия этой страны отличалась от немецкой буржуазии не только своим отношением к мануфактурному производству, которое она активно развивала, — она с совсем иной последовательностью участвовала в освободительной борьбе против национального угнетения и феодализма. Только таким путем, когда немецкая буржуазия деградировала, буржуазия Нидерландов могла выйти на мировую арену и способствовать тому, что «мировая торговля и мировой рынок» открыли «в XVI столетии новую историю капитала»³.

Своей успешной борьбой за буржуазное национальное государство Нидерланды намного опередили немецкую буржуазию. Это было еще одной причиной, чтобы отвергнуть не только власть Испании, но и находившуюся под господством Габсбургов германскую империю. Дальнейшее пребывание в ее составе нанесло бы ущерб интересам нидерландской буржуазии и значительно затруднило бы ее прогрессивное развитие. В решающей схватке между феодально-абсолютистской деспотией Испании и боровшимися под знаменем кальвинизма буржуазно-аристократическими Генеральными штатами католицизм, опорой которого была ось Мадрид — Рим, и феодальная система Европы потерпели серьезное поражение.

Форсированная Фуггерами попытка подчинения Нидерландов гнету феодализма привела бы в случае успеха к низведению достигшего высокого уровня общественного развития государства с прогрессировав-

¹ Фрисландия, Гелдерн, Гроинген, Голландия, Оверэйсел, Зеландия, Уtrecht

² К Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 23, с. 761.

³ Там же, с. 157.

шим капиталистическим способом производства до положения слабой, незначительной страны. Фуггеры, которые в период своего возвышения с присущей представителям раннего капитализма энергией содействовали процветанию мировой торговли и ремесленного производства, а также горного дела, стали теперь серьезной помехой развитию экономики, врагами буржуазии, паразитировавшими на разграблении других стран, стремившимися поживиться за счет чужого богатства.

Фанатичные католики, они содействовали, например, тому, что вследствие контрреформации имперские города утратили свое значение, бургерство было постепенно лишено возможности своего существования; теперь они хотели уготовить такую же судьбу Нидерландам. Ведь не на что иное, как на карательные экспедиции испанцев и их грозную инквизицию, пошло более миллиона выплаченных короне гульденов. Добиваясь мирового экономического господства, монопольного положения на рынках, Фуггеры всегда стремились убрать со своего пути всех конкурентов. Своими злейшими врагами они считали прогрессивные слои, отказывая им в праве на борьбу за свое освобождение от рабства, подневольного труда и духовной опеки.

В конце концов произошло то, что всеми силами старались предотвратить Фуггеры: в результате победы Нидерландов Испания утратила свои господствующие позиции в Европе и была вынуждена окончательно отказаться от планов создания великодержавной католической монархии. Вестфальский мир 1648 г., завершивший Тридцатилетнюю войну, окончательно подтвердил независимость и выход из состава империи Нидерландов, народ которых в течение 80 лет вел борьбу против испанского феодального абсолютизма и его гегемонистских и экспансионистских устремлений.

Все эти войны, которые вел Мадрид в XVI в. и которые продолжались в XVII в., служили в конечном итоге одной цели — подчинению молодых или возникавших национальных государств испанской тирании или сохранению этой тирании. Здесь шло противоборство сил реакции и прогресса. И если обе сторо-

ны пользовались одинаковым оружием, то классы и идеи в этой борьбе были различны.

Войны истощили Испанию, вызвав быстрый рост налогов, что в свою очередь довершило разорение населения, которое было ускорено враждебной политикой монархии в отношении городов. Со второй половины XVI в. начался непрерывный упадок торговли, ремесла и сельского хозяйства. Лишь испанское дворянство богатело на католических войнах — путем бесконечного жестокого ограбления завоеванных американских территорий по ту сторону океана, путем назначения своих представителей на многочисленные командные посты и офицерские должности в войсках и опустошения европейских стран, ставших ареной вооруженных конфликтов. Через столетие после основания блистательной испанской великой монархии от нее осталась одна тень. Мировая держава превратилась во второразрядное государство, в котором благоденствовали только церковь и монархическая верхушка со своим крупнопоместным высшим дворянством.

V. ЗАКАТ И НОВОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ

КОНЕЦ ТОРГОВОГО И БАНКИРСКОГО ДОМА

Упадок Испании коснулся также и южногерманской фирмы. В 1546 г., когда предприятие Фуггеров достигло вершины своего экономического могущества, его деловые связи распространялись прежде всего на Испанию. Из общей суммы доходов в размере 7 211 343 гульдена 2 220 027 гульденов приходились на Иберийский полуостров. На втором месте был Антверпен, где доходы, составившие 1 502 546 гульденов, более чем вдвое превышали доходы центрального банка Фуггеров в Аугсбурге. В сравнении с доходами, полученными в 1527 г., Фуггеры записали тогда в свой приход в Испании и Антверпене в четыре раза большую сумму, что свидетельствует о перемещении сферы их влияния, сопровождавшемся ослаблением активности фирмы в горном деле и торговле в Венгрии, а также изменениями их позиций в Италии. Генуя служила им в те годы лишь промежуточным пунктом в торговле на Пиренейском полуострове, римская фактория имела тогда не столько торговько-политическое, сколько символическое значение; лишь филиал в Неаполе, через который Фуггеры поддерживали деловые связи с австрийскими Габсбургами, действовал в полную силу.

В 1556 г. положение коренным образом изменилось. Король Филипп II предпринял незаконную попытку освободиться от неослабевавшего бремени военных расходов и от других неуплаченных государственных долгов: королевским указом он вновь подчинил короне ее переданные в залог под займы частных компаний доходы, а год спустя приказал прекра-

тить все платежи своим кредиторам как в Испании, так и в Нидерландах. Лишь через пять лет после этого первого государственного банкротства 1557 г. между Фуггерами и правящим домом Испании было достигнуто компромиссное соглашение о погашении огромных займов. Был снижен процент, в аренду Фуггерам передаются «маестразгос», однако на значительно менее выгодных для них условиях.

Второе государственное банкротство Испании в 1575 г. наносит Фуггерам новый ущерб, что не удерживает корону от дальнейших вымогательств с целью получения от банкирского дома новых, причем немальных, сумм, необходимых Испании для победы в войне с Нидерландами. В то время как для Фуггеров сохраняются некоторые льготные условия, другие фирмы их не имеют. С 1556 по 1584 г. не менее 70 аugsбургских фирм, среди которых немало крупных, пользующихся известностью в мире компаний, оказываются на грани разорения. Фуггеры уже не в состоянии избежать нависшей над ними угрозы. Им более не удается поправить свои дела. Не помогает и их особая приверженность реакционной и агрессивной политике монарха. Более сильный разбойник не знает пощады. Испанский канцлер Оливарес сказал об этом с полной определенностью: «Договор должен состояться, даже ценой разорения Фуггеров»¹.

Особенно тяжелыми были потери Фуггеров в результате третьего государственного банкротства в 1607 г.; они выразились в колоссальной сумме — $3\frac{1}{4}$ млн. дукатов. К тому времени их оборотный капитал составлял не более 700 000 гульденов и продолжал уменьшаться. В обороте банкирского дома было уже 2 млн. гульденов чужих денег, и ему лишь с огромным трудом удавалось изыскивать средства для срочных платежей процентов.

Уходит в прошлое и время расцвета Аугсбурга как одного из центров мировой торговли. Хотя ряду солидных фирм удается, несмотря на тяжелые потрясения, продержаться вплоть до начала XVII в.,

¹ A. Stauber. Das Haus Fugger, S. 70. Имеются в виду требования испанских Габсбургов к Фуггерам оказать финансовую поддержку короне.

в 1614 г. терпит банкротство и сходит с исторической сцены компания Вельзеров, а в 1627 г. последней из числа аугсбургских фирм прекращают участие в эксплуатации медных рудников Нейзоля Релингеры. Положение Фуггеров становится все более шатким, убытки сотрясают компанию.

В 1560 г. умирает Антон Фуггер, распорядившийся в завещании, чтобы в течение шести лет фирма была упразднена. Один из двух его наследников, племянник Ханс Якоб бежит от кредиторов, поступив на службу к герцогу Альбрехту V Баварскому. В 1575 г. производится раздел наследства. Дела идут все хуже. Фирма вновь теряет крупные суммы: к 1610 г. потери достигают примерно 4 млн. гульденов, и оборотный капитал не превышает упомянутых уже 700 000 гульденов. В эти годы Фуггеры выступают главным образом лишь в качестве посредников между правительствами и иностранными кредиторами. С началом Тридцатилетней войны, в 1618 г., расстройство дел и финансовые потери фирмы достигают низшей точки.

Если в ходе противоборства протестантских и католических группировок князей доминирующим было их стремление к дальнейшему расширению сфер своего господства и к полной независимости от центральной власти, то эта самая продолжительная и самая крупная война периода перехода от феодализма к капитализму представляла собой, с одной стороны, развернувшуюся в европейском масштабе борьбу между прогрессивной республикой Соединенных провинций и реакционным испанским феодальным абсолютизмом; с другой стороны, это была яростная схватка находившихся на различных ступенях развития феодальных государств. Характерными в этом отношении были стремление Франции к гегемонии в Восточной Европе и попытка Швеции установить свое господство в районе Балтийского моря. Основой этих устремлений обоих государств также была острая вражда к политике Испании Габсбургов.

Поскольку во время войны у всех ее участников еще более возросла потребность в деньгах, повысились также требования и к Фуггерам. В 1626 г. испанский король вынудил их платить «mesadas», деньги на содержание двора в размере 50 000 дука-

тов ежемесячно, под не имевшие какой-либо ценности долговые обязательства. Это было для них последним ударом. Чтобы изыскать эти средства, Фуггерам пришлось обратиться за кредитами к своим опаснейшим конкурентам в Генуе, которые уже обошли их в Испании. В 1637 г. испанские активы Фуггеров перешли под управление этих генуэзцев. В том же году Фуггерам была прекращена выплата доходов от «maestrazgos», которые вновь стали поступать в распоряжение правительства Испании, передавшего в 1647 г. аренду этих владений располагавшему крупным капиталом генуэзскому консорциуму. Аугсбургская компания также не участвует более в эксплуатации испанских рудников, и после 1650 г. она полностью прекращает свою деятельность в Испании.

Испанская ветвь династии Габсбургов осталась должна Фуггерам не менее 4 млн. дукатов. Кроме того, более 2 млн. гульденов составили их убытки в Соединенных провинциях. Речь шла о частично неоплаченных долгах штатов Брабанта, а также о не выплаченных доходах от находившихся в аренде Фуггеров королевских владений во Фрисландии, выплачивать которые Генеральные штаты совсем не считали себя обязанными, тем более что Фуггеры поддерживали ненавистную им Испанию.

Неоплаченный долг австрийской ветви Габсбургов Фуггерам составил 615 000 гульденов. Таким образом, с учетом прочих сумм, к середине XVII в. общие убытки Фуггеров достигли 8 млн. гульденов. Огромные выгоды, полученные некогда благодаря связям с Габсбургами, обернулись колоссальными потерями, полностью поглотив все наличные средства Фуггеров, превратив их в ничто.

В результате наступившего после разорения ведущих южногерманских банкирских домов хронического денежного голода и наводнения европейского рынка огромным количеством серебра и других благородных металлов, добытых в копях Америки, под угрозой оказался также и горный промысел — отрасль, которая в свое время решающим образом способствовала развитию раннего капитализма.

Оказавшиеся под угрозой конкуренции крупные предприниматели не проявляли интереса к модерни-

зации добычи, даже когда у них имелись необходимые для этого средства, а переходили к хищнической разработке или изымали свои капиталы из горного промысла¹. Немецкому горному промыслу оказалось не под силу конкурировать с возраставшими потоками американского золота и серебра, добывавшихся дешевым подневольным трудом рабов и доставлявшихся из-за океана на испанских кораблях².

Ненасытность испанских завоевателей в погоне за золотом и серебром — будь то в Мексике, Панаме, Чили, Перу, Аргентине, Венесуэле, на Кубе или на Филиппинах — не уступала жестокости их колонизаторских методов; они уничтожали древние цивилизации, грабили дворцы и храмы, отправляя все, что сверкало и блестело, к себе на Пиренейский полуостров. С середины XVI в. на Америку приходилось три четверти, а в XVII в. даже пять шестых всей мировой добычи благородных металлов.

¹ По мере ослабления предпринимательской инициативы усиливали свое влияние на горный промысел земельные князья, оказавшиеся неспособными, однако, предотвратить его дальнейший упадок. Так, сокращение добычи на меднорудных разработках Мансфельда было причиной крушения в 1568 г. господства некогда могущественных мансфельдских графов. Растущая задолженность привела к слиянию принадлежавших им рудников и плавильен, которые были подчинены единой администрации под контролем кредиторов и сюзерена — курфюрста Саксонского. В 1628 г. совет города Лейпцига в качестве главного администратора Мансфельдского горного общества расторгнул ввиду просрочки платежей действовавшие с 1619 г. договоры. В начале 30-х годов XVII в. из-за отсутствия средств работы на рудниках были прекращены.

² Ввоз американского золота и серебра нанес тяжелый урон также и горному промыслу Саксонии. Сократилась даже добыча на богатых и удобных для разработки месторождениях серебра в районе нынешнего Фрейберга, а также в других районах Рудных гор, где в 1580 г. одному лишь курфюрсту Августу Саксонскому (1526—1586 гг.) принадлежало 2822 куска [долевых паев. — *Перев.*]. В последней трети XVII в. и до конца XVIII столетия вновь начался рост добычи серебра в Саксонии, чему в значительной мере содействовали двойная власть Августа Сильного (1670—1733 гг.), являвшегося королем Польши (1697 г.) и сюзереном Саксонии, а также создание там крупной экономической области с различными дополнявшими друг друга отраслями производства. Между 1670 и 1740 гг. в Саксонии возникли многочисленные мануфактуры, производившие изделия из серебра и золота, шелк и бархат, стекло, фарфор и фаянс, благодаря чему был достигнут определенный рост богатства и благосостояния.

Однако эти золотые сокровища не смогли остановить деградацию народного хозяйства Испании, промышленность которой с первой половины XVIII столетия находилась в полном упадке; с расстройством экономики наступил закат могущества государства.

Перемещение центра тяжести в экономической жизни Германии отразилось также и на положении Фуггеров. Они не располагали больше средствами для финансирования постоянно усложнявшейся и требовавшей высоких производственных затрат разработки рудных месторождений; прибыли быстро падали. Снижалась добыча меди и серебра на всех горных промыслах Тироля и Каринтии, пришли в упадок также плавильни в Енбахе. Продажа свинца, добывавшегося на рудниках Фуггеров в Каринтии, перешла в 1639 г. в руки одного из купцов Филлаха. В 1656 г. кредитовавшая Фуггеров венецианская торговая фирма проникла в их торговлю рудой в Альпийской области. В начале 1657 г. эрцгерцог Леопольд Тирольский, воспользовавшись удобным случаем, лишил Фуггеров прав на горные разработки и передал их, без выплаты компенсации, своему княжескому «Австрийскому торговому обществу». В течение непродолжительного времени Фуггеры оставались лишь пайщиками рудников Шнеберга близ Штерцинга. Однако в 1658 г. происходит раздел остатков их собственности между кредиторами, и предприятия Фуггеров ликвидируются.

Прекращается деятельность торгового дома Фуггеров и в других областях. Великие географические открытия, с которыми было связано перемещение торговых артерий в район Атлантического океана и к берегам Северного моря, ускоряют переворот в мировой торговле, в котором Фуггеры уже не участвуют; причиной тому было также ухудшение географического положения их фирмы, оказавшейся в стороне от торговых путей. Широко использовавшиеся дотоле сухопутные коммуникации уступили место новым морским путям, новые торговые города вытеснили старые и даже целые государства Европы с мирового рынка. Все развитие шло не на пользу империи, а также Фуггерам. Амстердам превратился в крупный центр могущественной торговой и финансовой державы

Нидерландов, став главным перевалочным пунктом для четырех частей света. На новом этапе в мировой торговле Нидерландам благоприятствовало не только географическое положение; они обладали крупными капиталами, в их распоряжении были устья Рейна, Мааса и Шельды, благодаря чему они могли использовать Франкфурт-на-Майне в качестве связующего звена между старыми южногерманскими и новыми северогерманскими центрами и проникать со своими товарами в глубь страны.

Однако конкуренция шла не только из Нидерландов. После того как немецкое купечество было изгнано с английского рынка и в 1598 г. был закрыт в Лондоне ганзейский Штальхоф — старинные торговые ряды немецких купцов, — а зарождавшаяся английская промышленность ограничила доступ немецких товаров на свои внешние рынки, торговый капитал Англии перешел в наступление, учредив крупные филиалы в Эмдене, Штаде и Гамбурге. Сукна из Фландрии и Брабанта, пользовавшиеся большим спросом, чем продукция немецких ткачей, заполняли рынки.

Дания, умело используя свое выгодное положение на торговых путях, так же, как Швеция и феодальная Польша, стремилась к установлению господства в бассейне Балтийского моря. Опираясь на действенную поддержку своих правительств, укрепляла позиции буржуазия Швеции и Дании, где были отменены прежние привилегии немецких купцов. Рухнула система ганзейских факторий и контор в обширном районе Балтийского моря и прилегающих к нему областях, и Ганза — всесильный в прошлом страж интересов немецких городов и их торговых домов в этом районе — распалась окончательно. Закат Ганзы, не принесший никакой пользы конкурировавшим с ней когда-то Фуггерам, обострил их кризис, так как распад Ганзы еще более сузил сферу деятельности некогда могущественных аугсбургских купцов.

Аналогичную картину мы видим и на юге, где лишь недавно сходились торговые пути южногерманских и итальянских купцов. Хотя товарообмен и продолжался, уже не Фуггеры, а итальянские фирмы пользовались привилегией сбыта в германских зем-

лях предметов роскоши из Италии. В целом, однако, в результате испанского господства производительные силы Италии были также парализованы. В начале XVI в. Венеция была в значительной мере вытеснена из товарообмена между Западной Европой и странами Востока; коммерческое значение Генуи шло на убыль.

В Венеции имя Фуггеров упоминается в последний раз в 1646—1647 гг. в регистре итальянского гостиного двора немецких торговых компаний. Фуггеров, участвовавших когда-то с помощью своих денег в формировании политики, теперь вычеркивают из регистра торговых фирм мирового значения. Около 1650 г. прекращает свое существование также и банкирская контора Фуггеров (она возобновила свою деятельность лишь в XX в.).

Застой во внешней торговле и ее упадок сопровождались ухудшением внутренней торговли. Правда, старинные южногерманские и среднегерманские города все еще сохраняли свое значение центров ткацкого ремесленного производства, а также торговых и коммерческих центров, но уже без Фуггеров.

В целом, империя оказалась в стороне от главных районов развития мировой экономики и торговли. Это серьезным образом препятствовало развитию производства и торгового капитала. Политическая победа сил феодализма способствовала этой экономической деградации; входившие в состав империи государства все более отгораживались друг от друга в экономическом отношении. В католических землях нередко подвергались гонениям горожане-протестанты, в Баварии и Австрии католики изгоняли торговцев и ремесленников-лютеран или вмешивались в их экономические дела.

Со второй половины XVI в. империя перестала быть центром социально-экономического и духовного прогресса в Европе. Теперь немецкие территории в своем развитии стали отставать от Нидерландов, Англии, позднее от Франции—государств, направлявших подъем своей экономики, где немалое значение имела государственная поддержка торговли и промышленности, которой недоставало в империи вследствие господства князей, политической раздробленности

и отсутствия централизованного национального государства. Поэтому и перемещение мировых торговых путей должно было вызвать столь тяжелые экономические последствия для расчлененной на многие части страны. Феодалы опутали раннекапиталистический сектор цепями, вынудив его к бесполезной растрате крупного торгового капитала на ведение войн и содержание двора династии; одновременно они готовили почву для перевода больших денежных сумм в землевладение. Ускорившее общий политический и экономический упадок господство феодально-реакционной династии Габсбургов (как испанской, так и австрийской ветви) не уберегло Фуггеров от падения в пропасть — напротив, оно было его причиной. С ослаблением могущества Испании были истощены и силы Фуггеров; их место заняли английские, нидерландские и другие конкуренты.

Отошла в прошлое их деятельность на поприще торговых капиталистов, европейских банкиров и горнопромышленников. Они не участвовали более в процессе развития раннего капитализма. Опираясь на социально-экономические устои крупного феодального землевладения, они начали свой подъем по кастовой лестнице придворной и военной аристократии.

ФЕОДАЛЫ...

Этот переход Фуггеры готовили исподволь, когда они еще находились на вершине своего могущества. Задолго до начала Крестьянской войны южногерманский торговый дом приобрел графство Кирхберг с 3200 «собственными» крестьянами, поместья Маурштеттен, Вейсенхорн и Бух с тремястами, ленное владение Шмихен с двумястами, имение Бибербах с пятьюстами крепостными. Став владельцем этих имений, он подчинил своему экономическому, политическому, религиозному и административному диктату 60 крупных и малых деревень, небольшой город и 43 селения¹. Под властью Фуггеров были дворяне,

¹ Распределение входивших в состав земельного владения крестьянских дворов и т. д. по многочисленным, зачастую достигавшим десятков, селениям в то время было обычным делом.

церковные и плебейские ленники, а также вольные бургеры. Еще более многочисленными были принадлежавшие Фуггерам отдельные объекты, разбросанные вплоть до гор Шварцвальда. В целом, в 1525 г. в подчинении у Фуггеров было около 6250 «собственных» людей, расселенных по равнинным владениям.

В семейных законах Яакоба Богатого мы находим распоряжение о том, что земельная собственность не подлежала продаже и разделу и должна была наследоваться по мужской линии рода. А Антон Фуггер, охваченный тщеславным стремлением проложить своему роду путь к основанию фамильного территориального владения — он мечтал о герцогстве — предусмотрел в своем завещании изъятие семейного капитала из торговли и банковского дела и превращение его в земельную собственность.

Фуггеры и в дальнейшем не упускали возможности приобрести новые земли: используя добровольные соглашения или путь насильственного присвоения. Так, они стали владельцами деревни Габлинген, замка Микхаузен-Швабмюнхен, замка и имения Оберндорф близ Райна на реке Лех. В 1533 г. Раймунд Фуггер принимает присягу на верность от ставших его подданными жителей Оберндорфа; в соответствии с жалованной ему в Вене грамотой короля Фердинанда I он может теперь их судить, наказывать палками, лишать жизни, отправлять на виселицу. В 1536 г. Фуггерам также передается в бессрочное ленное владение, вплоть до прекращения мужской ветви их рода, имперский округ Донаувёрт вместе с деревнями Мертинген, Асбах, Швениген. Эти имения стали ядром территориального образования, состоявшего из владений, разбросанных между реками Лех, Иллер, Дунай и Альпами. В 1537 г. Фердинанд I передает Фуггерам в собственность замок и деревни у Глётта, близ Диллингена; в придачу они получают право судить, лишать прав и объявлять вне закона подвластных им крестьян.

Эта в высшей степени нерациональная форма накопления земель была связана с тем, что земельные владения складывались из случайных приобретений в результате купли, получения наследства, долговых платежей и дарственных.

В 1538 г. Фуггеры приобрели имение Бабенхаузен на реке Гюнц в Швабии, уплатив его прежним владельцам 120 000 гульденов. Деревни Кеттерсхаузен и Бабенхаузен, Кирхгейм с имениями Дитерштайн и Штеттенфельс принадлежали отныне Фуггерам.

Роберт Мандру в своей работе о Фуггерях показывает, что с начала XVI в. по 1618 г. они совершили 633 сделки по приобретению недвижимости, главным образом ленных владений, коронных и родовых имений, домов для поденщиков, различных угодий — пашен, лугов, лесов и водоемов. За все это было уплачено более двух с половиной миллионов гульденов¹.

Таким образом, Фуггеры были не только первыми среди семейств и оптовых купцов, наживших колоссальные богатства на международных торговых сделках, на финансировании горного промысла и других отраслей промышленного производства, а также на кредитных операциях; они превзошли всех других предпринимателей в приобретении земельной собственности. Став владельцами многочисленных поместий и роскошных замков, они уберегли часть своего состояния от банкротства, разорившего во второй половине XVI в. другие крупные торговые фирмы, и обеспечили себе возможность дальнейшего существования в качестве феодалов.

К началу XVII в. они уже были скорее сельскими дворянами, нежели коммерсантами. Поселившись в имениях, они все чаще поручали ведение дел своим служащим. Следствием этого было то, что Фуггеры от поколения к поколению утрачивали права граждан Аугсбурга. Начало этому положил упомянутый уже Ханс Якоб Фуггер, скрывшийся в 1523 г. от своих кредиторов. Известно, что Антон Фуггер Младший (1552—1616 гг.) отказался в 1580 г. от своих прав гражданина Аугсбурга. Не пожелав платить высокие налоги, таким же образом поступил двадцать лет спустя, в 1600 г., его двоюродный брат Якоб, который с 1604 г. до своей смерти в 1626 г. был архиепископом Констанцы. Один из Фуггеров, граф Пауль фон Микхаузен, еще в 1685 г. был членом совета города,

¹ Robert Mandonu. *Les Fugger, propriétaires fonciers en Souabe, 1560—1618. Étude de comportements socio-économiques à la fin du XVIe siècle*. Paris, 1969, p. 38, 39.

однако и он вскоре прекратил свою деятельность в Аугсбурге.

Как феодалы, Фуггеры применяли все формы эксплуатации — денежную и натуральную повинность и барщину; они использовали все полученные привилегии: сеньеральную судебную власть, право карать смертью, право ограничения личной свободы. В приходной книге Фуггеров за 1546 г. записано, что общая сумма доходов от имений составила в этом году 27 395 гульденов¹. Во-первых, они получали земельную подать с зажиточных и мелких крестьян, размер которой оставался неизменным как в урожайные, так и неурожайные годы. Главным источником доходов была «хлебная подать», 90—95% всех податей крестьяне были обязаны выплатить зерном. По признанию самих Фуггеров, они достигли предела при взыскании подати рожью, овсом и ячменем. Путем спекуляции Фуггеры взвинчивали цены, получая новый источник прибыли. Во-вторых, существовали различные формы принудительной барщины, размер которой определяли по дням; нередко крестьяне с лошадьми и повозками были вынуждены отрабатывать барщину в течение всего года. Взыскивалась также кухонная повинность — цыплята осенью, куры на масленицу, растительное масло, лен, дрова.

С поденщиков управляющие Фуггеров взимали квартирную плату, деньги за постой. Если поденщик возделывал клочок земли или пользовался выпасом, то он, как и хлебопашец, должен был платить хлебную и луговую подать. Он привлекался также к работам на кухне и барщине.

Не щадили Фуггеры и ремесленников. С мельников они брали денежную, хлебную и кухонную подать. Особый налог взимался с владельцев гостиниц и бани, рыбаки платили рыбную подать. Если ремесленник расширял свой дом или хлев, возрастали и поборы.

И в-третьих, источником доходов были также судебные штрафы и штрафные деньги, взыскивавшиеся с подданных за неповиновение. Крестьянин должен

¹ В сравнении с этим феодальная земельная рента, выплаченная саксонскому князю ведомствами курфюршества в 1540/41 отчетном году, составила 42 893 гульдена.

был платить за все, за любое событие в его семье: умирал член его семьи — надо было раскошельваться, хотя денег и без того не хватало; праздновалась свадьба — и касса Фуггеров пополнялась звонкой монетой; за проезд по дорогам следовало платить дорожный сбор. Налогом облагались даже печи. Бдительные сборщики налогов не упускали и такую возможность, чтобы выжимать из бедняков последние соки.

В социальном отношении крестьянин был низведен до положения парии. Нищета и гнет становились все более невыносимыми. Фуггеров не останавливало то, что ограблением крестьян они подрывали саму основу их существования. Обращаясь к ним за краткосрочными ссудами, крестьяне зачастую должны были подчиняться их требованию уплаты 30, 50 и даже 80 %. Неуплата долгов оборачивалась катастрофой. Пощады не было, приходилось отдавать последнее. Фуггеры же процветали, наживаясь на труде, деньгах и повинностях подвластных им крестьян.

Эксплуатация и барщина сопровождались политическим угнетением, ибо антифеодальные выступления, хотя и носившие локальный характер, продолжались и жестоко карались всеми феодалами. Фуггеры вели войну против крестьян в своих владениях не только в годы революции, но и в течение последовавших за ней десятилетий и столетий.

Когда во время Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) голод и чума унесли значительную часть населения Бабенхаузена, граф Иоганн Франц Фуггер, императорский и курфюршеский камергер, вознамерился путем увеличения повинностей, штрафов и жестоких дисциплинарных мер восполнить сократившиеся поступления от налогов. В 1641—1642 гг. крестьяне ответили на это бунтом. Крестьяне Бабенхаузена боролись с ожесточением. В качестве посредника в споре о подлинных и мнимых правах и свободах Фуггер призвал императора; разумеется, его решение было не в пользу крестьян и ремесленников. Это не помешало в 1648 г. жителям Бабенхаузена отказать графу в повиновении. В ответ на это Фуггер с помощью солдат императора утопил восстание в крови. И это был, как мы увидим, не единственный случай.

Говоря о преступлениях Фуггеров против народа, нельзя не упомянуть о той позорной роли, которую они играли также в ходе Тридцатилетней войны. В самом начале войны, в 1620 г., произошла битва у Белой горы под Прагой, в которой в качестве полковника императорских войск принимал участие Отто Генрих Фуггер (1592—1644 гг.). Он навербовал для императора Фердинанда II полк солдат, привел его в Богемию и бросил на подавление сословной оппозиции, требовавшей разрыва с режимом Габсбургов.

Этот полковник Фуггер был в 1631 г. назначен главнокомандующим войсками в Баварии и командающим одной из императорских армий. В 1635 г. он становится наместником в Аугсбурге, где он, однако, «был весьма немилостив к своим бывшим согражданам»¹. Он устранил состоявший из протестантов совет города и назначил городскую управу, целиком состоявшую из католиков, наложил на жителей тяжелое бремя налогов, подвергнув их и другим притеснениям; протестанты подали на него жалобу императору.

Императорскими войсками, осадившими жестоко пострадавший от голода и чумы город, руководил граф Фуггер. Когда солдаты Габсбургов 28 февраля 1635 г. вступили в Аугсбург, Фуггер своей властью немедленно потребовал от горожан-протестантов денежный штраф в размере 300 000 гульденов в пользу императора и 80 000 гульденов — для баварского курфюрста. Свои богослужения они снова должны были проводить под открытым небом. Все ходатайства перед императором были тщетными. Фуггер верно служил католической церкви и своему императору; в награду за это Фердинанд II возвел его в графское достоинство.

Cuius regio, eius religio — кто правит, тот и определяет религию своих подданных, карая их голodom, прибегая к грубому насилию. До нас не дошли сведения, сколько жертв в Аугсбурге и его округе было на совести Фуггеров только лишь в этом случае. Они, несомненно, принадлежали к числу княжеских

¹ A Stauber. Das Haus Fugger, S. 155.

разбойников и убийц, опустошивших в Тридцатилетней войне германские области и отбросивших страну в ее развитии на столетия назад.

Также и в дальнейшем мы встречаем среди различных отпрысков рода Фуггеров офицеров высоких рангов: генерал-майора и командира пехотного полка, австрийского полковника, обершталмейстера, генерал-фельдмаршала и генерала кавалерии. Если раньше они лишь финансировали вооруженные контингенты сил католицизма, то теперь они сами выступают в качестве высших офицеров императора и рыцарей ордена Золотого руна.

Они занимали также и важные государственные и придворные посты, например пост камергера эрцгерцога Австрийского, советника герцога Баварии, президента имперской палаты императора Рудольфа II (1552—1612 гг.), курфюршеского обер-гофмаршала в Мюнхене.

Кроме того, из рода Фуггеров вышли многие представители высшего духовенства: епископы Регенсбурга, Констанцы, несколько соборных и монастырских каноников и старших пасторов.

Однако неизменной основой их могущества всегда оставалась безудержная эксплуатация крестьян. Они жестоко подавляли любую попытку неповиновения. Так, например, 22-летний юнец граф Йозеф Гуго Фуггер (ставший впоследствии полковником королевского ландвера Баварии и наследственным членом имперского совета) потребовал в 1785 г. от своих подданных присягу на верность, в которой они ему за несколько месяцев до этого отказали. Чтобы добиться своего, семейный клан предусмотрительно вызвал в Кирхгейм вооруженный отряд. Построенные перед графскими подданными солдаты ждали приказа господ. И когда вновь ни одна рука не поднялась к присяге, молодой Фуггер подал команду стрелять в толпу. В результате этого преднамеренного приказа восемь крестьян — молодых и старых — было убито, десять крестьян получили тяжелые и многие — легкие ранения.

Граф Фуггер обезопасил себя и на случай новых беспорядков в будущем: в 1796 г., уплатив 98 фло-

ринов канцелярской пошлины, он возобновил императорскую ленную грамоту на право судить и карать смертью своих подданных. В глазах этих мелких тиранов народ не имел никаких прав. Князья и графы считали себя существами высшего порядка, имевшими исключительное право на любой произвол и убийство.

В 1803 г. император Франц II (1768—1835 гг.) пожаловал графу Анзельму Марии Фуггеру (1766—1821 гг.) титул наследственного имперского князя. В то время территория княжества Бабенхаузен с 11 000 жителями составляла 52 квадратных километра. Повышение Фуггеров в ранге Францем II не лишено символического значения. Оно происходит в тот исторический момент, когда прогнившая «Священная Римская империя германской нации», которая никогда не была ни священной, ни римской, ни германской, ни нацией, окончательно исчезает как и понятие, так как в 1806 г. Франц II Габсбург отказывается от титула повелителя этого призрачного образования. Фуггер возводится в княжеское достоинство последним титулованным властителем великой монархии, в создании и сохранении которой столь деятельное участие принимали многие поколения его рода.

Буржуазная революция 1798 г., радикально покончившая с феодализмом во Франции, вызвала глубокие потрясения во всей Европе; широкое антифеодальное движение охватило и немецкие государства. Давление со стороны оппозиционных течений и вступление революционных армий Франции в страны Западной и Центральной Европы ускорили распад феодального строя в германских землях.

В Баварии власти были вынуждены упразднить в 1808 г. некоторые особенно тяжелые виды барщины. Однако позиции дворянства оставались настолько сильными, что ему удалось помешать осуществлению предусматривавшейся отмены феодальных починностей крестьян. Также и Фуггерам удалось сохранить свои позиции.

Прежний курфюрст, а отныне милостью Наполеона новоиспеченный король Баварии медиатизиро-

вал¹ в 1806 г. живших на баварской территории имперских князей и подчинил их своему суверенитету, в их числе только что ставшего имперским князем Анзельма Марию Фуггера. О том, что это ничем не грозило Фуггерам, свидетельствует то, что вскоре, в 1808 г., Фуггер был назначен на пост коронного обер-камергера. Через десять лет на основе новой баварской конституции ему был присвоен титул наследственного имперского советника баварской короны. Он мог, как и в былые времена, обирать и притеснять своих крестьян.

В медиатизированных областях крестьяне подвергались особенно жестокой эксплуатации. Их положение в карликовых государствах империи в сравнении с другими областями в большинстве случаев и раньше было самым тяжелым. Для землевладельца, являвшегося также и сюзереном, подати и барщина были единственным источником доходов, который он использовал до конца. Вопреки ожиданиям крестьян в этом ничего не изменилось и после подчинения владений Фуггеров и других феодалов власти баварского государства. Связанные с сеньерильными отношениями налоги стало взыскивать баварское государство. Над крестьянами теперь властвовали два одинаково прожорливых господина.

Накопившийся в результате этого горючий материал воспламенился, когда разразилась буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. Следуя традициям Великой крестьянской войны, объединившиеся вооруженные крестьяне во многих местах вынудили своих господ отменить феодальные повинности. Фуггеры, оказавшие некогда решающее содействие разгрому крестьян в Великой крестьянской войне, почувствовали теперь всю силу крестьянского движения: канцлер баварской Швабии писал в октябре 1849 г. в своем отчете о развитии событий, что наибольший размах движение крестьян имело в медиатизированных, стало быть и в принадлежавших

¹ Медиатизацией называлась отмена суверенитета карликовых государств и их подчинение власти земельного князя. Это ничего не изменило ни в имущественном положении, ни в доходах мелких князей, которые также сохранили свои титулы и почетные должности.

Фуггерам, районах. Крестьяне добивались «облегчения своего положения, освобождения от уплаты налогов и барщины своим землевладельцам и господам»¹. Они угрожали князьям фон Фуггер-Бабенхаузенам поджогом их домов и канцелярий, и управлению государственными имуществами пришлось согласиться на ревизию сеньериальных прав.

23 марта 1848 г. 349 крестьян семи принадлежавших графам фон Фуггер-Кирхбергам общин выдвинули свои требования, изложенные — в память о Крестьянской войне — в двенадцати статьях. Письмо имело следующее содержание:

«§ 1. Крепостная зависимость во владении Вулленштеттен должна считаться с сегодняшнего дня отмененной, и притом вместе с упразднением так называемой подати с лена, права продажи ленных земель без выкупа или иной компенсации.

§ 2. Все виды поземельной подати должны быть определены в натуре по справедливым нормам с выкупом в дальнейшем по кадастровым ценам или надлежать замене долговым обязательством. Впрочем, мы готовы полностью согласиться с теми нормами выкупа, которые будут определены государством для фиксации и выкупа.

§ 3. Фиксацию и выкуп надлежит проводить таким образом, чтобы выкупу подлежали не только ценные земельные владения в совокупности и сразу, но также и отдельные участки по усмотрению и средствам вассалов, а именно так, чтобы вся сумма выкупа земельного владения была распределена по участкам. Впрочем, что касается этого пункта, мы также готовы согласиться с нормами, которые будут положены государством в основу определения доходов с его собственных земель.

§ 4. Так называемая лесная подать за пользование Нойгеройтерским лесом, а также огородная подать должны быть отменены с сегодняшнего дня без уплаты компенсации.

§ 5. Что касается конной и личной барщины, денежного оброка в счет барщины, охранных денег, об-

¹ Цит. по: Dietmar Nickel. Die Revolution in Augsburg und Bayerisch-Schwaben. Augsburg, 1965, S. 35. («Schwäbische Geschichtsquellen und Forschungen», 8. Band).

рока на поварню, кухонной подати, платы за удостоверение личности (свидетельство), подати на вдовье содержание, господской подати, подворной подати, налога на печные трубы, на сено и лен и т. д., то мы требуем, чтобы землевладелец без всякой компенсации отменил все налоги, которые были установлены в последнее время и не предусмотрены в первоначальном ленном регистре. Что касается податей, указанных в ленном регистре, то их размеры должны соответствовать нормам, применяемым для фиксации и выкупа государственного имущества.

§ 6. Касательно права охоты и вреда, часто причиняемого посевам дичью, мы требуем права убивать в поле всякую дичь.

§ 7. Мы желаем, чтобы сеньериальная судебная власть была передана государству.

§ 8. Все пошлины за переписку, составление протоколов, подачу прошений и взыскание денежной пени следует отменить.

§ 9. Мы также желаем, чтобы в том, что касается всех землевладельцев, Ваша светлость наравне с другими подданными платили налоги по окружной и общинной раскладке.

§ 10. Все взимаемые с вассалов подати, которые по действующему регистру не могут считаться законными, должны быть отменены.

§ 11. В чрезвычайных случаях градобития или неурожая графское казначейство и королевское управление окладными сборами должны разрешать со-размерную скидку.

§ 12. Впрочем, мы оговариваем за собой все права, которые могут быть установлены всеобщим народным представительством; каждое из принятых сегодня решений может быть видоизменено постановлениями такого народного представительства»¹.

Эти двенадцать статей носили умеренный характер, требуя лишь выкупа феодальных повинностей в соответствии с нормами, которые должно было установить государство, безвозмездной отмены лишь новых повинностей, не предусмотренных первоначальными уложениями. Последняя статья свидетельст-

¹ Dietmar Nickel Die Revolution in Augsburg und Bayerisch-Schwaben. S. 54 (Fußnote).

вует, что крестьяне надеялись на создание народного представительства, которое приняло бы далеко идущие решения.

В своем ответе граф Фуггер для вида уступил требованиям крестьян, но сослался при этом на оживавшиеся государственные законы. Революция 1848—1849 гг. окончилась, однако, поражением, прежде всего вследствие измены буржуазии, не выполнившей из страха перед поднимавшимся пролетариатом своей исторической роли вождя буржуазной революции, вступившей с целью подавления народных масс в союз с феодальной реакцией и изменившей также своим главным союзникам — крестьянам. В результате сельские трудящиеся не смогли добиться даже того, чего требовали в приведенных выше двенадцати статьях. О «справедливых нормах» выкупа не могло быть и речи. Хотя законом от 4 июня 1848 г. и предусматривалось безвозмездное упразднение помещичьей судебной власти и крестьянской барщины в королевстве Бавария, основные повинности подлежали отмене лишь за уплату суммы, равной 18-кратному (!) годовому налогу.

Выкуп феодальных повинностей путем выплаты столь непомерных сумм привел к такому росту задолженности крестьян, что множество мелких хозяйств было продано с молотка. Помещики стали землевладельцами разорившихся крестьянских хозяйств, получив также крупные суммы денег в виде выкупа основных повинностей крестьян (если им удавалось уберечься от полного разорения). Фуггеры использовали эти средства для расширения своих земель, обрабатывать которые стали безземельные крестьяне-арендаторы. На смену феодальной эксплуатации пришла эксплуатация капиталистическая. Выгоды получили все те же: крупные землевладельцы, к числу которых принадлежали Фуггеры.

Несмотря на поражение революции, время безраздельного господства феодального дворянства безвозвратно ушло. Это поняли также и некоторые его представители, выступившие против своего класса на стороне народа.

Еще Маркс и Энгельс указывали, что «в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке...

небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу...»¹.

К таким людям принадлежал Вильгельм Адольф фон Трюцшлер (1818—1849 гг.), заплативший жизнью за верность делу революции. Среди них мы встречаем также графа Теодора фон Фуггера-Глётта. Мы мало знаем о его жизни, несколько больше — о его смерти. Официальная буржуазная историография почти не обратила на него внимания, что, очевидно, было продиктовано стремлением пощадить чувства его семьи; и это понятно, если принять во внимание его поступок и обстоятельства, при которых он был совершен, что привело к исполнению вынесенного ему смертного приговора.

Граф Теодор Фуггер родился в 1823 г. и позднее был товарищем по учебе баварского короля². Когда разразилась революция, граф Теодор Фуггер служил артиллерийским офицером баварской армии. В мае 1849 г. молодой лейтенант находился в имперской крепости Ландау.

В те дни народные массы Пфальца, как и других немецких областей, вновь подняли вооруженное восстание против надвигавшихся сил контрреволюции, поскольку реакционные правительства и не помышляли о признании принятой Национальным собранием Франкфурта умеренно-либеральной имперской конституции. Силы революции и контрреволюции вновь стояли лицом к лицу. Революция впервые имела в своем распоряжении вооруженные силы — в Бадене почти вся армия солидаризировалась с повстанцами. Также и в баварском Пфальце многие солдаты перешли на сторону народа, и с ними — всего лишь три офицера, в числе которых был артиллерийский лейтенант граф Теодор Фуггер.

Нам неизвестно, какое участие принимал Теодор Фуггер в борьбе за имперскую конституцию. Неизвестно также, когда и где он попал в руки реакционных войск. Скорее всего, это произошло при взятии крепости Раштатт 23 июля 1849 г. С момента захвата в плен и до расстрела он находился в тюремном зак-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 4, с. 433.

² Der Freischütz, Politik, Unterhaltung. «Lokal-Zeitung» (Hamburg), 23 III, 1850.

лючении и должен был долгие месяцы ждать решения своей судьбы. Очевидно, что власти не могли решиться на казнь представителя высшего дворянства, которого лично знал баварский король. Это, однако, ничего не меняет в том, что господствующие эксплуататоры беспощадно преследовали всякого, кто изменил их классу и встал на сторону народа. В случае с графом Теодором Фуггером решающую роль сыграла его семья. Многие газеты напечатали следующее сообщение:

„Österreichische Reichs-Zeitung“ публикует корреспонденцию о расстреле лейтенанта графа Фуггера, подтверждающую отцовскую суворость... Слово мольбы, ходатайство какого-либо авторитетного лица, несомненно, спасли бы жизнь несчастному молодому человеку. Его отец, наследственный имперский советник и полновластный *граф Фуггер-Глётт*, действительно подал прошение королю. Но он требовал не помилования своего сына, нет,— а приведения в исполнение смертного приговора!»¹

9 марта 1850 г. граф фон Фуггер был расстрелян у вала крепости Ландау. К месту казни — для устрашения — был выведен весь гарнизон, включая офицеров². Это был один из последних смертных приговоров, совершенных над участниками военной борьбы за имперскую конституцию. Двум другим перешедшим вместе с ним на сторону народа офицерам удалось бежать, что спасло их от расстрела.

Кровавый акт мести реакции, осуществленный полгода спустя после поражения военной кампании в защиту имперской конституции, вызвал широкие отклики. Сообщения о нем были опубликованы всеми демократическими и многими другими газетами. Орган английских чартистов «Northern Star» 23 марта 1850 г. писал: «В письме из Ландау от 9-го числа этого месяца, опубликованном газетой «Deutsche Zeitung», сообщается о приговоре военного суда и о казни графа Фуггера, офицера баварской артиллерии, который, как утверждают, играл видную роль в недавнем мятеже в баварском Пфальце»³.

¹ «Local-Zeitung», 13. IV. 1850.

² «Local-Zeitung», 23. III. 1850.

³ «The Northern Star» (London), 23. III. 1850.

Проницательный обозреватель и либеральный критик реакции Варнхаген фон Энзе в своей записи в связи с сообщением о расстреле графа Фуггера сравнивал подвергшихся гонениям демократов с их угнетателями: «Великодушие, благородство, чистота побуждений, духовная одаренность на одной стороне; жестокость, подлость, эгоизм и глупость — на другой»¹.

Также и население Ландау демонстрировало свои симпатии к жертве реакции. Имеются сведения, что его могилу постоянно посещали представители всех слоев населения; это послужило командованию крепости поводом для запрещения жителям собираться группами более шести человек и даже для отмены церковного богослужения в память о нем². Один из Фуггеров стоял «под знаменем народа» — говорится в посвященном гибели молодого офицера стихотворении участника военной кампании в защиту конституции Карла Генриха Шнауффера³.

Виктор Гюго в своем знаменитом романе о французской революции «93-й год» изобразил сцену из ожесточенной гражданской войны в Вандее:unter-офицер — монархист в бою захватывает в плен своего сына-республиканца и пускает ему пулю в лоб. Это происходит в неистовом пылу сражения. Здесь же, в случае с Фуггером, мы имеем дело с преднамеренным сыноубийством.

Объявлен вне закона, отвергнут и вытолкнут собственной семьей под дула ружей карателей — такова судьба представителя крупной земельной и высшей придворной аристократии, чья вина состояла в том, что он встал под знамя народа.

Как и в XVI в., когда Фуггеры бросили свои деньги на чашу весов реакционных сил для борьбы против ранней буржуазной революции в Германии и революции в Нидерландах, представляемый ими общественный слой занял ту же позицию спустя три столе-

¹ «Tagebücher von K. A. Varnhagen von Ense». Siebenter Band, Zürich, 1865, S. 98.

² «Deutsche Londoner Zeitung. Blätter für Politik, Literatur und Kunst», 29 III. 1850.

³ «Wochenblatt der «Hornisse» (Kassel), 2. IX, 1850, S. 90—91.

тия — в период, когда неизмеримо окрепшая как численно, так и в экономическом отношении буржуазия предает тем не менее дело революции 1848—1849 гг., направленной против ставшего шатким господства феодалов, вступает в ними в союз против народа и чинит над ним кровавую расправу. Побудительный мотив все тот же: страх перед тем, что народные массы не удовольствуются ликвидацией права собственности дворянства и духовенства на землю и освобождением крестьян от экономического и внеэкономического принуждения, но и положат конец «монополиям», эксплуатации рабочих и ростовщичеству. Между господствующей верхушкой в городах и землевладельцами были разногласия. Но всех их и народ разделяла непреодолимая пропасть. В этом — ключ к пониманию той вековой преемственности, которая связывает крупную буржуазию Германии раннего капитализма с нынешней буржуазией, с одной стороны, и с феодальным дворянством — с другой.

Многие устои раннего капитализма рухнули в XVI в., к чему причастны также и сами его представители, накрепко связавшие свою судьбу с силами феодализма. Разорились и исчезли с лица земли имеющие семья, деловые связи которых некогда охватывали континенты. Закатилась и звезда Фуггеров — воротил торговли, финансистов и промышленников, увлеченных в пучину банкротства Габсбургов. Но они были не только купцами и предпринимателями. Прокладывая путь раннему капитализму, они всегда оставались убежденными приверженцами феодализма. Над стоячим болотом, в топях которого деградировали экономика городов, торговля и промышленность, высились лишь замки магнатов; они выдержали натиск времени. В них отсиживались Фуггеры, окруженные приобретенными еще в начале XVI в. земельными владениями, которыми они пользовались как типичные феодалы. Они выжили. Выжили, приспособившись к феодальным отношениям и став сами феодалами.

Фуггеры не приумножали более богатства епископов — они сами стали епископами.

Они уже не были поставщиками дворов, снабжавшими их золотом и редкими драгоценностями,— теперь они служили Габсбургам и баварским Виттельсбахерам в качестве высокопоставленных, увенчанных многими наградами придворных чиновников.

Утратив роль кредиторов монархов, которых они столько раз выручали из финансовых бед, Фуггеры стали политическими рыцарями монархии, ее опорой в парламентах.

Вышедшее из недр раннего капитализма дворянство укрепилось на благоприобретенной феодальной основе, слившись со старым княжеским феодализмом. Лишь революция рабочих, солдат и матросов в ноябре 1918 г. смогла упразднить важные привилегии феодалов. Но потомки помещичьей аристократии и ныне играют непомерно важную роль в сельском хозяйстве, в сфере финансового капитала, в армии и дипломатической службе ФРГ.

VI. В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Фуггеры всегда предпочитали, чтобы о них говорили другие. Сами же они держатся поближе к рычагам власти, которые они по-прежнему стремятся не упустить из рук, стараясь при этом по возможности оставаться в тени. И даже тогда, когда Фуггеры сидели в парламенте, они действовали прежде всего за кулисами. Они мало говорят о политике — они ее делают и используют в своих корыстных целях.

Но прежде чем поведать об этом, познакомимся с тем небольшим литературным наследием, которое представители семейства Фуггеров, несмотря на всю свою сдержанность, все же оставили.

В час рождения империализма, в конце прошлого века, граф Раймунд фон Фуггер написал труд, который по праву может считаться литературным памятником самых темных сил реакции¹. Сокрушая всех, кто не стоял на ультраправых позициях, граф заявляет: «...Наука без веры в существование живого бога — рассадник зла»². Граф предает анафеме Джона Стюарта Милля и Альфреда Брэма, этого «апостола... варварства»³. Эрнста Геккеля он считает «не столько знаменитым профессором, сколько

¹ Raymund von Fugger. Die moderne Literatur und ihre Gefahren — «Frankfurter zeitgämäße Broschüren», Neue Folge, Bd. XVII, Heft 12, Frankfurt a. M., 1896. В награду за монархистские настроения автор в 1915 г. получил титул вюртембергского барона.

² Ebenda, S. 2.

³ Ebenda, S. 4.

скандально известным простофилей», чьи «писания полны мерзких и подлых мест»¹.

Негодование графа достигает предела, когда он обращается к художественной литературе. Здесь он никому не дает пощады — ни писателю Конраду Фердинанду Майеру, «одному из самых дерзких... чьи пошлости могли бы составить целую брошюру»², ни Хенрику Ибсену, ни Герхарду Гауптману, который выводит на сцену «лишь гадость и мерзость» и держит с нее «поджигательские речи против государственных и социальных порядков»³. Чтение Льва Толстого вызывает у Фуггера отвращение. И он поистине входит в раж, обрушившись на Эмиля Золя, «автора пошлых бульварных романов», который «в изображении грязи и разврата» намного превзошел Ибсена и Толстого⁴.

Излив желчь на корифеев мировой литературы, он призывает к погрому не только против этих писателей, но и против тех, кто разделяет их идеалы: «Каждый, кто... стремится к сохранению существующего общественного строя, должен принять посильное участие в борьбе против коррупции в литературе и против коррупции, которая вершится с ее помощью... Моральный долг обязывает таких людей... не терпеть также в своих домах бесцветных и нейтральных газет... не допускать, чтобы его домочадцы и подчиненные читали... такие газеты»⁵. И куда бы ни бросал свой взгляд этот непревзойденный в своей строгости литературный критик, Раймунд Фуггер, ему повсюду мерещилась затаившаяся угроза «зловещего роста социализма»⁶.

Речь идет, следовательно, не только о социалистической или буржуазно-либеральной литературе, которую, как считает граф Фуггер, необходимо бойкотировать. Не следует «терпеть» также не имеющих направления буржуазных газет и журналов. Он раз-

¹ R a y m u n d v o n F u g g e r . D i e m o d e r n e L i t e r a t u r u n d i h r e G e f a h r e n . S . 5 .

² E b e n d a , S . 11 .

³ E b e n d a , S . 20 .

⁴ E b e n d a , S . 22 .

⁵ E b e n d a , S . 29 .

⁶ R a y m u n d v o g F u g g e r . D i e m o d e r n e L i t e r a t u r u n d i h r e G e f a h r e n . S . 1 .

решает не то, что нравится, а лишь то, что отражает ультрапрореакционные взгляды. Не успеет одно поколение сменить другое, и то, чего не терпит Фуггер, будет брошено в костер Гитлером и Геббельсом.

Мы думаем, что приведенные цитаты в достаточной степени характеризуют духовный мир, с которым Фуггеры вступили в XX век. Так они думали и так они действовали — эти древние ископаемые, не появившиеся до происшествия общественных перемен и стремившиеся подавить все либеральное, не говоря уже о социалистическом.

Не прошло и 80 лет со времени появления плода раздумий Фуггера, но как бесконечно далеко все это от нашей современности. Идеи, которые он требовал запретить, распространились по всему свету, давно став господствующей идеологией большей части населения нашей планеты, мобилизую рабочие массы и молодежь стран, где все еще господствует капитал, и развивающихся стран на борьбу за справедливый общественный строй.

Примерно поколение спустя после предания анафеме Фуггером современной литературы другой Фуггер пишет диссертацию, в которой рассуждает о законности колониального рабства. Нынешний глава ветви рода Фуггеров фон Кирхберг-Вейсенхорн вполне серьезно заявляет, что «попытка помешать Испании и Португалии вернуть свои колонии является... недопустимой в международно-правовом отношении»¹. Здесь уже заранее были оправданы массовые убийства жителей Анголы и Мозамбика солдатами натовской Португалии при соучастии реакционных политических и экономических сил ФРГ.

В течение веков Фуггеры неизменно были на стороне самых темных сил реакции. Они всегда стремились и стремятся сохранить политическую власть этих сил — на многие и многие годы эры империализма.

После того как еще 110 лет тому назад последний император «Священной Римской империи германской нации» возвел графов Фуггеров фон Бабенхаузенов в достоинство имперских князей, король

¹ Clemens Graf Fugger Kirchberg-Weissenhorn. *Der Panamerikanismus und das amerikanische Völkerrecht*. Inaugural-Dissertation, München, 1931, S. 10.

Бавария пожаловала в 1913 г. княжеский титул также ветви Фуггеров-Глёттов.

Следует ли поэтому удивляться, что Фуггеры всячески стремились сохранить монархию в целом и уберечь от любых бурь династию Виттельсбахеров в особенности?

Фуггер фон Глётт являлся с февраля 1912 г. председателем первой палаты баварского ландтага, так называемой палаты имперских советников. Характерной чертой его политики была та, что он провалывал все предложения, имевшие целью открыть доступ в это избранное дворянское общество, состав которого определялся прежде всего королем, представителям буржуазии.

Когда разразилась первая мировая война, в хоре шовинистов был слышен также и голос Фуггеров. Они определяли и поддерживали завоевательные цели германского империализма. Выступая 2 августа 1914 г. в качестве председателя палаты ландтага с речью, князь Карл Эрнст Фуггер фон Глётт выдал агрессию германского империализма за «необходимую борьбу за существование германской нации»¹.

В том, что касалось экспансионистских устремлений, высокородное дворянство и буржуазия были едины, но знатные «ископаемые» не желали делить с буржуазией политическую власть. Даже в последние годы войны, когда в рейхе началось брожение, стал назревать кризис и неизбежность военного поражения стала очевидной, Фуггеры по-прежнему упорно возражали против расширения первой палаты ландтага за счет избранных представителей различных групп профессий — и это всего лишь за несколько дней до свержения германской монархии Ноябрьской революцией 1918 г.!

Она разразилась через год после Великой Октябрьской социалистической революции. Уже на другой день после победы Октябрьской революции, 8 ноября 1917 г., декретом молодой Советской власти

¹ Willy Albrecht. Landtag und Regierung in Bayern am Vorabend der Revolution von 1918. Studien zur gesellschaftlichen und staatlichen Entwicklung Deutschlands von 1912—1918 (West-) Berlin, (1968), S. 80. — «Beiträge zu einer historischen Strukturanalyse Bayerns im Industriezeitalter», Bd. 2.

земля была отобрана у помещиков и передана в пользование безземельным крестьянам. Но в отличие от России немецкие рабочие и крестьяне не имели тогда закаленной в боях, опытной большевистской партии, которая смогла бы привести трудовой народ к победе. Экспроприация феодальных слоев, стоявшая уже на повестке дня революции 1848 г., осуществление которой, однако, было сорвано в результате сговора буржуазии с аристократией, осталась и 70 лет спустя лишь благим пожеланием. Хотя потерпевший тяжелое поражение в первой мировой войне германский имперализм был расшатан и не способен к самостоятельным действиям, на выручку пришли лидеры социал-демократической партии Фридрих Эберт, Филипп Штейдеман и Густав Носке. Встав в начале мировой войны на сторону кайзеровского германского империализма, они, естественно, предали вспыхнувшую вопреки их желанию революцию и подавили ее с помощью генералов-монархистов, преданных им войск и с благословения Антанты. Никто не сделал из немецких дубов виселиц для богатых, никто не тронул ни сброшенных народом с тронов Гогенцоллернов и других князей, ни некоронованных финансовых и промышленных королей. Фуггеры также сохранили свое состояние, их имя фигурировало в «Ежегоднике миллионеров» рядом с именем бывшего баварского короля.

СООБЩНИКИ ГИТЛЕРА

Как же вели себя князья и графы Фуггеры во время диктатуры фашизма и развязанных им агрессивных войн? Пока звезда Гитлера сияла, от них не было слышно ни одного слова против нацизма, не говоря уж о каких-либо действиях. Если же мы поверили бы сомнительным свидетельствам Аденауэра и зарубежного агента нацистского МИД Ойгена Герстенмайера, потерявшего вследствие неприкрытой коррупции пост президента бундестага, то сын председателя баварской палаты имперских советников князь Йозеф Эрнст Фуггер (род. в 1895 г.) был одним из наиболее выдающихся борцов Сопротивления против фашистской диктатуры.

Что же было в действительности? Нынешний глава дома Фуггеров действительно был арестован после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., когда гитлеровский режим в предсмертной агонии без разбора наносил удар за ударом, бросив в тюрьмы еще десятки тысяч и лишив жизни тысячи людей. Может быть, князь Фуггер был одной из крыс, спешивших покинуть тонувший корабль? На деле не было даже и этого! Когда в январе 1945 г. он оказался перед так называемым народным трибуналом вселявшего ужас Фрейслера, последний приговорил ряд обвиняемых к смерти, подвергнув их жестокой казни; но князю Фуггеру он выдал поистине свидетельство о благонадежности. Вот выдержка из подлинного текста приговора: «Йозеф Эрнст Фуггер фон Глётт однажды, ничего не подозревая, попал на встречу членов кружка Мольтке в Мюнхене и понял, что здесь происходит свинство. Он отказался от какого-либо сотрудничества...

На суде он нам заявил: «Когда я это услышал [речь идет о соображениях противников нацизма из кругов аристократии и буржуазии, которые в предвидении военного поражения гитлеровского режима намеревались назначить правителем рейха одного из генералов и установить в Германии военную диктатуру.—А. Н.], то подумал: черт побери, ведь это свинство...»

Князь Фуггер ушел со встречи вместе с Райзертом раньше других; по пути к вокзалу Райзерт спросил его, намерен ли он участвовать в заговоре; Фуггер решительно отказался... В дальнейших встречах членов кружка Мольтке князь Фуггер не участвовал. Таким образом, он, несомненно, меньше всех замешан в этом деле. Он не связывал это с идеями, которые позднее привели к 20 июля [имеется в виду покушение полковника фон Штауффенберга на Гитлера 20 июля 1944 г.—А. Н.]. И, наконец, князь Фуггер фон Глётт произвел на нас впечатление искреннего человека»¹.

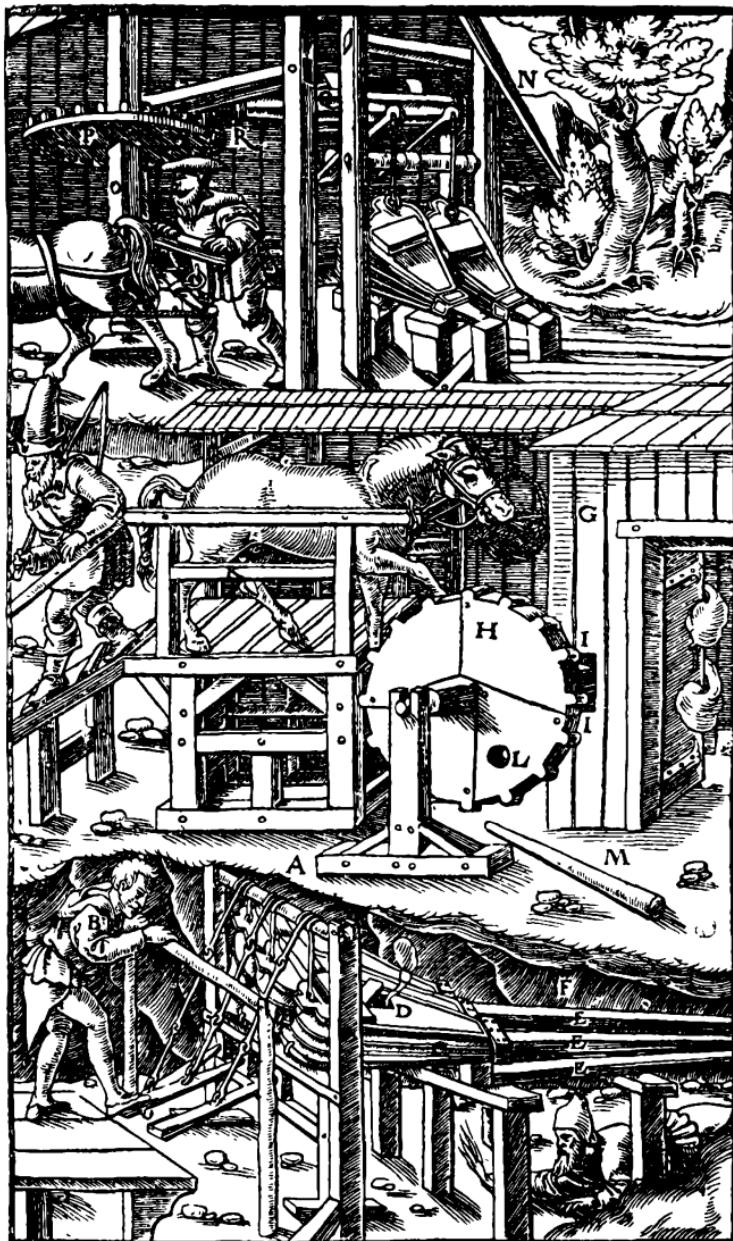
¹ Это свидетельство о благонадежности, выданное князю Фуггеру главным убийцей коричневого суда, до сих пор не опубликовано. Оно хранится в архиве Немецкого института истории

Выступление горняков против Фуггеров. Масло. Оригинал
находится в музее г. Баньска-Бистрица.

Горный промысел в XVI в. Из «Горной книги» Агриколы, 1556 г. Различные системы шахт и способов спуска в них горняков. Один из горняков спускается в шахту при помощи ворота (слева).

Рулоподъемный ворот, приводимый в движение при помощи длинного рычага воздуходувными мехами. Под ним — ступенчатое колесо, вращаемое лошадью. Внизу: ворот со ступенчатым колесом и воздуходувными мехами для вентиляции шахты

Палачи и их жертвы Гравюра
на дереве, 1519/20 гг.

Князь Фуггер-Бабенхаузен у своего замка Велленбург. Бывший активный член нацистской партии. Чему он научился? — Ничему! Чем он владеет? — Миллионами.

Спекулянт, фашист и компаньон Фуггера. Дитрих Банер держит речь на учредительном собрании фашистско-реваншистского «Немецкого союза», заместителем председателя которого он является; Дюссельдорф, 12 июня 1971 г.

Партиеры...
Графиня Фуггер с
Вилли Мессершмит-
том, авиаконструкто-
ром фашистской Гер-
мании, который ныне
является главным ак-
ционером и председа-
телем наблюдатель-
ного совета военного
концерна «Мессер-
шмитт — Бёльков».

Резиденция ХСС во дворце Фуггеров. В этом мюнхенском
дворце графа Арко-Циннеберга, приемного сына князя Фуг-
гера-Глётта, находится Экономический совет ХСС Франца
Иозефа Штрауса.

Убийца-предок (вверху) и его наследник (внизу). Трухзес Георг фон Вальдбург—главнокомандующий войсками Швабского союза, утопивший в крови восстание крестьян 1525 г.

Князь Георг фон Вальдбург цу Цейль унд Траухбург. Прямой потомок убийцы крестьян в своем замке Цейль, реставрированном на средства налогоплательщиков.

Хозяин и батрак. Принц Иоганнес фон Тури унд Таксис и сельскохозяйственный рабочий в одном из имений принца в Бразилии.

Из многолетней практики Фрейслера не известно другого случая, когда этот кровопийца был столь дружественно снисходителен по отношению к обвиняемому.

О чем умолчал Фрейслер и чему имеются документальные доказательства — это то, что на предварительном следствии, в ходе которого с князем обращались самым деликатным образом, он дал отягчающие показания против других обвиняемых, и в этом, видимо, причина того, что Фрейслер, который выносил смертные приговоры коммунистам, социал-демократам, представителям буржуазии, дворянам, генералам и фельдмаршалам, так же легко и быстро, как пекарь снимает булочки с листа, 11 января 1945 г. засвидетельствовал чистоту белого (надо бы сказать — коричневого) жилета князя Фуггера.

После окончания второй мировой войны князь сочтет уместным поведать миру высоким стилем о своем мнимом сопротивлении гитлеровскому варварству. Он заявляет: от большинства народа не следует требовать мученических жертв в борьбе против тирании¹. Представитель рода, который в течение столетий вплоть до наших дней был на стороне тиранов и с их помощью добился богатства и власти, выставляет напоказ благородный пессимизм: от народа ждать нечего; это мы, немногие избранники, должны были нести крест мученичества.

Когда 450 лет тому назад немецкие крестьяне поднялись против тиранов, Фуггеры им уготовили судьбу мучеников. А когда немецкие рабочие в двадцатые, тридцатые и сороковые годы, проливая кровь, лишаясь свободы, вели борьбу против фашистских преступников, Фуггеры отсиживались в своих красивых (отдадим должное их вкусу) замках в Оберкирхе близ Ульма, в Швабском Кирхгейме, в Велленбурге

в Мюнхене под рубрикой IV G, 10 B, 67 G, 44 и снабжено грифом «секретно, имперское дело». Почему адвокаты Фуггера не замечают этот документ, который лежит у них перед глазами, не требует пояснений.

¹ *Fürst Fugger von Glött. Weg in den inneren Widerstand. Stuttgart, 1966.* Эту речь он произнес перед избранным кругом слушателей в Люцерне (Швейцария), а также наговорил на пластинку, которая продается в ФРГ.

и Бабенхаузене. Они не работали, но много зарабатывали, пировали и даже не делали вида, будто борются с фашизмом, а действовали заодно с ним. Теперь же, высоко подняв брови и надув губы, они отваживаются свысока смотреть на народ, публично пороча и оскорбляя его. Таковы нравы в Федеративной Республике...

Для того чтобы, несмотря на нацистские и военные преступления, ответственность за которые несет господствующий класс, сохранить неизменной прежнюю структуру общества, надо было над головами хотя бы некоторых представителей этого класса создать ореол мучеников нацистской диктатуры. Аденауэр, Герстенмайер и Франц Йозеф Штраус позабочились, что вопреки истине князь Фуггер характеризуется ныне в различных справочниках, изданных в Федеративной Республике, как активный «борец противления» и как член кружка Крейсау¹.

Приговоренный позднее к смертной казни как военный преступникobergruppenfюрер СС и руководитель гитлеровской имперской службы безопасности Кальтенбруннер сообщал 15 сентября 1944 г. в письме «серому кардиналу» Гитлера, рейхслейтеру Мартину Борману о том, как Фуггер выдал на следствии подполковника Штельцера. Далее он писал: «Фуггер признает, что «это дело [т. е. планы устранения Гитлера.—А. Н.] ему было не по душе». Отправной точкой всех совещаний, говорил Фуггер, было явное пораженчество, и он без обиняков признал, что все обсуждавшиеся планы носили характер государственной измены»².

¹ «Neue Deutsche Biographie». Fünfter Band, (West-) Berlin, 1961, S. 709; Wilhelm Kosch. Biographisches Staatshandbuch. Erster Band, Bern und München, (1963), S. 366.— «Wer ist wer?» Hrsg. von Walter Habel, Bd. I, (West-) Berlin, 1970, S. 333. Кружок Крейсау — оппозиционная группа представителей дворян и офицеров. Группа носила название имения, где происходили встречи ее участников. В 1944 г. установила связь с офицерами, готовившими покушение на Гитлера. Члены группы граф Мольтке, Йорк фон Вартенбург, Дельп, Рейхвайн и др. были казнены после неудачного покушения на Гитлера (20 июля 1944 г.).— Прим. перев.

² «Spiegelbild einer Verschwörung. Die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler über das Attentat vom 20. Juli 1944. Ge-

Князь Фуггер был за разгром Гитлером рабочего движения, за концлагеря и за вершившиеся там массовые убийства немецких антифашистов, евреев и славян. Единственное, чем «его не устраивал национал-социализм», это «сильным централизмом». Истинный баварский партикулярист, он ратовал за «федерализм прошлых времен»¹. Лишь это не нравилось ему в нацистской диктатуре; в остальном же он был с ней согласен.

Он не только не был борцом Сопротивления — он был активным агентом нацистской диктатуры. Имеется снабженный грифом «секретно» документ руководителя имперской службы безопасности СС от 24 мая 1940 г., касающийся деятельности «членов бывших княжеских домов». В 11-м пункте этого документа записано: «В распоряжении службы контрразведки верховного командования вооруженных сил Германии или рейхсфюрера СС Фуггер Йозеф Эрнст фон Глётт, землевладелец, родился 26 октября 1895 г. в Кирхгейме»².

Таким образом, князь Фуггер фон Глётт работал на Гиммлера или на разведку верховного командования вермахта. Об этом, однако, скромно умалчивают его друзья и биографы, украсившие его голову лаврами активного борца движения Сопротивления. Таковым он не был и не желал быть.

При внимательном рассмотрении оказывается, что это относится не только к патриарху различных ветвей рода Фуггеров. На стороне нацистов была и служила им вся его родня. Двоюродный брат князя, граф Йозеф Карл Фуггер фон Глётт, был активным членом нацистской партии уже до прихода Гитлера к власти. Еще до 1938 г. он носил полученное в награду от Гиммлера «почетное кольцо рейхсфюрера СС», то есть являлся одним из самых старых по стажу членов этой организации головорезов, имея номер 71 044.

heim Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt». Stuttgart, 1961, S 389

¹ Ebenda.

² «Schreiben des Führers des SD-Leitabschnittes Berlin im Sicherheitsdienst des Reichsführers SS vom 24 05 1940 an das Reichssicherheitshauptamt», Betr.: Mitglieder ehem. Fürstenhäuser, Eingangsnummer 7733 (24.5.1940).

Кроме того, он был членом снискавшей себе недобрую славу расистской организации СС «Лебен-сборн»¹.

Особенно примечательной личностью является граф Леопольд Фуггер из княжеского рода Бабенхаузенов. В государственном архиве Германской Демократической Республики хранятся подлинники документов времен франкистского путча и связанной с ним широкой военной интервенции Гитлера и Муссолини в Испании во второй половине тридцатых годов. Эти документы со штампом «секретное имперское дело» свидетельствуют, что упомянутый Фуггер в 1937 и 1938 гг., когда в Испании шли кровопролитные бои, занимался в качестве майора военно-воздушных сил Германии экономическим шпионажем. Под его руководством производились аэрофотосъемки горнопромышленных районов Испании с тем, чтобы открыть германскому фашизму доступ к богатствам недр Испании. В одном из писем верховного командования вермахта премьер-министру Пруссии генерал-фельдмаршалу Герингу от 25 апреля 1938 г. майор граф Фуггер прямо упоминается в качестве лица, отвечавшего за выполнение этих съемок. Он заслужил ордена и почести, получил от Гитлера чин генерала. Даже находясь в советском плену, он с неистовством обрушивался на тех офицеров, которые поняли, что фашизм толкает немецкий народ в пропасть, и поэто-му покинули с Гитлером, осудив его преступное нападение на Советский Союз.

ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Весной 1945 г. реакционные империалистические силы Германии потерпели самое крупное в своей истории военное, политическое, экономическое и идеологическое поражение. Правда, оно было нанесено не революционными силами самого немецкого народа, а Красной Армией и другими силами антигитлеровской коалиции. Теперь возникла возможность для осуществления больших перемен. И эта возможность вновь была упущена в западных областях, так как правые

¹ «Dienstälterliste der Schutzstaffel der NSDAP, Stand vom 1. Dezember 1938». Berlin, 1938, S. 274

лидеры социал-демократии помешали объединению рабочего класса и созданию его боевого союза с крестьянством, так как западные оккупационные державы взяли под свою защиту германский финансовый капитал и юнкерство, а миллионеры и крупные землевладельцы, собравшись с силами под прикрытием разнозданной анткоммунистической и антисоветской пропаганды, вновь установили там свою диктатуру. Если французская революция уже в XVIII в. покончила с феодализмом, то в землях нынешней ФРГ даже в середине XX в. не было наверстано то, что было упущено в 1848 и в 1918 гг. Крупное дворянское землевладение выжило. И хотя гитлеровский рейх развалился, позиции эксплуататоров — в экономике, общественной жизни и политике, их богатства были сохранены.

Это относится и к Фуггерам. Конечно, они уже не находятся более в зените своего финансового и экономического могущества, как это было 450 лет тому назад. И все же их экономические и политические возможности значительны. Назовем некоторые цифры.

Три семейства Фуггеров (два княжеских и одно графское) владеют на юге ФРГ сельскохозяйственными и лесными угодьями общей экономически полезной площадью около 12 тыс. га, рядом связанных с ними промышленных предприятий — деревообрабатывающих и мебельных фабрик, пивоваренных заводов производительностью 100—150 тыс. гектолитров в год, рыбных питомников и т. д. Короче, по оценке одного из экспертов, стоимость принадлежащих Фуггерам земель, сельскохозяйственных и промышленных предприятий составляет миллиард марок¹.

Поскольку у князя Фуггера-Глётта (род. в 1895 г.), женившегося на принцессе из рода Гогенцоллернов, не было детей, он после второй мировой войны усыновил своего племянника, графа Альберта фон унд цу Арко-Циннеберга. Арко-Циннеберг приумножил семейную собственность, добавив к ней дворец

¹ Bergt Engelmann. Die Macht am Rhein. München, 1972, S. 30—34.

в Мюнхене, крупную сумму наличными, а также консервные фабрики фирмы «АЦЕТ» и пять пивоваренных заводов.

И хотя фамильный герб с изображением трех лилий призван служить свидетельством аристократизма, когда дело идет о прибылях, Фуггеры ничем не отличаются от других предпринимателей-капиталистов. Также и для них определяющее значение имеет не то, что производится, а прибыль. Так, князь Фуггер фон Бабенхаузен, старший брат шпиона в Испании и гитлеровского генерала Леопольда (он также был членом нацистской партии и наряду с Фуггером-Глёттом представляет другую княжескую ветвь рода), не знает, сколько пива и каких сортов производится на его пивоваренном заводе. Его не смущает и то, что «ввиду недостатка времени» он так ничему и не научился¹. Да и зачем? Это совсем ни к чему, если ты родился богатым князем, владеешь землей и фабриками, живешь за счет эксплуатации чужого труда.

Частный банк можно учредить, даже и не имея образования. Работать будут другие. А он, князь, делает деньги, как это в течение уже более пяти веков заведено в семействе Фуггеров.

Банк князя Фуггера-Бабенхаузена в Аугсбурге не относится к числу самых крупных. Располагая основным капиталом в 10 млн. марок, он держит на своем балансе 154 млн. марок и имеет ряд филиалов неподалеку от Аугсбурга и в стороне от него. Князь Фридрих Карл Фуггер фон Бабенхаузен, доля которого в основном капитале составляет 60%, то есть 6 млн. марок, считает, что банк «процветает», «процветает» не только в смысле классических банковых операций. Гораздо большее значение — и показателем этого является не основной капитал и не балансовая сумма — имеют связи Фуггеров с международной финансовой олигархией.

Самая, пожалуй, важная нить тянется ко второму по значению финансовому учреждению ФРГ — к

¹ См. репортаж Герда Шарнхорста «Дома у князя Фуггера», опубликованный с целью популяризации личности князя газетой Шпрингера «Welt am Sonntag» (Западный Берлин) 8 октября 1967 г.

Дрезденскому банку. Банк Фуггера теснейшим образом связан финансовыми и личными узами с мюнхенским банком «Нойвианс, Ройшель и компания», который относится к числу самых крупных частных банков ФРГ (его оборот составил в 1970 г. 527 млн. марок) и большая часть капитала которого контролируется Дрезденским банком. Рассмотрим, однако, эти связи поближе.

Среди пайщиков этого частного мюнхенского банка мы рядом с Дрезденским банком увидим нашего знакомого, князя Фридриха Карла Фуггера фон Бабенхаузена. Открывая в 1954 г. свой аугсбургский частный банк, этот закоренелый нацист полностью опирался на поддержку банка «Нойвианс, Ройшель и компания», который приобрел у него крупный пай, а в 1960 г. вернул его князю.

Управляющим и генеральным уполномоченным аугсбургского банка Фуггеров является д-р Фриц Дейман. Это имя мы также найдем и в списке ответственных пайщиков банка «Нойвианс, Ройшель и компания», где фигурирует и имя Леопольда Трёбингера, который является председателем совета банка Фуггера. Таким образом, мы имеем дело с теснейшим переплетением аугсбургского и мюнхенского банков.

Отличительной особенностью мюнхенского частного банка является то, что его ответственным пайщиком стал д-р Отто Шниевинд, один из наиболее влиятельных боссов кредитных банков ФРГ. Этот человек с 20-х годов был ключевой фигурой финансового капитала Германии и поэтому быстро сделал карьеру при Гитлере, был назначен начальником отдела имперского Министерства экономики, а затем директором Имперского банка. После «кристальной ночи» в ноябре 1938 г. он разбогател в результате грабежей в ходе антисемитских погромов и «аризировал» крупный банк в Мюнхене, что не помешало ему после второй мировой войны стать руководителем координационного бюро по реализации «плана Маршалла» при Экономическом совете западных союзных держав. Затем он вошел в состав правления упомянутого выше мюнхенского частного банка. После его смерти в 1970 г. его сын Эккарт Шниевинд унаследовал долю отца, став также пайщиком банка Фуггера.

Итак, связи Фуггеров с банком «Нойвианс, Ройшель и компания» и через него — с Дрезденским банком совершенно очевидны, и прежде всего эти связи открывают им доступ к кругам международного капитала, так как «Нойвианс, Ройшель и компания» «постоянно участвуют в выпусках займов и введении в обращение на бирже акций крупных предприятий»¹.

Однако Фуггеры имеют личные связи не только с Дрезденским банком, но и с самым могущественным финансовым учреждением ФРГ, с Немецким банком. Особую роль в этом играет один из пайщиков банка Фуггеров, с которым стоит познакомиться поближе, — Дитрих Банер.

Он родился в 1913 г. в Оберлунгвице (округ Карл-Маркс-Штадт) и живет теперь в Аугсбурге (ФРГ). В молодости он извлек немало выгод из своего участия в «аризировании», взяв на себя управление известной обувной фабрикой «Лейзер», владельцами которой были евреи. Ему исполнился 21 год, когда нацисты назначили его главным директором этой славившейся своей продукцией фирмы. Весной 1945 г., когда Германия лежала в руинах, Банер, не мешкая, снял деньги фирмы «Лейзер» со всех ее счетов в берлинских банках, продал на черном рынке 250 тыс. пар обуви с одного из ее складов в Саксонии и скрылся с миллионной выручкой в западном направлении.

«Холодная война» была еще впереди, когда американцы провели над жившим тогда в Аугсбурге Банером судебный процесс, обвинив его в том, что он слишком дешево приобрел чужое имущество, использовав для этого антисемитские распоряжения Гитлера. Он получил четыре месяца тюрьмы, однако ему не пришлось отбывать и это наказание, поскольку тем временем Трумэн и Черчилль взяли под свое покровительство всех нацистов, чтобы использовать их в борьбе против социализма. И американский апелляционный суд отменил приговор, выразительно обосновав это тем, что люди с опытом Банера могут при-

¹ «Banken der Welt Kurzmonographien in deutscher und englischer Sprache». Bearbeitet von Karl Lanz. Frankfurt am Main, 1963, S. 115.

нести пользу! С помощью выкраденного из тогдашней восточной оккупационной зоны капитала этот нацист и спекулянт сумел прибрать к своим рукам большую часть производства обуви в ФРГ и множество обувных магазинов в западных зонах. Он, заработавший баснословные деньги на «аризации», в 1952 г. стал хозяином известной обувной фирмы «Дорндорф» в Цвейбрюкене, купив ее у эмигрировавшей в США бывшей владелицы еврейской национальности.

Предприниматель Банер по-прежнему является ответственным компаньоном обувной фирмы «Лейзер-Фабрикаторс-унд Хандельсгезельшафт (Халейла-Шу)» в Западном Берлине, на которой занято более 1100 рабочих и служащих; годовой оборот этой фирмы с основным капиталом 10 млн. марок составляет 52 млн. марок. С этим предприятием связана целая цепь фирменных магазинов по продаже обуви и разнообразных изделий из кожи.

Но, кроме того, Банер является крупным боссом и в производстве чулочных и трикотажных изделий текстильной промышленности ФРГ. Эти трикотажные изделия выпускаются прежде всего в Аугсбурге, Мангейме и Киле, где находятся фабрики фирмы Банеров «ЕЛБЕО». Ныне чулочная фирма «ЕЛБЕО — штрумпфхозен» возвещает «свободу, которая совсем близка» (таков, действительно, рекламный призыв фирмы)! Оборот предприятий Банеров достиг в 1975 г. 250 млн. марок¹. Этот концерн, на фабриках которого занято 3000 рабочих и служащих, имеющий многочисленных акционеров в Швейцарии, Бельгии, Англии и Франции, поддерживает банковские связи не только с Дрезденским и Немецким банками, но также и с банком князя Фуггера-Бабенхаузена, то есть с тем банком, пайщиком которого является Дитрих Банер².

Круг замыкается, когда мы узнаём, что Дитрих Банер входит в совет Немецкого банка. И это далеко не полный перечень предпринимательских постов Банера — союзника Фуггеров и выскочки, разбогатевшего

¹ «Der Spiegel» (Hamburg), 2. II 1976.

² «Wer gehört zu wem Mutter- und Tochtergesellschaften von A-Z» o. O 1964 S 196 — См также позднейшие издания.

за счет чужой собственности, совершившего преступление перед народом ГДР и вознесшегося под покровительством западных союзников до положения видного представителя промышленного и банковского капитала ФРГ. Мы еще встретимся с ним как с выразителем интересов крайне правых политических сил.

Третья линия связей Фуггеров тянется прямо к американскому финансовому капиталу. Как сообщалось в печати, граф Рудольф Фуггер в начале 60-х годов взял на себя управление находящейся в ФРГ дочерней компанией американского предприятия «Меррилл Линч, Пирс, Феннер и Смит»¹. Этот Рудольф Карл Мария Фуггер фон Бабенхаузен является племянником князя Фридриха Фуггера фон Бабенхаузена и сыном воздушного шпиона, ставшего впоследствии гитлеровским генералом. До того как стать управляющим филиала в ФРГ, Рудольф Фуггер работал и жил в Нью-Йорке, где находится главная контора фирмы Меррилла Линча. Это крупнейшая в мире биржевая маклерская фирма, имеющая более миллиона клиентов — частных лиц и учреждений. По мнению чикагского журнала «Fortune», она является собой пример «исключительного могущества и господства, равных которым почти не имеется в других областях бизнеса в США»². 255 бюро и отделений в США и в городах 18 других стран, в том числе во Франкфурте-на-Майне, Мюнхене и Дюссельдорфе, ведут дела фирмы (которая, кстати, летом 1973 г. оказалась под огнем критики за то, что побуждала клиентуру к приобретению обесцененных акций).

Центр тяжести ее деятельности все более перемещается в зарубежные страны. В соответствии со стратегией американского финансового капитала, его наступательной политикой вывоза капитала и усиления американизации экономики других стран Меррилл Линч активно участвует в выпуске и продаже на мировых рынках ценных бумаг, благодаря чему у него имеются связи со многими отраслями экономики, с

¹ Это дочернее предприятие в ФРГ называется «Меррилл, Пирс, Феннер и Смит интернэшнл лимитед».

² Carol J. Loomis. The Merrill Lynch Bull is Loose on Wall Street.— «Fortune», 1972, № 5, S. 174.

государственными и общественными учреждениями капиталистических стран. В 1971 г. объем сделок этой фирмы с американскими и иностранными учреждениями по купле-продаже крупных пакетов акций достиг 2,2 млрд. долл.

Таким образом, Фуггеры связаны не только с Дрезденским и Немецким банками, но и с кругами финансовой олигархии США. Фуггеры не были бы Фуггерами, если бы их политические позиции подвергались принципиальным изменениям. Конечно, они не могут более служить монархии или прославлять не-прикрытый фашизм, финалом которых были катастрофы и которые поэтому как-то вышли из моды. Значит, надобно искать новую разновидность крайней реакции.

Патриарх рода, князь Фуггер-Глётт, вокруг которого Аденауэр и ему подобные создали фальшивый ореол борца Сопротивления, пытался реабилитировать запятнавший себя убийством миллионов людей германский империализм. Эта миссия предопределялась и международными связями князя: ведь мать его жены была бельгийской принцессой, а сам он прямо или через другие ветви клана связан узами родства с наследственной и денежной аристократией Австрии, Франции, Италии, Великобритании и США.

Князь Фуггер-Глётт помогал закрывать брешь, образовавшуюся вследствие разгрома гитлеровского фашизма, и помогал строить новую политическую крепость реакционных сил. Он стал одним из основателей Христианско-социального союза в Швабии и в течение многих лет занимал пост третьего председателя и казначея ХСС. Он также представлял ХСС в бундестаге первого созыва (1949—1953 гг.), был членом внешнеполитического комитета боннского парламента, одним из первых западногерманских представителей в Европейском совете и до 1962 г. являлся депутатом ХСС в ландтаге Баварии. В 1956 г. Аденауэр наградил его «Большим крестом за заслуги», к которому в 1965 г. была добавлена звезда; Фуггер принадлежит к числу деятелей Федеративной Республики, отмеченных ее высшими наградами.

Деятельное участие князя, предпочитающего оставаться в тени, в формировании политики партии

Франца Йозефа Штрауса засвидетельствовал известный ультрапрекционный еженедельник: «Этот... светский человек... служит баварской политике и этой в конечном счете консервативной земле прежде всего как один из советников председателя ХСС...»¹ Не один час провел Штраус в политических беседах с его светлостью и с графом Арко (приемным сыном князя Фуггера), мюнхенский дворец которого является (что весьма примечательно) резиденцией экономического совета ХСС!

С юных лет в кайзеровском рейхе, во времена Веймарской республики и гитлеровской диктатуры, а также после образования Федеративной республики вплоть до последних лет князь-реакционер последовательно вел свою политическую линию. Когда весной 1972 г. в ФРГ поднялась волна движения за заключение Московского и Варшавского договоров, князь Йозеф Эрнст Фуггер-Глётт поставил 4 мая 1972 г. свою подпись под возванием «Ко всем немцам», призывающим к борьбе против договоров СССР, Польши и ГДР с ФРГ и содержавшим избитую группу клевету на Советский Союз и другие социалистические государства.

Деятельность князя в области политики и экономики не ограничивалась рамками ХСС и обязанностями депутата. После второй мировой войны он многие годы был президентом рабочей группы всех союзов крупных землевладельцев ФРГ и Союза землевладельцев Баварии. В этом качестве он не без успеха использовал свое влияние в борьбе против всяких аграрных реформ.

Закономерно, что именно баварские землевладельцы всегда были и остаются первыми в финансировании партии Штрауса. Так, Союз баварских землевладельцев, председателем которого в то время был Фуггер-Глётт, в своем призывае к созданию крупного фонда для проведения предвыборной кампании с целью оказания эффективной поддержки реакционным партиям писал 15 сентября 1950 г.: «В нынешней политической обстановке целью нашего союза может быть лишь противодействие устремлениям левых

¹ «Fürstlicher Berater». — «Münchener Merkur», 26. X. 1960.

партий путем укрепления всех буржуазных партий в целом... Только посредством централизованного использования значительных материальных средств можно добиться реализации (наших) требований»¹.

Свои связи с политикой Фуггеры поддерживает и через пайщика своего аугсбургского банка, упоминавшегося уже Дитриха Банера, чья политическая роль полностью соответствует его мошенничествам в экономических делах.

Занимавший с 1967 по 1970 г. посты председателя земельного правления и члена Центрального правления СвДП, Банер всегда стоял и остается на стороне крайне правых сил в ФРГ; он шлет приветствия конференциям неонацистов и финансирует их мероприятия. Стремясь добиться падения возглавлявшегося социал-демократами правительства ФРГ и вновь поставить у власти самые реакционные силы страны, Банер в 1970 г. вместе с бывшим руководителем гитлеровской молодежи Цогльманом и другими вышел из СвДП, основал вместе с ними «Организацию национально-либеральных действий», из рядов которой впоследствии вышел «Немецкий союз».

В доме Банера в баварском городке Айштеттен, который по своим размерам и показной роскоши скорее походит на дворец, проводились секретные совещания Франца Йозефа Штрауса, Цогльмана, Банера и других по вопросам подготовки создания «Немецкого союза»². Реакционность Банера была вознаграждена предоставлением ему кресла в экономическом совете ХДС. Там он сидит рядом с председателем наблюдательного совета Немецкого банка Германом Йозефом Абсом, в окружении генеральных директоров и держателей пакетов акций концернов Дегусса, Байера, Клённера, Шпрингера³.

Банер является членом правления секции ФРГ в созданном в начале 1971 г. реваншистском «Совете

¹ Bernt Engelmann. Auf die Hektar kommt es an.— «Bilanz. Magazin für Wirtschaft und Politik». Dortmund, 1972, № 5, S. 18 (Faksimile).

² Кстати, один из сыновей Банера, совладелец семейного концерна, является председателем районного правления ХДС района Веддинг в Западном Берлине.

³ «Wirtschaftsrat der CDU e. V. Satzung, Mitgliedschaft, Vorstand». Bonn, 1972.

американо-европейского сотрудничества национальных групп», главной целью которого является борьба против договоров ФРГ с СССР и Польской Народной Республикой. Когда во второй половине октября 1975 г. собравшиеся в Штутгарте представители самых реакционных политических группировок и союзов Западной Германии объединились в рядах нового, распространившего свою деятельность на всю территорию ФРГ «Движения за создание четвертой партии», его первым председателем был избран Дитрих Банер. Эта новая партия, пользуясь закулисной поддержкой Франца Йозефа Штрауса, преследует в области как внутренней, так и внешней политики сугубо консервативные цели подавления и экспансии.

Экономическая сила, политическое влияние, международные связи и вековые реакционные традиции — совокупность многих факторов дает основание для вывода, что семейный клан Фуггеров относится к ультрапрекционному крылу аристократической ветви монополистической буржуазии ФРГ, связанной узами союза со Штраусом, Абсом, Шпрингером и явными неофашистами.

Последнее слово принадлежит бывшему федеральному канцлеру Конраду Аденауэру: победа «свободного экономического строя» после второй мировой войны не могла быть завоевана в Федеративной Республике без таких людей, как князь Фуггер¹. Если отбросить шелуху красноречия, то смысл этих слов состоит в том, что в возрождении западногерманского империализма у Фуггеров большие заслуги.

Баварией — самой крупной землей Федеративной Республики — правит триумвират: финансовый капитал, аристократия и ХСС. И Фуггеры не исключение, а типичный пример; в одном ряду с ними находятся многочисленные баварские бароны, графы, князья, принцы, которые играют важную роль не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности и банковском деле. Будь то графы Фаберы-Кастеллы, в руках

¹ Konrad Adenauer. Um sein Vaterland und um Europa verdient — «Bewährtes, gewahrtes, gemehrtes Erbe Eine Gabe zum 26. Oktober 1965» (Dem Fürsten Joseph Ernst Fugger von Glött zum 70. Geburtstag am 26. Oktober 1965), Zürich, 1965, S. 19—20.

которых сосредоточена часть мирового производства карандашей и канцелярских товаров, или князья Лёвенштайн-Вертгеймы, владеющие 12 тыс. га земли и долевыми паями множества крупных строительных фирм, или графы Тёrrинг-Еттенбахи, которые наряду с богатыми сельскохозяйственными угодьями, большими пивоваренными заводами имеют предприятие, выпускающее магнитофоны,— все они в силу своих экономических позиций занимают важное место в обществе и политике.

Вот частный банкир барон фон Финк, который столь много сделал и пожертвовал для нацистов, что Гитлер назначил его членом Генерального совета по экономике и членом руководства Академии немецкого права, разрешив ему «аризировать», то есть разграбить важнейший берлинский банк Дрейфуса, а после оккупации Австрии — имевший международное значение банк барона Ротшильда. Другие после второй мировой войны были наказаны за менее значительные преступления — фон Финк остался безнаказанным. Будучи управляющим банкирским домом «Мерк, Финк и компания» в Мюнхене, председателем наблюдательного совета крупных страховых компаний и строительных предприятий, Финк также играет решающую роль в производстве высококачественной стали на предприятиях Рура и Рейна. Являясь крупным помещиком, он хранит на 4 тыс. га земли; его состояние оценивается примерно в 5 млрд. марок.

Вот господа фон Сименсы, которые после второй мировой войны перевели управление своим концерном в Мюнхен и, достигнув общего оборота капитала на сумму 15 млрд. марок, выдвинулись на девятое место в списке крупнейших капиталистических предприятий мира.

Вот управляемая из Мюнхена военно-промышленная империя семейства Флика.

А вот и «Мессершмит — Бёльков — Блом» — расположенный в Мюнхене концерн, выпускающий самолеты и космическую технику, опаснейшая кузница оружия Федеративной Республики. Главный акционер и председатель наблюдательного совета Вилли Мессершмит женат на баронессе фон Михель-Раулине из широко разветвленного рода фон Маффейев,

перечисление земельных владений которых, а также промышленных предприятий и банков, совладельцем которых он является, заполнило бы целые страницы. В наблюдательный совет концерна Мессершмита входит также Ханс Хайнрих фон Србик, заведующий «аризированным» при Гитлере банкирским домом «Ауфхойзер» в Мюнхене. Руководство концерном дополняют три генерала бундесвера, разумеется — военно-воздушных сил.

Вот всемирно известные «Байрише моторенверке», входящие в концерн Квандта, но располагающие все же основным капиталом более четверти миллиарда. Во главе их наблюдательного совета стоят господа фон Кюнхайм и фон Хинкельдей, а за экспорт продукции отвечает граф фон Монжело, который также имеет кресло и право голоса в экономическом совете ХСС.

К числу пользующихся политическим влиянием бездельников-аристократов Баварии относятся князья фон Турн унд Таксисы, владельцы дюжины замков, фамильного банка, 35 тыс. га земли в ФРГ и втрое больших угодий в Бразилии, Канаде (пров. Британская Колумбия), а также множества предприятий легкой промышленности. Наследного принца называют «крупнейшим владельцем лесов и лугов Германии»¹.

Наряду с другими богатыми аристократами следует назвать лесопромышленников и владельцев бумажных фабрик князей фон Вальдбург-Вольфег-Цейль с их 17 тыс. га угодий, промышленными и торговыми предприятиями. Князья Вальдбурги гордятся одним из своих предков, который был просто негодяем, но оставил своим потомкам огромное состояние. Речь идет о трухзесе фон Вальдбурге, главнокомандующем вооруженными силами Швабского союза, потопившем в крови великое восстание немецких крестьян 1525 г.². И вот мы снова вернулись к Фуггерам: ведь это они оплачивали наемников, их предводителя, стяжавшего богатство уничтожением отрядов крестьян. Он присвоил собственность многих тысяч крестьян, которые до этого по его приказу

¹ «Wirtschaftswoche» (Hamburg), 26. IV. 1974, S. 76.

² См с 129, 138.

были обезглавлены или ослеплены. Одновременно он обогащался за счет денежных штрафов, которыми облагал деревни и города.

Таково оставленное грабителем-предком политическое и экономическое наследие, ставшее источником влияния нынешнего князя Георга фон Вальдбурга — владельца газетного концерна на юге ФРГ, женатого на принцессе из дома бывшего короля Баварии, шурина чешского — в прошлом — князя Николая фон Лобковича, который в свою очередь, будучи ректором Мюнхенского университета, возглавляет борьбу реакционных сил в высших учебных заведениях ФРГ против студентов, придерживающихся левых и либеральных взглядов. А прожженный политик ХСС Вальдбург в своих газетах (ему принадлежат крупнейшие провинциальные газеты Альгау, Бадена и Вюртемберга) прославляет Лобковича, так же как прославлял Франко, с которым он поддерживал личные связи. Его богатство позволяет ему финансировать правые консервативные и монархические группировки вроде находящейся в Мадриде «Западноевропейской академии» и другие центры реакционных группировок в странах Западной Европы.

Все перечисленные выше лица и многие другие — это сплав аристократии, экономики и политики ХСС. С середины пятидесятых годов они превратили Баварию в область, где приоритет отдан развитию современных отраслей промышленности, одновременно имеющих важное значение производственной базы вооружения и придающих Баварии особый экономический и политический вес в ФРГ.

ЛИТЕРАТУРА ФРГ О ФУГГЕРАХ

Это было в 1935 г. Крикливая фашистская пропаганда, этот пролог готовившихся погромов, достигла предела, оглушив большую часть населения Германии. Прежде чем лишать евреев жизни, их лишили основы существования. Дело шло о том, чтобы путем чудовищного обмана отвлечь внимание от обогащения богатых и приступить к широкому вооружению нацистского рейха, готовившегося ко второй мировой войне. Была спущена с цепи вся свора журналистов

режима, от псевдоученых и эсэсовцев — редакторов газет «Schwarzer Kogrs» и «Reich» до подонков, подавшихся в берлинской «Angriff», в бульварном листке «Stürmer» нюрнбергского гаулайтера Штрайхера. На читателей ежедневно и повсеместно обрушивались потоки статей, в которых при помощи выдуманных фактов неопровержимо доказывалось то, что было приказано доказать: что евреи всегда были бедствием для немцев, что они ввели в обиход в немецких землях ростовщичество, что они повинны в появлении коммунизма,— и много другого подобного зловещего вздора. Впрочем, эта ложь взросла не на собственной навозной куче нацистов, а была списана у лжеученых типа Зомбарта, отчего все это дело не стало, однако, более правдоподобным.

Фашистская принудительная организация «Немецкий рабочий фронт», созданная гитлеровским правительством после разгрома Всеобщего германского объединения профсоюзов, под заголовком «Труд и мировоззрение» опубликовала так называемое теоретическое приложение к своим отраслевым печатным органам. В нем давалось следующее объяснение возникновения капитализма (против которого НРФ время от времени выступал с формальными протестами, чтобы тем активнее поддерживать капитализм на практике):

«Капитализму предшествовал общественный строй, который называют феодально-цеховым. Господствующей идеей того времени для любой экономической деятельности была та, что никто не должен зарабатывать больше того, чем требовалось для жизни. Налицо было стремление никоим образом не допустить, чтобы в руках отдельных лиц накапливались крупные состояния. Чрезвычайно важным средством для этого был общий запрет давать деньги взаймы под проценты. Каждому истинному христианину под угрозой спасению его души запрещалось взыскивать проценты. Тот факт, что в течение всей эпохи средневековья деньги под проценты ссужали только евреи, был одной из причин накопления крупных богатств в их руках... Ссуда денег с ее различными методами и формами, несомненно, является предпосылкой и важнейшим строительным материалом капиталистической

системы¹. Это было «теоретическим» обоснованием для последующего уничтожения миллионов евреев.

Имеется обширная литература эпохи раннего капитализма и литература об этой эпохе, где дается подробное экономическое, политическое, религиозное, философское освещение таких явлений, как ростовщичество, «монополии» и т. д. Известнейшие авторы XV и XVI вв. решительно выступали против практики и проводников этой экономической политики раннего капитализма, которые названы ими по имени и разоблачены. И что же! Среди них не оказалось евреев, но были те, кого всячески превозносят империалистические историки, называя их «почтенными королевскими купцами». Что ж, могут возразить нам, ведь так рассуждали типичные нацисты, теперь это в прошлом. Нет, это и настоящее. Ведь семейство Фуггеров, когда-то богатейшая фирма мира, находится ныне на верхних ступенях общественной лестницы в Федеративной Республике. Оно обладает миллиардным состоянием, занимается организацией и финансированием крайне реакционных течений, а учебники, по которым учат детей в школах между Эльбой и Рейном, Изаром и Северным морем, превозносят это семейство так же, как это было во времена кайзера и Гитлера.

Учебные пособия для школьников, студентов и преподавателей ФРГ являются примером того, как историографы, рассказывая в научно-популярной форме о Фуггерях, превращают их гнусность в добродетель, чтобы воспитывать молодежь в духе приверженности режиму господства империализма в ФРГ. Нередко это делается незаметно, путем замалчивания неприглядных фактов и взаимосвязей, результатом чего является грубая фальсификация. Объективный исторический анализ преднамеренно подменяется отвечающей потребностям сегодняшнего дня открыто проимпериалистической тенденциозностью, и весьма типично, что прославление Фуггеров в этих книгах сопровождается грубыми выпадами против социалистических стран.

Какими источниками питается дух, в котором воспитывается учащаяся молодежь ФРГ, видно на

¹ «Arbeit und Weltanschauung», 1935, № 10 und 13.

примере дела барона Гёца фон Пёльница, бывшего управляющего «фондом Фуггеров» и заведующего архивом Фуггеров, написавшего в течение десятилетий (он умер в 1967 г.) немало толстых книг, послуживших основой для современной популярной литературы о Фуггерах, предназначенной, в частности, для школ.

Благодаря своему положению он располагал множеством сведений интимного характера, что позволило ему привести в своих трудах массу подробностей, причем он заботливо избегал упоминания тех почерпнутых из документов фактов, которые представляли Фуггеров в невыгодном свете. И этому не приходится удивляться, ибо автор был настоящим фашистом; и есть все основания говорить о «деле Пёльница».

В 1938 г. он написал и опубликовал под своим именем работу, в которой дал определение Веймарской республики, назвав ее «восточно-еврейским столпотворением», которое «управлялось пришлыми евреями и «уполномоченными народом», уклонявшимися от военной службы людьми», это — «псевдогосударство», которое «нельзя было терпеть»¹.

После нападения Гитлера на Францию Пёльниц выступил в центральном ежемесячном журнале нацистской партии *«Der Schulungsbrief»* с заявлением, что захваченные области перешли «от древних франков к немцам по праву крови», и подчеркнул «священное право Германии на ее границу на западе»², которая наряду с Эльзасом охватывает также Бургундию и Лотарингию. Уже до 1933 г. он был членом нацистской партии и даже членом штурмового отряда «Адольф Гитлер»; в своих речах и писаниях он всячески превозносил «великий германский рейх» нацистов.

Это не помешало возглавлявшемуся ХСС правительству Баварии назначить его директором-учредителем университета Регенсбурга. Лишь разоблачение его коричневого прошлого Германской Демократиче-

¹ Götz von Pölnitz. Emir. Das tapfere Leben des Freiherrn Marschall von Bieberstein, München, 1938, S. 66, 60, 202.

² Götz Freiherr von Pölnitz. Deutsches Schicksal. Geschichte der Reichsgrenze im Westen. — *«Der Schulungsbrief»*, Berlin, 1940, 5. Folge, S. 75, 80.

ской Республикой в «Коричневой книге военных и нацистских преступников в Федеративной Республике» вынудило Пёльница оставить пост ректора. Но старый нацист остался семейным биографом князей Фуггеров, которые за то, что он причислил их к лицу святых, добились от святого престола присвоения ему звания почетного офицера рыцарского ордена Гроба господня.

Западногерманские авторы школьных учебников черпают вдохновение из фальсификаций в его книгах. Давая определение предпринимательству раннего капитализма, они утверждают, что оно основывалось «на индивидуальном труде и усердии и на новых, религиозно и этически обоснованных экономических принципах»¹. Наряду с политической ролью Фуггеров они особо подчеркивают «их культурную, социальную деятельность, их разностороннюю роль в бурном духовном развитии в эпоху раннего немецкого Возрождения»². Главное место здесь занимает не стремление к исторической правде, а идеология, превращающая недостойную человека эксплуатацию в гимн усердию индивидуума.

Многочисленные публикации известных, и не только лишь баварских, издательств учебной литературы представляют Фуггеров как образец целеустремленности. Они «упорны в делах»³ и являются примером отважного предпринимательства. «Торговля обогащает купца»⁴, — делают вывод авторы этих книг. Или: «Высокие прибыли были наградой их предпримчивости»⁵. Во всех этих жизнеописаниях звучат дифирамбы усердию Фуггеров.

Инициатива и активность, свойственные Фуггерам в ведении дел, не вызывают сомнений. Но все это

¹ Wilhelm Treue. Wirtschaft, Gesellschaft und Technik in Deutschland vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. — Gebhardt. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 2, Stuttgart, 1970, S. 469.

² Ebenda, S. 470

³ Wolfgang Hug — Erhard Rumpf — Joist Grolle. Menschen in ihrer Zeit, 2. Druck. — «Mittelalter und in der frühen Neuzeit», Stuttgart, 1968, S. 102.

⁴ «Damals und heute. Geschichte für Volksschulen, Ausgabe C» Bd. 1, Stuttgart, 1965, S. 63.

⁵ Wolfgang Hug — Erhard Rumpf — Joist Grolle. Menschen in ihrer Zeit, 2. Druck, S. 100.

служило не каким-то благородным, альтруистическим целям, а эгоистическому обогащению. Преклонение перед Фуггерами XV и XVI вв. преднамеренно облечено в такую форму, что оно воспринимается как прославление монополистов XX в., которые представляются как общественный идеал.

Вновь и вновь повторяется легенда о сказочном возвышении, будто оно произошло в безвоздушном пространстве или, в лучшем случае, явилось результатом деловитости Фуггеров, а не жестокой эксплуатации и угнетения ими людей. Посмотрите — ведь и Фуггеры выбились в люди «путем выгодных закупок»¹. Ни слова о подлинных истоках богатства Фуггеров, ни строчки о поте, пролитом ткачами и рудокопами, о крестьянских податях и налогах, о неискончаемых военных бедствиях, виновниками которых были Фуггеры! Вместо этого — создание легенд, во что внес свой вклад и основатель электрического концерна Вернер фон Сименс, который пишет: «Так, с юных лет я мечтал о том, чтобы основать предприятие мирового значения *à la* Фуггер, которое принесло бы силу и авторитет во всем мире не только мне, но и моим потомкам, а также материальные средства, чтобы ввести в высшие круги общества также и моих братьев и сестер и ближайших родственников»².

Промышленник XIX в., предприятие которого превратилось в XX в. в мировой трест, который был соучастником преступлений Гитлера и благодаря ему получил немалые барыши, вполне закономерно считает Фуггера символом утоленной жажды власти и обогащения.

Конечно, политические концепции отдельных учебников имеют нюансы, их профессиональный уровень неодинаков. Так, например, выпущенная издательством «Дистервег» книга «Основы истории для средних классов школы» имеет даже раздел о сопутствующих социальных явлениях в горном деле времен Фуг-

¹ *Geschichtliches Unterrichtswerk für Real- und Mittelschulen*, Ausgabe C, Bd. 2/3.— «Mittelalter und Neuzeit bis 1648». Paderborn, 1962, S. 133.

² *Werner Siemens. Ein kurzgefaßtes Lebensbild nebst einer Auswahl seiner Briefe*, Berlin, 1916, Bd. 2, S. 911.

геров¹. Но и здесь мы читаем сказки о социальной справедливости Фуггеров. А в одном из учебных пособий по истории для высших учебных заведений даже подчеркивается, «сколь сильно было развито чувство христианской и социальной ответственности у этого немецкого раннего капитализма в лице его самого выдающегося представителя»². Хотелось бы спросить: против кого же, собственно, была направлена тогда борьба с «бездожным ростовщичеством», с «великими разбойниками», с эксплуатацией и голодом?

Поскольку Фуггеры действительно не блещут заслугами в социальной области, их биографам не остается ничего иного, как приукрасить сущую безделицу, и они пишут: «Как христианин, он [Якоб Фуггер.—A. H.] был верным сыном старой церкви. Думая о спасении своей души, он учредил на свои деньги... небольшую колонию «Фуггеров квартал». В ней нашли пристанище более сотни семей мелких ремесленников и поденщиков, которым иначе пришлось бы жить подаяниями. С них взималась лишь совсем небольшая квартирная плата; их главным долгом в благодарность за это была ежедневная молитва за спасение души благодетеля, его предков и потомков»³.

Подумать только: Фуггеры дали дешевый кров целой сотне семей, и в то же время они эксплуатировали и обирали до нитки десятки тысяч семей ткачей, горняков и крестьян! И это еще не все; в сочинениях буржуазных авторов упоминается о том, что Фуггеры восстановили в первоначальном виде разрушенные во время второй мировой войны фамильный дом в Аугсбурге и «Фуггеров квартал». Еще бы! Но они сделали это после того, как вершили общее дело с нацистами — главными виновниками разрушения этого города.

¹ «Grundzüge der Geschichte, Mittelstufe, Ausgabe B», Bd. 2.—«Vom Frankenreich bis zum Westfälischen Frieden». Frankfurt am Main, [West-]Berlin, Bonn, München, 1968, S. 162.

² «Geschichtliches Unterrichtswerk für höhere Lehranstalten, Oberstufe», Bd. II.—«Die Zeit der abendländischen Christenheit». Bis zur Aufklärung (Das Abendland) Paderborn, 1956, S. 152. Wolfgang Hug—Erhard Rumpf—Joist Grolle. Menschen in ihrer Zeit 2. Druck, S. 102.

³ «Grundzüge der Geschichte, Mittelschule, Ausgabe B». Bd. 2, S. 165.

«Фуггеров квартал» был и остается раздутой в агитационных целях, а в действительности ничтожной попыткой Фуггеров откупиться от своей непомерной вины единственным делом, которым они могут похвастаться. Их «благотворительность» — это пускание пыли в глаза. Эта колония не стоила Фуггерам и одного процента их доходов. Она служила тому, чтобы, как об этом сказано в державшейся в секрете почетной книге Фуггеров, «род Фуггеров оставил о себе добрую память»¹. В наше время это звучит так: заведение вроде «Фуггерова квартала» должно «ярко отражать суть и законность свободного [читай — капиталистического.— А. Н.] хозяйства и свободного общества»². Речь идет не о благе человека. Грошовая благотворительность приводится как довод в пользу сохранения господства эксплуататоров-миллионеров.

В предназначенных для обучения молодежи кни-гах мы ни слова не найдем о грабительских ростов-щических и иных сделках, противоречащих любым понятиям нравственности. Вместо этого молодежи ФРГ рассказывают о том, что «Фуггеров квартал» был-де «первым немецким рабочим поселком для служащих и рабочих»³.

Тенденциозность такой интерпретации полностью обнажает один из учебников для гимназий, в котором читателям задается прямой вопрос: «Знаешь ли ты современных крупных промышленников, которые действуют в духе «Фуггерова квартала?»⁴ Не трудно догадаться, какой ожидается ответ. Мы слышим старую песню о благотворительности капиталистов. Нам напоминают о жилых поселках, построенных Круп-пом для своих рабочих, что в свое время вызывало у буржуазных газет приступы умиления «благотвори-тельностью» предпринимателей. При этом они и сло-

¹ Max Jansen *Die Anfänge der Fugger*, S. 74

² «Tabula gratulatoria — Das Buch der Stiftungen». — «Be-wahrtes, gewahrtes, gemehrtes Eibe», S. 88

³ «Grundzüge der Geschichte, Oberstufe, Ausgabe B». «Text-band I, Von der Urzeit bis zum Zeitalter des Absolutismus. Frankfurt am Main, (West-) Berlin, Bonn, München, (1967), S. 161

⁴ «Grundzüge der Geschichte, Einheitsausgabe für mittlere Klassen». Bd. 2G «Aus der Ur- und Frühgeschichte Europas Vom Entstehen der abendländischen Einheit bis zum Westfälischen Frieden». Frankfurt am Main, (West-) Berlin, Bonn, 1957, S. 88.

вом не обмолвились о миллиардных прибылях, заработанных Круппом и ему подобными на производстве вооружения и войнах.

О том, что, собственно, представляет собой этот вид попечительства капиталистов, со всей убедительностью свидетельствует пример Круппов. В 1967 г. они неожиданно продали все принадлежавшие им жилища горняков крупнейшему спекулянту домами, получив 33 млн. марок прибыли, рабочим было объявлено о немедленном выселении; им было разрешено остаться в домах лишь после того, как они были вынуждены согласиться со значительным повышением квартплаты и требованием единовременной уплаты дополнительных сумм¹.

Как в прошлом, так и сейчас деньги на подобные благотворительные цели поступают от эксплуатируемых. Это лишь незначительная часть произведенной трудящимися прибавочной стоимости, но в публикациях идеологических трубадуров империализма восхваление таких благотворительных деяний заполняет многие страницы. На них вновь и вновь ссылаются с тем, чтобы, рассказав, например, о крупнейшем в США «Фонде Форда» или «Фонде Рокфеллера», создать ореол святости вокруг строя эксплуататоров.

Не случайно, что именно «Фонд Форда» — один из инициаторов «холодной войны» — сыграл немаловажную роль в Западном Берлине. На его средства в 1948 г. там был основан «Свободный университет» — раскольническое высшее учебное заведение, преднамеренно созданное в противовес университету им. Гумбольдта на Унтер-ден-линден, чтобы подстремить студенческую молодежь против тогдашней советской оккупационной зоны, а затем — против ГДР. То, что эти расчеты оправдывались лишь вначале, а позднее молодежь этого университета также стала решительно выступать против сил реакции и реваншизма, — это уже другой вопрос.

Фонды Тиссена, Роберта Буша и Круппа, одни из крупнейших в ФРГ, играют ту же самую роль, что и их американские прототипы. Это излюбленное

¹ Peterberg Uniewski. Der Ausbeuter. — «Stern» (Нью-Йорк), 1973, Heft 16, S. 22, 190.

косметическое средство монополистического капитала, отпущение грехов XX в. Выделить пустячную сумму из прибыли — ведь это благородное дело, позволяющее облечь банкиров и крупных промышленников в тогу благодетелей человечества; к тому же это дает право на льготы при уплате налогов. «Их благотворительные фонды часто преследуют лишь одну цель: с выгодой отдать то, что они так или иначе должны выплатить в виде налогов, и все же не выпускать это из своих рук. Финансируемый Рокфеллерами университет прямо или косвенно обеспечивает этому семейству дополнительную политическую власть»¹. Такова роль этих благотворительных учреждений, точно охарактеризованная профессором Голо Манном, сыном Томаса Манна.

Благодаря мелким и крупным фальсификациям в научно-популярной исторической литературе от Фуггеров эпохи раннего капитализма тянется нить к Круппу и Тиссену эпохи позднего капитализма. Проклятьем буржуазно-консервативной историографии всегда было и поныне — в ФРГ — остается то, что она всегда выступала в защиту монополий — будь то монополии XVI или XX в. — и против угнетаемого ими народа.

Разумеется, что панегирики империалистических историков в адрес Фуггеров сопровождаются объявлением вне закона крестьян и их революционной войны. Для таких историографов Томас Мюнцер является смутьяном, а вставшие на борьбу крестьяне — возмутителями спокойствия всех времен.

Группа буржуазных историков социал-демократического толка, считающих, что они улавливают веяния нового времени, не отрицает революционной законности Крестьянской войны, но в то же время она пытается доказать, что именно ФРГ является наследницей традиций крестьян 1525 г. — та самая ФРГ, где с 1949 по 1972 г. прекратили существование около 807 000 крестьянских хозяйств с площадью угодий от 0,5 га (или 42% всех хозяйств) и которая не только

¹ Golo Mann. Über deutsche Unternehmer. Nutzlos wie der Adel? — «Capital. Das deutsche Wirtschaftsmagazin» (Hamburg), 1973, № 4, S. 15.

пальцем не тронула тунеядцев — крупных землевладельцев — и их земли, но и оказывает им политическую и финансовую поддержку.

ДВА ПУТИ ИСТОРИИ

В германской империи ранний капитализм не был непосредственным продолжением мануфактурного производства, как в других европейских странах; он не мог развиваться таким путем вследствие поражения ранней буржуазной революции, сохранения политической и территориальной раздробленности, опустошительных, длившихся десятилетиями на немецкой земле войн. Фуггерам, ставшим феодальными аристократами, удалось выжить. Мы видим их на вершине светской и церковной власти: они занимали важные военные посты, были придворными монархов, принадлежали к иерархии католической церкви, которая считала себя прежде всего и воплощением светской власти и действовала соответствующим образом.

Находясь на вершине своего могущества, они в XVI в. помышляли о герцогской короне. Они не стали ее обладателями. И все же они восседали на троне богатства и жизненных благ, купались в славе, блеске и величии, которые дали им их несметные богатства, судили народ как властители, хотя и не были увенчаны настоящей короной. Они вошли в историю с позорным клеймом не знавших пощады эксплуататоров; вековая родословная этого клана от истоков до наших дней — это родословная людей, одержимых страстью к наживе, безжалостных к своим врагам, считавших народ быдлом, удел которого — беспрекословное подчинение воле господ.

Так стали Фуггеры характерным явлением системы господства, в которой на немецкой земле до последнего времени класс феодалов играл значительно более важную роль, чем это соответствовало его экономическому весу. В особенности это относится к тем дворянам, которые, не являясь потомками так называемых древних родов или рыцарского дворянства, были возведены монархами в дворянское достоинство вследствие их финансового могущества.

В прошлом веке возник союз между представителями немецкого феодального и денежного дворянства: нередким явлением стало заключение браков, когда дочери бедных дворян выходили замуж за наследников богатых фабрикантов и банкиров, а мужчины из именитых аристократических семей (чаще всего с весьма скучными знаниями и состоянием) получали места в наблюдательных советах очень солидных фирм,— практика, которая и ныне широко распространена в государстве, называющем себя республикой, где считают, что украшенные гербами визитные карточки содействуют процветанию деловых отношений.

Но речь идет не только об экономике. Этот столь типичный для Пруссии и других германских государств союз феодальных слоев с современным классом капиталистов имеет особенно отвратительную отличительную черту — он породил самую зловещую форму империализма, развязавшего две агрессивные мировые войны и не раз устраивавшего кровавые расправы с немецким рабочим классом. Фуггеры также внесли свой вклад — вековой опыт губителей народа. Они участвовали в формировании не только практики, но и идеологии разбойниччьего германского капитализма и империализма и стоят — в полном соответствии с историей своего рода — на его крайне правом фланге.

Круг политических авантюризмов и экономических интересов Фуггеров очерчен на предыдущих страницах книги.

Не вызывает удивления, но все же примечателен альянс этих знатных представителей высшей аристократии с безродными рыцарями грабежа нового времени, с разжиревшими на гитлеровском «аризировании» новоявленными богачами, со спекулянтами, нажившимися на народных бедствиях во время и после второй мировой войны, с преступными элементами, обязанными своим возвышением расистской политике нацистов и сочетающими в себе качества прожженных дельцов с политическим правым экстремизмом.

Печальную картину нравов является экономическая и политическая история Фуггеров как в прошлом, так и в наши дни. То, что такие люди имеются, не удив

вительно. Симптоматично и страшно то, что они олицетворяют целый общественный строй, что их превозносят, что в исторической литературе и учебниках их представляют как достойный подражания образец для новых поколений. История вынесла приговор не только Фуггерам, но вместе с ними всей системе эксплуатации, обыкновенному капитализму.

Мы познакомились с пагубными деяниями могущественного в средневековье, но не утратившего влияния и в нынешней ФРГ семейства, которое, как и многие другие, и в XX в. все еще живет богатыми плодами преступлений своих предков. Жаль, что в ФРГ тон задают подобные призраки прошлого, для которых само собой разумеющимся является с помощью тысячи эксплуатируемых выкачивать земельную ренту со своих огромных латифундий, получать промышленные и банковские прибыли и которые принадлежат к верхушке общества, потому что, подобно трутням, заставляют его кормить себя.

То, что в сфере капитализма прославляют Фуггеров, а в лагере социализма возвеличивают революционных крестьян и плебеев, имеет глубокое социальное и национальное значение. Самое крупное дотоле восстание немецкого народа в 1525 г. указало путь вперед, к освобождению от гнета феодализма и раннего капитализма, выход из царившей в немецких землях разрухи, что могло бы повести к формированию более прогрессивных отношений.

Всю историю немецкого народа пронизывают две линии — реакционная и революционная. Линия прогресса, вершиной которого стала Германская Демократическая Республика, — это линия коммунистов XX в. И вполне естественно, что господствующий слой в ФРГ, идеология которого там является доминирующей, берет пример с Фуггера и трухзеса фон Вальдбурга и, как и в то время, угнетает и преследует где только можно рабочих и крестьян.

Поскольку трудящиеся как в прошлом, так и теперь составляют подавляющее большинство народа, объективно их интересы всегда отражают интересы национальные. Коммунисты проникнуты национальными чувствами и действуют, будучи убежденными, что дело нации станет делом народа лишь при

социализме, что понятия «народ» и «нация» станут идентичными лишь в условиях социализма.

Только в расколотом на антагонистические классы обществе возможны люди, подобные Фуггерам. В обществе, где нет эксплуататоров, нет места Фуггерам и им подобным, ибо там власть без ограничений принадлежит рабочим и крестьянам.

Классово родственные Фуггерам слои всего лишь несколько десятилетий тому назад держали в своих руках экономическую и политическую власть в землях, входящих теперь в состав социалистической ГДР,— на равнинах Мекленбурга и Померании, Нойбранденбурга, на побережье Балтийского моря и в некоторых других областях. Эти паразиты на теле общества изгнаны у нас навсегда. Рабочие и подневольные крестьяне стали независимыми хозяевами земли, на которой они веками трудились, но не пользовались ранее плодами своего труда.

Туда, где во времена князей и других крупных землевладельцев вплоть до недавних десятилетий нашего века царили нужда и малограмотность, с социализмом пришли благосостояние и образование.

Если бы сотни тысяч забитых до смерти и расстрелянных, четвертованных и колесованных, повешенных и обезглавленных на деньги и по приказу Фуггеров крестьян и плебеев встали из своих безымянных могил, их взоры были бы обращены к нам и они восславили бы смысл «Башмака» и его конечную победу в ГДР, где процветают сельскохозяйственные производственные кооперативы, где народ стал хозяином заводов и фабрик.

На камчатном знамени Великой немецкой крестьянской революции под изображением башмака и солнца была надпись: «Кто хочет быть свободным, вставай под лучи этого солнца!» Это был свет свободы для самого многочисленного класса людей труда, — свет, который тогда заслонили темные тучи реакции. В XX в. была открыта новая страница истории, которую не повернуть уже вспять. Союз рабочих и крестьян принес Германской Демократической Республике и всему ее народу животворный солнечный свет свободной жизни на свободной земле.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДОХОДАХ «БОЛЬШИХ» И «МАЛЕНЬКИХ» ЛЮДЕЙ

В 1527 г. Фуггеры обладали капиталом на сумму 2,8 млн. гульденов, а в 1546 г. даже 7 млн. Эти данные, взятые из бухгалтерских книг Фуггеров, не полные. Можно предположить, что по ряду позиций оценки их состояния занижены. Прежде всего это относится к недвижимости, замкам, товарам, банковским счетам и т. п. Умолчание о скрытых здесь запасах маскирует подлинные размеры капитала Фуггеров, который был вложен в торговые компании, не говоря уже об их личной собственности. И все же попытаемся сравнить приведенный выше капитал Фуггеров с размерами нынешних крупных состояний, чтобы дать хотя бы приблизительное представление о его величине.

Если исходить из того, что сумма в 2,8 млн. гульденов в 1527 г. была равнозначна примерно 6333 кг золота, а 19 лет спустя, в 1546 г., состояние Фуггеров оценивалось в 7 млн. гульденов, что соответствует примерно 15 800 кг золота, и учитывать при этом, что стоимость всего добытого в 1547 г. в Центральной Европе золота и серебра составила (в пересчете на золото) около 1450 кг, то из этого следует, что состояние Фуггеров соответствовало количеству золота и серебра, добывому за десять лет в этом тогда очень богатом по запасам районе. Это свидетельствует об огромной концентрации богатств в руках одного семейства, и совершенно очевидно, что уже одно это обусловливало господствующие общественные,

экономические и политические позиции этого торгового дома.

Кредиты, предоставляемые этим домом, в зависимости от обстоятельств, нередко составляли 100 000—150 000 гульденов, или 226—339 кг золота (1527 г.). В сравнении с этим, например, некоторые эрцгерцоги, герцоги, курфюрсты, архиепископы, епископы и т. д. должны были уплачивать имперской казне от 300 до 900 гульденов ежегодно. Лишь один кредит Фуггеров на сумму 10 тысяч гульденов в 15—30 раз превышал сумму налогов, выплачивавшихся империи властителями. Размер этих колоссальных кредитов дает наглядное представление о том господствующем экономическом и политическом положении, которое занимали Фуггеры по отношению к своим должникам.

Значение этих богатств станет еще нагляднее, если мы сравним их с доходами простых людей.

Если, к примеру, бедный крестьянин оказывался в состоянии продать в течение года свинью или корову, то его выручка составляла 1 или соответственно 2,5 гульдена, и это чаще всего был единственный источник его денежных доходов. При этом следует учитывать, что широкие слои крестьян должны были отдавать полученные таким путем деньги в уплату налогов и податей, так что выручка вообще не могла быть использована на приобретение самого необходимого.

Если служанка получала за свой труд в течение года 5—6 гульденов, а слуга — 12—14 гульденов, то это по тогдашним понятиям было уже много. Так же много, как считалось, получала горничная Фуггеров, зарабатывавшая 3 гульдена в год. Плата за выработку ткани на простое платье горожанки, стоявшее 9—10 гульденов, составляла примерно 7 крейцеров (60 крейцеров — 1 гульден). Не говоря уже о том, что жена ткача, принадлежавшего, как правило, к четвертому, то есть низшему, сословию, не смела купить себе такое платье, ткач просто был не в состоянии заработать 9—10 гульденов, чтобы купить платье горожанки, ибо для этого он был бы должен выткать материю на 77—80 платьев. На какие же средства он

должен был в течение этого времени кормить свою семью?

Но и этих сравнений с доходами простых людей недостаточно, чтобы получить полное представление о значении богатства Фуггеров в те годы. Для этого лучше вспомнить о том, что Фуггеры в то время занимали своего рода монопольное положение в области финансирования войн и гражданских войн. В районе к северу от Альп они обладали абсолютным суверенитетом, в Италии имелось всего лишь несколько столь же богатых семейств, игравших приблизительно такую же роль. В целом ни один светский или церковный владыка не был в состоянии осуществить без Фуггеров сколько-нибудь важную экономическую или политическую акцию.

Даже самые крупные банки эпохи империализма — такие, как, например, Международный банк реконструкции и развития, имевший к середине 1972 г. капитал в 24,5 млрд. долл., или «Бэнк оф Америка», один из самых крупных монополистических банков Соединенных Штатов Америки, или другие современные банки монополий США, Англии, Франции, ФРГ, Японии, капитал которых составляет многие миллиарды долларов, — ни один из них в отдельности не располагает хотя бы приблизительно такой экономической и политической властью, какой пользовались в свое время Фуггеры.

К этому следует добавить, что эти современные финансовые гиганты являются «коллективными капиталистами», то есть представляют собой объединения крупных капиталистов; речь идет, таким образом, не об отдельных финансовых магнатах, в то время как капитал Фуггеров был сосредоточен в руках одного лишь семейства.

Отсюда следует, что, во-первых, богатство этого семейства обеспечивало ему в течение определенного времени поистине безграничную власть и, во-вторых, ему всегда сопутствовал большой риск, с которым были связаны финансовые сделки и манипуляции этого банкирского дома. Ибо, действуя в одиночку, он был подвержен воздействию всех решающих экономических и политических противоречий, присущих общественной формации той эпохи с ее кризисами.

Сравнительная таблица стоимости различной валюты

Ввиду чрезвычайно больших различий в уровне развития денежного хозяйства и полннейшей экономической и политической раздробленности Фуггерам приходилось пользоваться самой различной валютой. Там, где речь идет о «гульденах», имеются в виду рейнские гульдены (сокращенно фл. — «флоренос») — валюта, которая чаще всего встречается в бухгалтерских книгах Фуггеров и которая происходит из Флоренции.

100 рейнских гульденов соответствовали примерно:
112 рейнским золотым гульденам, или
117 венгерским золотым гульденам,
133—143 венецианским дукатам (называвшимся также мараведисами),
150 венгерским дукатам,
240—300 испанским дукатам,
139—149 кронам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К советским читателям	5
I. Путь к власти	7
На заре раннего капитализма	7
Скупщики продукции ткацкого ремесла	10
Оптовые купцы международного масштаба	23
Международный банкир, горнозаводчик-монополист и оптовый торговец	27
Эксплуатация и угнетение горнорабочих	42
Банкиры духовных и светских владык	46
II. У рычагов политики	55
Вершители судеб короны	55
Финансисты войн	73
Реакционный союз	77
Княжеский образ жизни	81
Мировоззрение Фуггеров	87
III. Борьба за прогресс	94
Бунт против «монополии» и ростовщичества	94
Реформация и ее заклятый враг из Аугсбурга	111
Народ поднимается	120
IV. Палачи революций	128
Серебро и золото из крови крестьянской	128
Союз с контрреформацией	140
Крестовый поход против Нидерландов	154
V. Закат и новое возвышение	161
Конец торгового и банкирского дома	161
Феодалы	170
VI. В эпоху империализма	187
Сообщники Гитлера	191
После второй мировой войны	196
Литература ФРГ о Фуггерах	209
Два пути истории	219
Приложение	223
Некоторые сведения о доходах «больших» и «маленьких» людей	223

А. НОРДЕН

Некоронованные властители

ИБ 3480

Редактор М. М. Новакова

Художник И. С. Клейнэрд

Художественный редактор В. А. Пузанков

Технический редактор Н. А. Максимова

Корректор Н. И. Шаргакова

Сдано в набор 05.09.77. Подписано в печать 28.07.78.
Формат 84×108^{1/4}. Бумага типографская № 1.
Литературная гарнитура. Высокая печать. Условн.
печ. л. 12,18 + 0,84 печ. л. вклейк Уч.-изд. л 12,24.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 877. Цена 85 к. Изд.
№ 23390.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Союзполиграфпром» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА В СВЕТ

СТИНГЛ М. **Индейцы без томагавков.** Пер. с чешск.

Автор — известный чешский этнограф. В книге рассматриваются различные теории происхождения индейцев, описываются главные индейские культуры на территории Американского континента, рассказывается о хищнической политике европейских завоевателей и колонизаторов, о современном состоянии индейского вопроса в США, о борьбе индейцев за свои права.

Данное, второе издание книги на русском языке автор дополнил новыми материалами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА В СВЕТ

ФОСКЕ Х., НИТЦШЕ Г. **Вильгельм Пик.** Биографический очерк. Пер. с нём.

Настоящая книга — первая обобщающая работа о жизни и деятельности выдающегося деятеля немецкого и международного рабочего движения В. Пика. Используя богатый архивный материал, авторы создают образ В. Пика — одного из основателей КПГ, верного соратника Э. Тельмана, первого Президента ГДР, интернационалиста, большого друга Советского Союза. Через призму его деятельности показываются основные этапы борьбы немецких коммунистов. Подробно рассматривается роль В. Пика в создании Национального комитета «Свободная Германия» и в сплочении антифашистских сил во время второй мировой войны, его деятельность в Коминтерне и на посту первого Президента ГДР.